

✦ Григорий Турский ✦

ИСТОРИЯ ФРАНКОВ

Григорий Турский История франков

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=617175
История франков: Центрполиграф; М.: 2009
ISBN 978-5-9524-4560-4*

Аннотация

Труд Григория, епископа Турского, охватывает гигантский исторический пласт – от сотворения мира до уже современных автору событий VI века. Раннее западное Средневековье – крещение короля Хлодвига, завоевание Аквитании и Бургундии, возникновение и развитие Франкского государства, междоусобные раздоры между сыновьями короля Хлотаря – предстает перед нами полной драматизма эпохой. Историческое повествование перемежается забавными историями, ироническими пассажами, знаменитыми и неизвестными анекдотами, делая труд Григория Турского не только достоверным источником информации, но и интересной для чтения книгой.

Содержание

Введение	4
Григорий Турский	4
Время Григория Турского	8
Сочинения Григория	11
История франков	12
Исторические и литературные предшественники	13
Осведомленность	15
Достоверность описания	16
Другие историки его времени	17
Язык	19
Стиль	20
Юмор и ирония	22
Заметки о природе	25
Рукописи	26
Взгляд на Григория сквозь столетия	27
Краткая библиография	28
История франков	29
Предисловие Григория, епископа церкви в Туре	31
Книга I	32
Книга II	51
Книга III	81
Конец ознакомительного фрагмента.	86

Григорий Турский

История франков

Введение

Григорий Турский

Историк, которому было суждено войти в мир под именем Григория, XIX епископа Тура, родился 30 ноября 539 (или 538. – *Ред.*) года¹ в городе Клермоне, который теперь называется Клермон-Ферран, главном городе провинции Овернь (от галльского племени арвернов). И по матери и по отцу он принадлежал к высшему галло-римскому сословию, представители которого исстари служили католической церкви.

Биография Григория известна лишь фрагментарно. При крещении он был наречен Георгием Флорентием. Отец Григория умер, когда он был ребенком. Его мать переехала в Бургундию и поселилась в своем имении близ Каваллона. Когда Григорию исполнилось восемь, его отправили в Клермон, на воспитание в дом его дяди Галла, епископа этого города. После смерти Галла мальчик остался с его преемником Авитом.

Из Клермона он совершал частые и длительные визиты к своему двоюродному деду святому Ницетию, епископу Лиона, и кузену, святому Евфронию, епископу Турскому. Никто не удивился, что в 563 году, когда ему исполнилось всего двадцать пять, Григория посвятили в дьяконы. В 573 году, после кончины Евфрония, Григорий с одобрения короля Сигиберта был избран девятнадцатым епископом Тура. Григорий управлял Турским епископством вплоть до смерти, последовавшей в возрасте пятидесяти пяти лет 17 ноября 594 года.

Стать епископом в меровингской Галлии VI века означало взвалить на свои плечи огромную ответственность и получить огромную власть. Избранный епископом сохранял свои владения и должность вплоть до дня смерти. Правда, бывали и исключения. Достоверно известно, что Претекстат Руанский был убит в своем собственном соборе, обла давший большими политическими амбициями Эгидий Реймский был обвинен в измене и отправлен в изгнание, чудом избежав худшей участи, а Гунтар Турский предпочел выпить яд.

Правда, жизнь светского правителя была не слаще. Он мог погибнуть на поле боя или во время какой-либо стычки. В любой момент его могли сместить, отобрать земли и собственность, а затем замучить до смерти, не доказывая или вообще не выдвигая никаких обвинений.

Епископы были гарантами чистоты католической веры и защищали ее интересы в бесчисленных спорах с евреями, неверными, арианами и любыми другими сектантами, а иногда и от правителей своей собственной страны или обманщиков, которые объявляли себя воскресшим Христом. Именно поэтому в начале своей «Истории» Григорий подробно и четко излагает символ католической веры, а затем многократно полемизирует по теологическим вопросам.

Епископы оказались защитниками общественной морали и нередко становились образцами для подражания, ибо были единственными людьми, находившимися у власти,

¹ Григорий рассказывает, что родился в День святого Андрея. Он сообщает также о том, как мать пришла в Тур после его посвящения и была исцелена святым Мартином от мышечных болей, которые беспокоили ее тридцать четыре года, начиная со дня его рождения.

которые обладали хоть каким-то диалектическим мышлением, практиковавшими христианское милосердие и доброту.

Они отвечали за церковную утварь, гробницы и мощи святых² и мучеников, за ремонт и поддержание в надлежащем порядке существовавших церквей, за организацию новых мест поклонения³. Они контролировали монастыри и женские обители в своей епархии. Сложность возложенных на их плечи проблем ярко видна в описании мятежа в обители Святой Радегунды в Пуатье.

Кроме того, епископ управлял огромной собственностью, многочисленными слугами и обширными возделываемыми землями. Право отлучать мирян от церкви внушало благоговейный страх. В Галлии во времена Григория было одиннадцать провинций, в каждой из которых был свой епископ и 118 викарных епископов.

Конечно, как у турецкого епископа, у Григория были свои особые обязанности. Он был митрополитом Ле-Мана, Рена, Анже, Нанта и четырех других епархий. Его собор сгорел в разрушительном пожаре, который опустошил Тур еще при его предшественнике Евфронии, и потребовалось семнадцать лет, чтобы восстановить его. Собор Святого Мартина была сожжен дотла священником Виллихаром, и, хотя многое уже было сделано в процессе реставрации, Григорию пришлось уделить значительное внимание его внутреннему убранству.

Тот факт, что святой Мартин был похоронен в Туре, сделал это место особо почитаемой святыней, и Григорию приходилось терпеть присутствие таких скрывававшихся от правосудия злодеев, как Гунтрамн Бозон, Мервей и Эберульф.

Церковные строения Григория постоянно осаждали посетители. Описание следов повозок, которые и сегодня виднеются в водах Красного моря, основаны на рассказах очевидцев. Изгнанный из Армении епископ Симон остановился у Григория и рассказал о церкви Сорока Девяти Мучеников и взятии Антиохии (Антиохию брали много раз. Здесь, видимо, о ее разрушении в 538 г. иранским шахом Хосровом I Ануширваном. – *Ред.*). Святой Аредий, аббат Лиможский, находился у Григория незадолго до смерти.

В течение двадцати одного года епископата Григория гражданская власть в Туре перешла от Сигиберта к Хильперiku, а затем вернулась к Сигиберту II; пока он был несовершеннолетним, управление осуществлялось Гунтрамном. И со всеми этими правителями Григорий сохранял доверительные отношения, а иногда поддерживал и дружеские связи. Так, об одном из своих предшественников, злополучном Гунтаре, он писал: «Человек мудрый и проницательный, будучи аббатом, он не раз становился дипломатическим посредником между франкскими правителями».

Вторую часть сказанного вполне можно отнести к самому Григорию Турскому: он находился вместе с королем Хильпериком при Ножан-сюр-Марн в 581 году, он был в городе Шалон-сюр-Сон в 587 году в качестве посла короля Хильдеберта II, когда отправился к королю Гунтрамну, чтобы отвести любые сомнения в отношении условий Договора в Андело. Позже он разрешил спор между Клотильдой и Базиной во время смуты в женской обители Святой Радегунды.

Несмотря на ограниченную площадь Галлии, Григорий много путешествовал, оставив описания разных мест (Отён, Кариньян, Шалон-сюр-Сон, Клермон, Кобленц, Дижон (?), Лион, Мец, Ножан-сюр-Марн, Орман, Париж, Пуатье, окрестности Реймса, Суасон, Вьен и др.), хотя только один раз покинул ее пределы, добравшись до Кобленца.

² Григорий приводит очаровательное описание самого себя и церковного служителя, обследующих с зажженной свечкой усыпальницы в церкви Святого Мартина.

³ Предшественники Григория в Туре непрерывно строили: Евфроний выстроил четыре церкви, Бавдин две, Перпетуй семь. Если взять в качестве примера другой период, то окажется, что между 1050 и 1350 гг. только во Франции выстроили 80 соборов, 500 больших церквей и десятки тысяч сельских церквей.

Примечательной оказалась и его внешность. Он был небольшого роста. Сохранился апокрифический рассказ о том, как он однажды посетил папу Григория I Великого в Риме, преклонился перед ним в знак подчинения, и когда поднялся, то увидел, что папа с недоумением изучает его, как бы собираясь сказать: «Нас делает Господь, но не мы сами себя».

Рассказывают также, что он часто болел, поэтому приобрел привычку самому делать себе лекарства из настоев трав, пыли и мощей святых⁴. В любом случае тот факт, что он постоянно болел, не является особенным, поскольку в то время в мире правили бубонная чума и дизентерия.

Невзрачный, болезненный, он обладал широким сердцем, отказавшись передать Гунтрамну Бозона заносчивому эмиссару Хильперика, или в одиночку осмелился вступить за епископа Претекстата на соборе в Париже, спорил с королем Хильпериком. Вместо того чтобы бежать из страны, как его к тому принуждали, он храбро защищался на совете по обвинению в том, что оклеветал королеву Фредегунду. Он также активно сопротивлялся попыткам сборщиков налогов обобрать жителей Тура.

Он гордился своими выдающимися родственниками, но только благодаря самому себе стал тем, кем он был. Как мы видели, Григорий Турский сыграл огромную роль в истории своего времени, но об этом он практически не пишет, и если ему приходится об этом говорить, то он делает это мимоходом и не придавая своей деятельности особого значения.

Фактически он открывает нам сложные события двух десятилетий, при этом всячески уходя от того, чтобы выделить свою собственную роль. Итог собственной разнообразной деятельности в Туре между 573 и 593 годами в отображении Григория Турского носит предельно обобщенный характер. Он перестроил собор и снова украсил церковь Святого Мартина, об этом Григорий просто не мог не написать, потому что все об этом знали и каждый камень кричал о его роли. Он все раскрыл, определил и сдул пыль, разместив в подходящих удобных позициях разнообразные сосуды, наполненные разложившимися останками.

Свободно описывая архитектурные достижения своих предшественников, Григорий делает вывод: «Во многих других местах в Туре и по соседству я освящал церкви и часовни, располагая в них мощи святых. Их было так много, что перечень занял бы целый лист». Григорий был вовсе не многословен, его образование было поверхностным, и, возможно, описания, которые он с такой легкостью нам преподносит, основываются на том, что он всегда искал соответствующие цитаты, в первую очередь из Библии.

Григорий также обладал особым чувством справедливости, его характеристики множества людей и событий заполняют сцену, большинство из них достойны осуждения в том или ином виде, ведь, как человек своего времени, он был наделен предрассудками и мог ошибаться. «История франков» забрызгана кровью и гноем, в ней звучат крики замученных до смерти мужчин и женщин. Однако Григорий никогда не оспаривал столь эффективный способ получения признаний, подразумевающий выдачу сообщников и удовлетворивший кровавую жажду правителей.

Кроме того, Григорий был необычайно сострадательным человеком. Обычно часто цитируют следующий отрывок из его книги. В 580 году дизентерия снова опустошила Галлию.

Вот что пишет об этом Турский: «Эпидемия началась в августе месяце. Она прежде всего обрушилась на маленьких детей и оказалась для них фатальной: мы потеряли малышей, столь дорогих и сладостных нашему сердцу, которых мы холили у груди и качали на руках, которых кормили и вскарммливали с такой заботой. Когда я пишу, я вытираю слезы и

⁴ Известно, что в 573 г., всего за два месяца до своего посвящения, он серьезно заболел дизентерией и почти отчаялся, думая, что умрет. Тогда Григорий прибег к своему любимому лекарству, *potio de pulvere sepulchi*, изготовленному из настоя пыли, взятой с гробницы святого Мартина, и когда он его выпил, то тотчас поправился.

повторяю снова слова Иова: «Бог дал, Бог взял, чтобы ублажить Господа, нужно потерять. Славьте Господа, мир бесконечен».

И наконец, Григорий обладал весьма своеобразным чувством юмора. Снова и снова, заключая самые серьезные рассуждения, переворачивающие душу описания, он добавляет поразительные комментарии, часто саркастически насмехаясь над самим собой. Приведем только один пример.

Рассказав о деятельности обманщика, ложного целителя, называвшего себя Христом, он пишет: «Примерно в то время мне выдалась возможность самому съездить в Париж, меня разместили в церковном доме святой Юлиании, мученицы. Как раз на следующую ночь этот несчастный бежал из тюрьмы, с обвитыми вокруг тела цепями, и направился в церковь Святой Юлиании, где распростерся на каменном полу на том самом месте, где я обычно стоял.

В середине ночи я поднялся, чтобы произнести свои молитвы Господу, совершенно не ведая о том, что произошло. Этот человек настолько сильно смердел, подобно сточной канаве, что я просто не смог войти в церковь из-за этого запаха.

Один из младших священнослужителей осмелился выйти вперед, зажимая нос, и попытался его поднять, но не смог, потому что несчастный был совершенно пьян. Тогда вышли вперед четыре других священника, подняли его на руки и бросили в церковный коридор. Принесли воду, начисто отмыли каменный пол, потом разбросали приятно пахнущие травы, и тогда я, наконец, смог войти и совершить службу. Но даже мое пение не смогло разбудить пришельца».

Если вы пропустили это место или благоговейно сдержали усмешку, в следующем предложении Григорий специально переписывает для вас строки из Вергилия: «Когда дневной свет вернулся в мир и яркое солнце поднялось в небо» («Энеида»), я вернул человека епископу и попросил, чтобы тот простил его». Заметьте, Григорий просит о прощении, но не наказании. Итак, как бы ни были ужасны его времена, он оставался любящим человеком.

Семья Григория Турского:

Время Григория Турского

«История франков» буквально переполнена именами королей и королев. Как он сам объясняет, его личное повествование, возможно, начинается с убийства короля Сигиберта в 575 году, вскоре после его собственного посвящения. Этому событию посвящены книги с V по X. Поскольку Григорий придает такое большое значение событиям прошлого, нам самим не остается сделать ничего другого, как следовать за ним.

Короли династии Меровингов правили Галлией с начала V века вплоть до 751 года, хотя последние сто лет или более их правления оказались временем постепенного заката и подчинения Меровингов майордомам, которым в лице Каролингов и было суждено со временем сменить эту династию.

Григорий бегло упоминает Хлогиона, или Клодио, полулегендарного основателя рода, равно как и умершего в 456 году его преемника и предполагаемого сына Меровея, в честь которого династия и получила свое название. Только две главы посвящены правлению третьего короля из династии Меровингов Хильдерика, умершего в 481 году.

Как и следовало ожидать, Григорий уделяет особое внимание Хлодвигу, который своими победами над последними представителями римской власти и затем над алеманнами, бургундами и вестготами объединил большинство галлов под властью салических франков.

Хлодвиг разбил последнего наместника Римской Галлии Сиагрия при Суасоне в 486 году (а затем казнил, после того как Сиагрий был выдан франкам королем вестготов Аларихом II), женился на бургундской принцессе Клотильде, в 496 году она уговорила его креститься по ортодоксальному (православному) обряду. В 507 году Хлодвиг разбил вестготов при Вуйе (близ Пуатье) и убил их короля Алариха II, а в 511 году, на тридцатом году своего правления, умер в Париже и был похоронен в основанной им церкви Святых Апостолов, впоследствии получившей имя Святой Женеьевы.

Хлодвиг оставил четырех сыновей: Теодориха, ребенка от наложницы, и Хлодомера, Хильдеберта I и Хлотаря I от Клотильды. Их бесконечные ссоры, войны в Бургундии, Септимании и Испании, рассказ о том, как при поддержке Хильдеберта Хлотарь убил детей Хлодомера и затем уничтожил собственного мятежного сына Храмна, описаны бегло, но выпуклыми деталями в книгах III и IV.

Хлотарь I умер в 561 году. Все его братья не пережили его. Он оставил четырех сыновей, трое из них – Хариберт, Гунтрамн и Сигиберт – были детьми Ингунды, его второй жены, а Хильперик – единственным ребенком третьей жены, Арегунды. Франкская Галлия, которую Хлотарь, подобно Хлодвигу, объединил при своем правлении, теперь снова была разделена между четырьмя братьями на четыре части со столицами Париж, Орлеан, Реймс и Суасон.

Время их правления, вплоть до смерти Хариберта в 567 году, схематично описано в первой половине книги IV. После смерти старшего брата состоялся новый передел королевства. Он произошел с 567 до 575 года, когда Сигиберт был убит в королевском поместье Витри, находившемся между Дуэ и Аррасом.

В это время Григорию исполнилось тридцать шесть лет. Будучи современником многих событий, он оставил их описания, хотя сам не принимал в них участия. Начиная с 575 года его манера письма меняется, он начинает писать с большим достоинством, проявляя личную осведомленность в описываемом, поскольку занимает видное место епископа Турского.

После убийства Сигиберта Хильперик прожил еще девять лет. События этого периода достаточно подробно описаны в книгах V и VI. У Хильперика было три жены: Авдовера, которая была заключена в женскую обитель и позже убита Фредегундой, Галсвинта, сестра

Брунгильды, супруги Сигиберта, которую Хильперик задушил с помощью гарроты. И сама почтенная Фредегунда, мирно почившая в своей постели в 597 году.

Старший сын Хильперика Теодеберт (Теодоберт) пал на поле битвы, Хильперик вынудил непокорного Меровея убить себя, Хлодвиг, третий сын Авдоверы, был убит Фредегундой, дочь Хильперика Клотильда возглавила восстание в обители Святой Радегунды в Пуатье. Ригунта, дочь Хильперика от Фредегунды, отправилась в Испанию, чтобы выйти замуж за Реккареда, сына короля вестготов, но добралась лишь до Тулузы, где узнала о смерти своего отца. Претерпев множество превратностей, она вернулась домой к своей матери-вдове, с которой и прожила в постоянных стычках.

В 584 году Хильперика убили в королевском поместье Шель. «Однажды, когда он в сумерках возвращался с охоты, один слуга сбросил его с лошади, а другой два раза ударил его ножом. Кровь тотчас хлынула изо рта и открытой раны, так наступил конец этого безнравственного человека».

После смерти Хильперика остался Гунтрамн, единственный выживший сын Хлотаря I. Сигиберту наследовал его сын Хильдеберт II, которому в 575 году было пять лет. Наследником Хильперика стал Хлотарь II, единственный сын Фредегунды, которому исполнилось четыре месяца. Задолго до этих событий Гунтрамн потерял всех своих четырех сыновей. Его вторая жена Маркатруда убила его единственного сына Гундобада, а затем потеряла своего собственного сына. Двое детей Острехильды, Хлотарь и Хлодомер, умерли от дизентерии в 577 году. Поэтому Гунтрамн с 584 года выступал как великодушный дядюшка Хильдеберта II, которого он называл своим приемным сыном.

Более подробные трактовки даются в книгах VII—X «Истории», охватывающих 584—591 годы. Сорок из 168 глав посвящены церковным делам. Хотя в других главах говорится о непрерывных восстаниях знати, оспаривавшей власть короля. Говорится также о постоянной враждебности бретонцев, приводившей к постоянным конфликтам. Их подавление сопровождалось ужасным кровопролитием и убийствами. Тогда Хильдеберт II был еще ребенком, но за его спиной стояла его мать, королева Брунгильда, ненавидевшая королеву Фредегунду. Когда же Хильперик наконец достиг поры зрелости, его отношения с дядей определялись Договором в Андело от 587 года.

История франков представляет собой непрерывный ряд епископов, аббатов и других выдающихся деятелей церкви. Григорий вначале рассказывает о них без какой-либо системы — то, что ему доводилось слышать или узнать из источников. Затем Григорий снова возвращается к теме, проводит систематизацию и добавляет шестьдесят восемь глав, большинство из которых повествуют о священнослужителях, а в книге X помещает краткую характеристику деятельности восемнадцати епископов Тура, предшествовавших ему.

Сочинения Григория

Многогранную деятельность Григория лучше всего отражает краткий перечень его трудов с небольшими комментариями от автора.

Для человека, который прожил всего лишь пятьдесят пять лет и который в последние двадцать один год своей жизни вел необычайно насыщенную жизнь, Григорий уделял много внимания литературному труду. Прощаясь со своим читателем в конце «Истории франков», он приводит список своих литературных сочинений: «Я, Григорий, написал эти десять книг «Истории», семь книг о Чудесах и одну жизнеописаний отцов. Я также составил книгу «Комментарии к Псалтири», написал книгу «О церковных должностях».

Полный список его трудов выглядит следующим образом:

1. «История франков в десяти книгах», переведенная в настоящем издании. У книги I имеется следующий заголовок: *Historiae Aeclesiasticae Liber Primus* и затем *Liber Historiarum Primus*. В заключении книги X называется *Liber Historiarum Decimus*. Без сомнения, дополнения сделаны переписчиком. Точные слова Григория следующие: «*decem libros Historiarum*», по которым книга и названа «Историей». Его заключительные рассуждения в книге X включают 591 год. В самом конце он ссылается на двадцать первый (год) своего правления, то есть 593—594 годы.

2. *Liber in Gloria Martyrum Beatorum*, книга в 106 главах. Последнее упоминание возвращает к Риму периода дьякона Григория Агиульфа 590 года.

3. *Liber de passione et virtutibus Sancti Juliani martyris*, книга в пятидесяти главах. Последняя отсылка относится к посвящению Григория 20 августа и его прибытию в Тур в качестве епископа 28 августа 573 года.

4. *De virtutibus beati Martini episcopi*. Книги I—IV. Последний отрывок посвящен празднику святого Мартина, происходившему 4 июля 593 года.

5. *Liber vitae Patrum*, одна книга, состоящая из 21 главы. Последнее упоминание также касается возвращения из Рима дьякона Григория Агиульфа в 590 году.

6. *Liber in gloria Confessorum*, одна книга в 110 главах. В третий раз встречаем упоминание о возвращении домой Агиульфа, «*mihi vir fidelis*» в 590 году. Разделы 2, 3, 4 и 6 в совокупности составляют семь книг о Чудесах, приписываемых Григорию благодаря абзацу, процитированному выше.

7. *Liber de miraculis beati Andreae apostolic* – одна книга в тридцати восьми коротких главах.

8. *Passio sanctorum Martyrum Septem Dormientium apud Ephesum*, книга в двенадцати очень коротких главах, переведена на латынь самим Григорием.

9. *De Cursu Stellarum ratio*, одна книга в сорока четырех очень коротких главах, содержит упоминание о комете, которую видели в Галлии перед убийством короля Сигиберта в 575 году.

10. *In Psalteri tractatum commentarius*, отсутствует только вступительная часть и заголовки глав.

11. Книга о Сидонии Аполлинарии (не сохранилась).

Все эти книги относятся к разным жанрам, относительно невелики по объему, каждая из них представляет собой законченное целое. На основании имеющихся сведений книгу о святом Юлиане (Иулиане) можно отнести к ранним работам, основная ее часть написана до посвящения Григория. Возможно, сказанное относится и к некоторым другим. И напротив, книги I, II, IV, V и VI представляют собой продолжающиеся своды, в которые, пока позволяло здоровье, Григорий добавлял новые главы. Все пять книг доведены до 590 года.

История франков Замысел и жанр

В предисловии Григорий сокрушается о том, что в Галлии его времени «нет никого, кто мог бы написать книгу о том, что произошло сегодня».

В какой-то момент после своего посвящения в августе 573 года, осознавая груз возлагаемой на него ответственности, Григорий решил написать историю своего времени. Он продолжал работать над этой книгой вплоть до последнего года своей жизни, хотя повествование заканчивается 591 годом.

Григорий обладал умением мыслить в хронологической последовательности, поскольку в VI веке историк, описывающий современные ему события, должен был быть и историографом – то есть хронистом, регистратором, – который перечисляет в формате дневника происходившие при нем события, выбирая самое существенное и располагая материал в хронологическом порядке.

«История» Григория, без сомнения, больше чем хроника, поскольку в ней сильна повествовательная сторона, а самые значительные события выстраиваются в драматургической последовательности; Григория нельзя назвать неумелым рассказчиком, поскольку в формат хроники он то и дело вставляет собственные рассказы.

Постепенное многолетнее собирание материала и его последующая обработка в виде истории философского свойства, когда причина соответствует следствию, а части хорошо организованы и соразмерны, явно не соответствовало характеру Григория. Приняв такой метод, он, скорее всего, так и не смог бы завершить своего труда и умер бы окруженный записями.

Занимаемое им место епископа в Туре позволяло описывать практически все современные ему события глазами их непосредственного свидетеля. Однако текст «Истории» написан настолько гладко и последовательно, что даже исследователю трудно установить, где начинается рассказ о современных Григорию событиях. Своеобразным знаком служит завершение книги IV, которая заканчивается подробным расчетом лет от Сотворения мира до убийства Сигиберта.

Видимо, собственный рассказ Григория начинается с книги V, открывающейся страстным вступлением, за которым следует рассказ об убийстве Сигиберта в 575 году, а затем вплоть до книги X Григорий рассказывает о современных ему событиях.

Возможно также, что он заранее готовился к своему труду. В течение первых трех лет своего епископства он сделал наброски некоторых частей первых книг, постепенно выстраивая замысел всего труда в то же время, а позже не раз возвращался к своим первым годам. Вдохновленный хрониками Евсевия, святого Иеронима и Орозия, а также знанием Библии, Григорий, подобно своим предшественникам, начинает свой труд с дней Сотворения мира, затем говорит о Рождении Христа и, наконец, о последних событиях Нового Завета. Однако сюжет книги III не ограничивается указанными событиями. Он двигается дальше, вплоть до смерти святого Мартина Турского, последовавшей в 397 году, и, в соответствии с оригинальными намерениями Григория, к тому времени, когда он закончил, он охватил в одной книге, состоящей из тридцати пяти глав, не менее чем 5596 лет мировой истории. Возможно, конечно, что книга I или большая часть ее была написана перед книгами V—X.

Третий этап, которому посвящены книги II, III и IV, связан с закрытием бреши, образовавшейся между смертью святого Мартина, последовавшей в 397 году, и убийством Сигиберта в 575 году. Видимо, Григорий работал над ними одновременно с написанием рассказа о современных событиях. В часы досуга, между написанием той и другой книги, он методи-

чески заканчивает первые четыре книги, переходя от времени Траяна к первым годам своего собственного епископства и легко совмещая эту работу с началом книги V.

Возможно, все происходило именно так. Опираясь на труды Евсевия и святого Иеронима, Григорий вполне мог довести повествование до 378 года, затем по труду Орозия изложить события начала V столетия, постепенно дополняя отдельные книги. Поэтому книги I—IV вполне могли быть написаны или продуманы до написания книг V—X.

То, что вначале кажется последовательным повествованием о более или менее современных событиях, то есть именно «Историей франков в десяти книгах», оказывается сложным текстовым единством, охватывающим период от Сотворения мира и грехопадения Адама до конца VI века н. э.

Необходимо сказать и о еще одном, четвертом уровне структуры этого труда. Начиная с 584 года Григорий возвращается назад и начинает вставлять главы, дополняющие предыдущие книги. Видимо, по мере оформления всего замысла Григорий увидел, что, как только завершилась библейская история, его «История» превратилась в описание основных мирских событий, произошедших в Галлии, и регистрацию святых, мучеников и епископов церкви.

Поняв, что о многом он пишет слишком скупо, а возможно, и используя материалы своих более ранних книг, *Liber in gloria Martyrum Beatorum*, *Liber vitae Patrum* и *Liber in gloria Confessorum*, Григорий начинает вводить новые материалы. Всего известно 68 введенных глав. В основном они посвящены священникам и делам церкви.

В 30-й главе книги X Григорий в свойственной ему увлекательной манере описывает все погодные явления, случившиеся в 591 году, последнем из описанных в его «Истории». Не говоря о благодатной солнечной погоде, он описывает только время бурь: «Сено сгнило от непрекращающихся дождей, реки вышли из берегов, наступил голод от недорода зерна, но зато урожай винограда был необычайно обильным.

Желуди выросли, но не поспели». Именно на этом месте Григорий отложил перо.

Он, естественно, не мог знать, что не умрет в ближайшие три года, но, возможно, Григорий почувствовал себя тогда старым и немощным. Сделав последнее усилие воли, он снова взялся за перо, чтобы перечислить восемнадцать предшествовавших ему епископов Тура.

В отдельной части, представляющей собой нечто вроде приложения, он перечисляет их всех в хронологической последовательности, посвятив каждому один абзац, а затем добавляет соответствующий рассказ и о самом себе. Затем Григорий протягивает нам свой *Decem libros Historiarum*, умоляя в отрывке, который одновременно содержит самоуничижение и идет от сердца, не совершать насилия и теперь складывает перо в последний раз: «*quoniam omnis summa est anni MMMMDCCXCII*».

Исторические и литературные предшественники

Большая часть книги I «Истории» представляет собой изложение Ветхого и Нового Заветов. В книге II Григорий упоминает трех хронистов – Евсевия, Иеронима и Орозия. Большая часть греческого текста «Хроник» Евсевия утрачена, и в любом случае Григорий не мог прочитать ее, но ряд отрывков приводится по латинскому переводу Иеронима и его же продолжению. В 4-й главе книги I Григорий замечает: «До сих пор по Иерониму, далее по труду священника Орозия». Однако фрагменты из его *Historiae adversum Paganos* («Истории против язычников») на самом деле немногочисленны.

В книге I Григорий ссылается также на апокрифическую книгу, известную как *Gesta Pilati* Сульпиция Севера, автора *Historiae Sacrae* («Священной истории»), и на Виктория Аквитанского, автора *Cursus Paschalis*. Встречается только одно предложение-цитата из *Passio Sancti Saturnini* («Страстей» святого Сатурнина), три главы частично основаны на *De*

viris illustribus Иеронима. Большая часть одной главы взята из «Страстей» святого Иринея, умершего в 203 году, другая основывается на Житии святого Илария, умершего в 366 году.

Среди других источников отметим «Хождение святого Феодосия в Святую землю» и «Обретение Креста Господня».

В 8—9-й главах книги II Григорий приводит первые упоминания о франкских королях, для чего обращается к двум источникам, сегодня утраченным, *Historia* («Истории») Рената Фригериды и *Historia* («Истории») Сульпиция Александра, конца IV века, откуда приводит пространные цитаты. Более обширный материал он взял из труда Орозия. Григорий также ссылается на *Vita Sancti Aniani* (Житие святого Аниана), умершего в 453 году, на два послания Сидония Аполлинария (ок. 430—488) и «Послания и проповеди» святого Авита, умершего около 518 года. Он также приводит небольшую цитату из письма святого Евгения, умершего в 505 году. Другие детали собраны из *Passiones martyrum in Africa* («Страстей африканских мучеников»), *Vita Sancti Remigii episcopi Remensis* (Жития святого Ремигия), 437—533, *Vita Sancti Maxentii* (Жития святого Максентия), ок. 447—515.

В последних восьми книгах цитат гораздо меньше. Григорий однажды упоминает Евсевия, описывая, как у Ария выпали внутренности в уборной. Он приводит по одному предложению из Орозия и Сидония Аполлинария, называя его «нашим единственным». Говорит, что стихи короля Хильперика представляют собой подражание Седулию (425—450). В прощальном обращении содержится пространный абзац, посвященный автору *Satiricon* («Сатирикона») V века Марциану Капелле. Утраченные письма Ферреола (ум. 581), епископа Оза, сравниваются с посланиями Сидония. Сульпиций Север, епископ Буржа, умерший в 591 году, упоминается как поэт. В одном абзаце упомянут Венанций Фортунат (ок. 530—600), который должен был стать епископом Пуатье.

Видимо, Венанций, Ферреол и Сульпиций были современниками Григория, но полное впечатление об их трудах на основании имеющихся скудных источников составить невозможно. Григорий несколько пытается изменить ситуацию. В книге II он уже цитировал вторую книгу «Энеиды». В последних восьми книгах он включил большие цитаты из Вергилия, процитировав его четыре раза. Григорий также дважды цитирует Саллюстия.

Необходимо также отметить, что в ряде случаев Григорий вставляет важные документы непосредственно в текст. Их всего семь, и все они находятся в книгах IX и X.

1. Письмо всем соседним епископам от святой Радегунды, когда она была занята устройством своего сестричества в Пуатье.

2. Ответ, посланный святой Радегунде семью епископами.

3. Текст договора, подписанного королем Гунтрамном и королем Хильдебертом II в Андело в 587 году.

4. Послание, с которым папа Григорий обратился к пораженным чумой жителям Рима как раз перед своим посвящением в 590 году.

5. Письмо с выражением сострадания и поддержки, посланное в 590 году епископу Бордо Гундегизилу десятью его друзьями-прелатами по поводу неудачного подавления смуты в женской обители Святой Радегунды в Пуатье.

6. О суде, проведенном в 590 году над аббатисой Левбоверой и двумя мятежными монахинями Клотильдой и Базиной лично самим Григорием, митрополитом Тура, Эбрегизилом, епископом Кельна, Гундегизилом, митрополитом Бордо, и другими епископами провинции Бордо.

7. Перечень постов и ночных служб, которые отправлялись в кафедральной и других церквах Тура.

Особое значение этих документов в том, что они сохранились только в «Истории франков». Сам Григорий непосредственно участвовал в текстах 3, 6 и 7. Вероятно, четвертое письмо доставил из Рима в 590 году дьякон Агиульф, устно или в виде рукописи на перга-

менте. Три письма, касающиеся женской обители сестры Радегунды в Пуатье, возможно, были скопированы его собственными турецкими капелланами.

Григорий получил скорее духовное, чем светское образование. Как мы уже видели, с восьми лет его обучал славный архидьякон Авит в Клермоне. Изучавшиеся мальчиком латинские тексты, псалмы, Евангелие, Деяния и Послания были более доступны, чем труды классических римских авторов. Скорее всего, в более поздние периоды своей жизни он практически ничего не делал, чтобы исправить пробелы в своем образовании, разве что читал «Энеиду». Приведенные в «Истории франков» несколько цитат вполне могли появиться вследствие воспоминаний о занятиях с Авитом. Поэтому столь незначительны остальные исторические и документальные сочинения Григория по сравнению с «Историей франков».

Осведомленность

Собирая информацию о событиях, которые произошли до вторжения Теодеберта в Италию в 539 году, Григорию приходилось обращаться к книжным источникам и устным рассказам. Вряд ли он начал изучать национальную историю до 563 года, когда в двадцать пять лет стал дьяконом. С другой стороны, как мы уже отметили, у него было много друзей и родственников, занимавших видное положение. Без сомнения, Григорий часто долго и детально беседовал о недавно случившемся с Авитом, своим дядей Ницетием и кузеном Евфронием.

Что же касается периода 538—563 годов и десяти лет, которые предшествовали его посвящению, произошедшему в 573 году, Григорий явно получил доступ к получению надежной информации, даже если сам играл незначительную роль или вообще не был участником описанных им событий, о которых рассказывает с 32-й главы книги III примерно до 57-й главы книги IV.

Очевидно, что в книгах V—X рассказывается о лично пережитых событиях. Детальный анализ происшествий, изложенных в них, в которых сам Григорий принимал участие, позволяет сделать соответствующие выводы. Он появляется как действующее лицо в 67 из 265 глав своих последних шести книг и в большинстве из них играет центральную роль.

В первый раз Григорий упоминает о себе, рассказывая о марше Рокколена на Тур и его враждебном сообщении: «Дальше Рокколен двинулся в Тур, получив соответствующий приказ от Хильперика. Он послал мне сообщение, требуя отлучить от церкви Гунтрамна, поскольку его обвиняют в том, что он убил Теодеберта. Если же я не выполню его приказа, он сожжет город и все его окрестности дотла».

С этого времени и в дальнейшем Григорий довольно часто принимает участие в тех событиях, которые он описывает. Многие из них имели национальное значение: прибытие Меровея в Тур в поисках убежища, совет в Париже, на котором допрашивали Претекстата, епископа Руана, визит Григория к королю Хильперiku в Ножан-сюр-Марн, время, которое он провел в Орлеане с королем Гунтрамном, визит в Кобленц с королем Хильдебертом II, пребывание в Меце с Хильдебертом, посольство к королю Гунтрамну в Шалон-сюр-Марн, суд над Клотильдой и Базиной, где Григорий являлся одним из судей, суд над Эгидием, епископом Реймса, проходивший в Меце.

После этого следует длинный ряд описаний местных происшествий в Туре: ограбление церкви Святого Мартина, разорение близлежащих окрестностей герцогом Берульфом, ссоры с Левдастом, отношения Григория с имевшим дурную репутацию графом Эберульфом, убийство еврея Арментария, скандалы между Сихаром, Австригизелом и Храмнезидом в женской обители Ингитруды.

Наконец, следует перечень еще более мелких, но необычайно интересных происшествий, иногда рассмотренных чрезвычайно подробно, несмотря на их внешнюю незначительность. Среди них личные разногласия Григория с Феликсом, епископом Нантским, спор

с королем Хильпериком о различии личностей, посещение Григорием похорон святой Радегунды и о бедном Вистримунде по прозвищу Таттон, мучившемся зубной болью.

Возможно, самым любопытным из всех этих личных воспоминаний считается описание суда над самим Григорием, обвиненным в очернении королевы Фредегунды. Это одна из вставленных глав, поскольку в оригинальном тексте, отобранном самим Григорием, об этом событии нет никаких упоминаний.

Приведенные нами перечни можно свободно расширить, что является весомым доказательством того, что повествование в книгах V—X «Истории» принадлежит лично Григорию.

Достоверность описания

Ограниченный обстоятельствами, Григорий Турский все же создал поразительно точный отчет о событиях. Его значение как хроникера признавали все последующие деятели. В XVI веке Клод Фуше назвал его «отцом французской истории» и «самым древним и точным автором, писавшим о королях и правительствах Франции». В XIX столетии Ж.Ж. Ампер воспринимал Григория «как Геродота для варваров».

Григорий Турский оказался свидетелем большинства описанных им явлений. Время от времени он копировал оригинальные документы, подтверждая свою точку зрения. В «Истории» содержатся отсылки на огромное число книг, с которыми справлялся Григорий. Когда он собирал устные сведения, то добавлял слова *fertur, ferunt* – «так говорят», «рассказывают», показывая тем самым, что он передает мнение других. Когда же он не был в чем-то уверен, то писал и об этом.

Хотя собранные им данные иногда беспорядочны, все равно они позволяют определить направление и в конце концов служат пользе дела. Такова, скажем, попытка Григория впервые определить, когда же франкские вожди получили титул короля, для чего он приводит разные точки зрения, цитируя в соответствующих абзацах *in extenso*⁵ все те исследования, которые он просмотрел. Факт тем более примечательный, что Григорий приводит сведения из тех источников, которыми мы сегодня не располагаем, написанных авторами IV века, о которых нам нигде больше не удается узнать.

Григорий стал одним из первых, кто оспаривает наивный довод, столь часто встречающийся сегодня: «это правда, потому что я читал о нем в такой-то и в такой-то книге». Наконец, хотя Григорий писал с особыми поэтичностью и энергией, все же следует согласиться с мнением профессора Р.В. Саутерна, что «историк должен ставить перед собой цель удовлетворять и тех, кто испытывает потребность в эмоциональной и рациональной манере преподнесения материала, как будто он является романистом и поэтом». С другой стороны, Григорий редко прибегал к литературным изыскам, когда же совершает подобные литературные упражнения, то мы уверены в том, что он ироничен или просто забавляется, стремясь выразить истину несколько необычным образом.

Все сказанное свидетельствует в пользу особенностей построения его труда, и все же следуют некоторые не совсем благоприятные замечания. По своему происхождению Григорий был галльским римлянином, который писал историю франков, поэтому патристически настроенные германцы обвинили его в том, что он был не верен Меровингам, преувеличивая их жестокость. Рассуждая так, вспоминаешь о напыщенном стиле его современника Венанция Фортуната или противоположном ему по тональности классически немногословном слогe Готфрида Монмутского.

⁵ Обширно, обильно. (Примеч. пер.)

Григорий считался ревностным священнослужителем, естественно, что он всегда рассматривал происходящее с позиции церкви, поэтому тот король, который регулярно отправлял церковные обряды, или граф, который предпринял особые усилия, чтобы защитить церковные строения и церковную собственность, естественно, питал надежду, что его достоинства были с готовностью перечислены в «Истории» Григория.

Как уже говорилось, Григорий, подобно другим средневековым авторам, приводит множество сочиненных им духовных бесед по разным поводам. Данный драматический прием весьма успешно использовался и английскими историками в конце XIX века.

Привычка Григория тщательно аргументировать сказанное обернулась явно чрезмерным увлечением малозначительными событиями, невольным свидетелем которых он являлся, в ущерб поворотным моментам истории его времени, о которых он сообщает мельком. Можно сказать, что он смотрел на мир из окон своего приходского дома в Туре и время от времени отбирал местные слухи. Все это верно, но не ставит под сомнение его умение оценивать описываемое и тщательно отбирать материал. Именно в этих, безыскусных и незамысловатых описаниях, которые он включил в состав своей исторической книги, и содержатся крупинки драгоценной для нас информации о жизни обычных людей того времени, которую заслоняли образы князей и влиятельных людей. Данное качество сродни колористике живописца, создающего равновесие между разными цветами. После нескольких эпически-панорамных сцен, например обращения папы Григория к страдающим от чумы жителям Рима, мы с интересом читаем о мелких семейных проблемах Евлалия и Тетрадии.

Не обошлось в «Истории» и без фактических ошибок, которые с удовольствием смаковали историки XIX века. Григорий говорит, что Альбоин семь лет совершал набеги на Италию, а на самом деле речь идет о четырех годах. Как преемника Аптохара, или Аутари, короля англобардов, он упоминает некоего Павла, о котором никто не пишет, кроме него. Он заставляет императора Юстина править в течение восемнадцати лет, в то время как на самом деле тот правил только тринадцать, с 565-го по 578-й включительно.

Конечно, такие ошибки сказываются на суждениях о нем, поскольку историки не имеют права ошибаться в фактах, но учтем те трудности, с которым приходилось сталкиваться хронисту VI века, и все эти небольшие ошибки, немногочисленные и легкоустраняемые, покажутся допустимыми, и их можно простить.

Чем дальше мы перемещаемся во времени и пространстве из города Тура 573—591 годов, тем становится яснее, что Григорий, возможно, против своей воли вводил нас в заблуждение некоторыми сделанными им суждениями. Ведь для подтверждения даже основных событий, в которых он сам играл ведущую роль, не находится других современных ему источников, с помощью которых мы могли бы проверить его. Вот почему верно суждение, что «История франков», как отметил серьезный исследователь, является «un livre exceptionnel ou l'auteur lui-meme n'est pas le moins interessant des grands personnages qu'il met en scene».⁶

Более откровенен в своем суждении О.М. Дальтон: «(Григорий) иногда утверждает то, что не отвечает истине, но это лишь потому, что он не знал правду или пользовался ненадежными источниками. Поэтому его никак нельзя обвинять в клевете или фальсификации».

Другие историки его времени

Единственным современным Григорию Турскому историком, равным ему по значению, можно считать Венанция Фортуната (ок. 530—600), которого Григорий называет «священником Фортунатом» и который после смерти Григория стал епископом Пуатье. Боль-

⁶ Исключительной книгой, где сам автор не менее интересен, чем те великие люди, которые появляются на сцене (*фр.*).

шинство его работ написаны стихами. Он родился близ Тревизо, учился в Равенне и прибыл в Галлию в 564 или 565 году, намереваясь посетить гробницу святого Мартина в Туре. Затем он поселился в Пуатье, где стал близким другом святой Радегунды и Агнесс, первой аббатисы женского монастыря.

Венанций Фортунат написал несколько прозаических жизнеописаний святых и стихотворное Житие святого Мартина в четырех книгах. Более всего он известен благодаря серии из одиннадцати поэм *Carmina*. В книге V помещено обращение Фортуната к жителям Тура в 573 году, где он поздравляет их с избранием Григория епископом.

В книге V приведено двенадцать его стихотворений, еще одиннадцать в книге VIII и одно в IX книге. Все они обращены к Григорию. В большинстве случаев Фортунат просто приветствует его или благодарит за подарки, которые получил. В других говорит о более серьезных проблемах: обращении в христианство епископом Авитом евреев в Клермоне, волнениях в женском монастыре в Пуатье. Поэмы восхитительны по слогу, но на самом деле не много добавляют к нашему знанию основных событий того времени.

В нескольких километрах от швейцарского города Фрибурга (Фрибура) жил Мариус, епископ Аваншский (ок. 530—594). Как и Фортунат, он оказался почти точным современником Григория. Мариус был автором «Хроники», которую добавили к переводу Иеронима и продолжению Евсевия, перечисляя имена и события с 455 по 581 год. «Хроника» Мариуса содержит ряд личных воспоминаний о том, что произошло в его время, но большая часть состоит только из перечня имен. Она была необычайно популярна и несколько раз издавалась, обычно используют *Monumenta Germaniae Historica series, Chronica Minora saeculorum*, издание осуществлял Теодор Моммзен (Берлин, 1894).

По стилю она лапидарна и язвительна, ее никак нельзя сравнить с «Историей» Григория, потому что в ней всего восемь страниц современным шрифтом. Существенное отличие заключается также в том, что она написана с позиций бургундца.

Полагают, что Мариус составил свою «Хронику» в конце жизни. Как и Григорий, он был хорошо знаком с королем Гунтрамном, предполагают, что они могли встретиться на соборе в городе Шалон-сюр-Сон в 579 году. Правда, сам Григорий не говорит, что являлся свидетелем событий. В частности, он никогда не упоминает Мариуса. Совершенно очевидно, что Мариус при составлении своей «Хроники» использовал часть «Истории» Григория.

Иоанн, аббат Бикларского монастыря, расположенного неподалеку от Барселоны, умерший в 621 году, ортодоксальный христианин (правившие тогда в Испании вестготы были большей частью арианами. — *Ред.*), написал короткую «Хронику», в которой охватывается период 567—590 годов. В ней всего десять страниц современного печатного текста, поэтому этот труд, как и «Хронику» Мариуса, никак нельзя сопоставить с «Историей» Григория. Хроника Иоанна интересна тем, что в ней представлен не арианский взгляд, происшествия описаны с позиции вестготов⁷. Иоанн из Биклара приводит краткое описание правления Леовигильда, короля вестготов в Испании, а также первых лет правления его сына Реккареда.

Так называемая хроника Фредегара, составленная из текстов трех анонимных авторов, написанных примерно в 613, 642 и 658 годах, представляет собой переложение отдельных частей «Истории» Григория и продолжает ее примерно на семьдесят лет. Полагают, что ее составили в Авене, поскольку события представлены с точки зрения обычного бургундца. Всего в ней четыре книги, и третья основывается преимущественно на «Истории» Григория.

⁷ Вестготы — представители западной ветви готов — германского племени, происходившего с о. Готланд, затем со II в. переселившегося в Северное Причерноморье, откуда после разгрома в 375 г. гуннами началась новая история готов, приведшая вестготов через победу при Адрианополе в 378 г. и захват в 410 г. Рима в Южную Галлию и Испанию. (*Примеч. ред.*)

Сочинение явно уступает «Истории франков», о чем говорят и сами авторы, подчеркивая, что среди историков Григорию нет равных.

Язык

Письменная речь Григория мало чем отличалась от устной. Его язык – повседневная латынь Галлии VI века, однако несколько облагороженная, поскольку использовалась воспитанным в образованной семье человеком, занимающим высокий пост местного епископа. Не сохранились свидетельства, что «Историю франков» он диктовал.

Если речь идет о первых книгах, то очевидно, что он сверялся со своими источниками и составлял собственный список событий, которые намеревался описать. В более поздних и более интересных частях «Истории», где речь идет о конкретных событиях, явно присутствует личный взгляд, поскольку Григорий принимал в них участие или собирал соответствующую информацию у очевидцев. Затем, когда позволяли обстоятельства, он добавлял новые страницы к постепенно разрастающейся рукописи. Несомненно, Григорий пользовался услугами личных секретарей, чтобы изготовить прекрасные копии.

Григорий был занятым человеком, и его записи иногда намного отставали от реальных событий, что видно, в частности, по таким пассажам: «Произошло много событий, как радостных, так и печальных». Не следует сравнивать его латинский с классическим языком Цезаря или Цицерона, но столь же несправедливо сопоставлять его и с латынью Эйнгарда (Эгингарда, ок. 770—840) или других авторов каролингского Возрождения. Григорий пользовался народным языком, с легкостью переходя от повседневной речи времен Августа к первым текстам, написанным на старом французском языке.

По лексическому составу его язык необычайно разнообразен, его синтаксис необычайно подвижен, морфология меняется от синтетической к аналитической структуре, которой было суждено стать двухрегистровой системой старого французского, где приставки и предлоги сменили старые склонения, точно так же, как местоимения поддержали обветшавшие глагольные окончания. Образно говоря, лингвист не скажет: вторичные или третичные признаки заменили первичные.

Действительно, по небрежности переписчиков некоторые рукописи Григория, оказавшиеся в нашем распоряжении, не совсем точны. Скажем, в книгах VII—X использовалась брюссельская рукопись. В первом разделе книги VII редактор счел нужным внести сорок восемь изменений в первоначальную рукопись. Выше я уже писал о степени знакомства Григория с его предшественниками и современниками. Григорий прекрасно знал Ветхий и Новый Заветы, так что в его языке заметно влияние библейской латыни.

В «Истории» Григорий лишь однажды говорит о своем языке. «Возможно, моя латынь провинциальна, – пишет он, – но я едва ли мог промолчать о вещах, которые видел или о которых мне рассказывали сведущие люди». Подобные отсылки мы встречаем и в других сочинениях Григория.

Под провинциальностью Григорий понимал свою принадлежность к галльской провинции. Фактически он первым начинает жаловаться, если кто-то плохо говорит. Так, обманщике из Бигора он пишет: «Он говорил на языке простолюдинов, его произношение невыразительно, он использовал грубые слова». О тех немногих случаях, когда Григорий отходил от своего родного языка и был вынужден прибегать к выхолощенной речи, он говорит как о неизбежном факте. Как мы увидим, Григорий иногда привлекает внимание к своим умеренным шуткам одной или двумя витиеватыми фразами.

Григория окружали франки, многие из которых, очевидно, говорили на своем собственном языке, предпочитая его латыни или вообще не зная ее. Правда, нет подтверждений того, что он сам мог говорить на франкском языке. Григорий никогда не упоминает греческий.

Встречается только один поучительный отрывок о языках, использовавшихся в Орлеане, когда Гунтрамн вошел в город 4 июля 585 года.

«Огромная толпа горожан вышла встретить его, они несли флаги и знамена и пели песни в его честь. Речь сирийцев резко отличалась от галльских римлян и также от речи евреев, и каждый пел хвалу на своем собственном языке».

Единственный лингвистический комментарий Григория касается добавлений Хильперика к латинскому алфавиту. «Он добавил к нашему алфавиту несколько букв от греков: w, ae, the и wi, обозначив эти четыре буквы как ω, Ψ, Z, Δ. Он отправил инструкции во все города своего царства, заявляя, что этим буквам следует научить мальчиков в школе и что книги, в которых использованы старые буквы, должны быть исправлены с помощью пемзы, а новые буквы вписаны».

Стиль

Григорий писал просто и не витиевато. В «Истории франков» мы встречаем всего лишь несколько разновидностей риторических фигур, метафор. Тщетно искать в ней особенные сравнения, удивляющие метафоры и любые другие многочисленные стилистические уловки, с помощью которых он хотел бы оживить свое пространное повествование. Григорий воспринимал слова конкретно, они помогали ему рассказать историю, фиксировали его рассуждения. И очень редко позволяли выразить чувства, поэтому здесь и не встречается пространных рассуждений, витиеватостей, льстивых речей – словом, никаких уловок, какие встречаем у писателей. Все просто и ясно, и слова не отгораживают от нас мысль автора.

Григорий выстраивает свои слова как солдат, причем не как на параде, а после долгого и продолжительного похода, и большинство их одеты в потрепанную форму защитного цвета. Как епископ, он должен был руководить огромными скоплениями людей, во время величественных и впечатляющих церемоний играть центральную роль, смело высказываться на публичных собраниях, показывая себя вершителем судеб и одновременно проявляя христианскую любовь, неся слова утешения в полночный час.

При этом нельзя говорить, что его язык однообразен и однотонен, он меняется в зависимости от авторской задачи, но верно и то, что автор не стремится к стилевым изыскам. Можно сказать, он их даже избегает. «Мой стиль не слишком утончен», – замечает Григорий в своем предисловии. Когда же приходит время завершить книгу, он повторяет сказанное: «Мне хорошо известно, что мой стиль в этих книгах вовсе не гладок. То, что я написал, может показаться вам грубоватым, но я прошу вас проявить ко мне снисхождение...»

Практически сразу в связи со стилем Григория можно высказать несколько соображений. Он будет цитировать Библию до тех пор, пока на вечернем небе не покажутся кольца Ангела, а тяжелодвигающиеся коровы не начнут перемещаться домой к вечерней дойке. Когда он в настроении, то использует один из старейших приемов, известных христианским апологетами, и выводит пространные этические и духовные рассуждения, уводя нас в сторону событий, которые происходили давным-давно, предпочитая времена Ветхого и Нового Заветов. Для него ковчег – это символ матери церкви, а наше земное существование похоже то на бурное, то на спокойное море. Сам же храм Христа находится внутри нас.

Ради красного словца Григорий охотно и постоянно перемещается из прошлого к современности. Кроме того (практически на каждой странице), он сообщает нам в возвышенной форме от первого лица, что никому еще не доводилось слышать об описанных им событиях и никто не удосужился о них написать. Большинство его сравнений просты. Хлодвига он сравнивает с Константином, Левдаст – гордый как павлин, Риккульф – гордый, как Симон волхв, Хильперик похож на Нерона в старости, да и сам он Нерон и Ирод нашего

времени; священник возвращается к своему прелюбодейству, как «собака возвращается к своей блевотине».

Иногда Григорий бывает непредсказуемым и пишет, скажем, так: «Уровень реки поднялся высоко из-за заваливших реку трупов... франки пересекали по трупам реку, пользуясь ими как мостом». Люди бросались в реку в таком количестве, что «казалось, что множество пчел стремятся в улей». Самые удивительные сравнения связаны с знамением, которое ему довелось увидеть в небе над Кариньяном: «В центре небес ярко сверкало облако, и лучи сконцентрировались на нем, как будто перед нами был павильон с цветными полосками, расширявшимися книзу и уменьшавшимися кверху, встречаясь на вершине». Известно, что все публичные ораторы сильно отличаются друг от друга, об этом и пишет Григорий: «... казалось, что своими речами они преследовали ложную цель разрушения Истины». «Он, безгрешный, который так часто стремился освободить грешников», «враги, которые бродят вокруг наших границ, скорее испугаются, видя наше единство, так что нет причины радоваться их нашей ссорой».

Григорий вовсе не избегает жестких описаний, хотя, возможно, их и не стоило бы давать так часто: «Редкий день не проходил без того, чтобы кого-нибудь не убивали, едва ли не каждую минуту кто-то оплакивал близких». Время от времени он сдержанно афористичен: «Любой, кто делает то, что он хочет, явно становится рабом своих желаний и в итоге не достигает ничего». Иногда Григорий цитирует пословицу: «Дай один и тот же добрый совет тому, кто любит вас, и тому, кто вас ненавидит, и ваш друг примет его, даже если ваш недруг с презрением отнесется к нему». Отметим и резкую смену интонации: Григорий быстро переходит от нежности к безжалостной иронии, переходящей в саркастическую усмешку.

Григорий Турский в большей степени фиксирует события, нежели рассказывает о них. Он мог аккуратно перечислять такие обыденные вещи, как рождения и смерти разных людей, говорить об их происхождении, ибо слыл аккуратным человеком, и приведение сведений и дел в порядок доставляло ему удовольствие. Вместе с тем он с удовольствием рассказывает о том, как жители Пуатье и Тура соперничали за тело святого Мартина, как сразу после крещения умер первенец Клотильды и Хлодвига, или о том, как Фредегунда срубила три головы тремя топорами, которые просто свистели в унисон в воздухе, и тем самым покончила с взаимной враждой.

В другой раз он приводит яркое, хотя и краткое описание, целую картину, на которой показал множество двигающихся мужчин и женщин, и все они были изображены естественно, как у Питера Брейгеля в 1500-х годах, но вовсе не походили на экспрессивных героев Делакура: таковы рассказы об осаде Шатель-Марлака, неистовстве огня на улицах Парижа или о падении подвыпившего дьякона Теодульфа с городской стены Анже. Действительно, Григорий мог рассказать многое, хотя о своем времени он привел всего лишь несколько впечатляющих историй.

В целом же перед нами предстает одно огромное полотно, где Гунтрамн обсуждает с Хильдебертом условия договора в Андело, но Григорий о многом умалчивает: мы видим свиток пергамента, слышим статьи договора, но участники событий почти не показаны, так же как и обстоятельства подписания договора.

Григорий развертывает историю постепенно, эпизод за эпизодом. Вот интересное описание скандала в обители Радегунды в Пуатье. Сначала Григорий переносит нас в обитель, чтобы мы стали свидетелями трогательной смерти Дисциолы, рассказывает он и о видении одной из монахинь источника с живой водой. Прошли годы, умерла святая Радегунда, и Григорий отправился на ее похороны.

Потом умерла первая аббатиса Агнесс, ее сменила Левбовера. Затем начался великий бунт, и Григорий немедленно оказался в нем замешанным. История продолжается в книге IX, где помещено письмо святой Радегунды об основании обители, ответ епископов с одоб-

рением и обещание поддержать ее, написанное семью епископами, наконец, письмо, в котором десятью епископами выражено сочувствие.

В последний раз к этому сюжету Григорий возвращается в книге X, приводя запись процесса между Клотильдой и Базиной. Таким образом, оно оказывается самым длинным и документально подкрепленным из всех описанных в «Истории» событий, а переплетение столь разных моментов действительно делает его более динамичным.

Хотя Григорий и был епископом, при необходимости он мог подробно и удивительно точно описать вооружение и военные действия – скажем, описывая сцену осады Комена, когда Леодегизил принудил сдаться Гундовальда. В своих военных отступлениях Григорий сознательно использует разговорный стиль, чтобы передать язык солдатской массы. С другой стороны, авторская речь отличается более витиеватым слогом: «Когда Левдасту пришло время отправиться на службу, он получил работу на королевской кухне. Еще с юности у него были слабые глаза, и едкий дым был вреден для него. Поэтому вскоре его переместили из кухни к корзине пекаря». Левдаст был злейшим врагом Григория.

Свои изыскания Григорий проводил необычайно терпеливо, не допуская никаких редакторских комментариев, равно как и произвольного анализа, выстраивая его традиционно с помощью монолога, обращений к самому себе, диалогов, снов, воплощений наследственности и окружения, описывая реакцию на обстоятельства и затем суммируя все физические подробности.

Прекрасным примером подобного описания может послужить рассказ о короле Гунтрамне, которого мы теперь так ясно представляем, что в конце концов можем даже предугадать его реакцию в любых непредвиденных обстоятельствах. Фактически больше никто так подробно не описан. Встретив на улице Ригунту, Брунгильду или Фредегунду, мы не узнали бы их, даже если бы подошли к ним совсем близко, ведь Григорий не говорит ничего об их физическом облике, причёске или цвете глаз.

Посетив Барселону, Беллинцону или Карфаген, мы сможем описать эти города и их различный облик, но Григорий, который практически не был за пределами Галлии, вовсе не стремится даже упоминать о красотах других земель. «Все, что вы видите, принадлежит предателю Муммолу, – сказал Григорию Гунтрамн, когда они вместе пировали. – По милости Божьей они перешли ко мне. У меня было пятнадцать разных блюд из комплекта, который разбили, все такие же огромные, как и то, что вы видите перед собой. Я сохранил только эту тарелку вместе с еще одной, которая весит сто семьдесят фунтов».

Хотя Гунтрамн усиленно рекламирует свою посуду, Григорий остается глух к его намеку, и в его «Истории» мы не встречаем описания королевской тарелки. Точно так же скажем и о том, что Григория окружали франки, однако в десяти книгах содержатся только два упоминания о языке франков, так что некоторые правовые термины приходится пояснять.

Григорий редко выражает свое отношение к описываемому, ограничиваясь ясным и четким описанием. Даже отвратительные сцены пыток, которые у чувствительного читателя вызывают тошноту, даны без авторских комментариев.

Юмор и ирония

Мне уже доводилось упоминать об особом чувстве юмора Григория. Казалось бы, в его рассказе о событиях, которые сами по себе настолько ужасны, не должно найтись места для смеха. Тем не менее мы временами смеемся, отдавая должное таланту автора.

В книгах I—IV не встречаются иронические пассажи. Книга V начинается с заголовка: «Здесь мне хотелось бы сказать, начиная книгу V, аминь». Наконец, перейдя в книге V к описанию событий собственной жизни, Григорий начинает чувствовать себя в своей тарелке.

Когда необузданный граф Рокколен выступил на Тур, чтобы потребовать изгнания из святилища Гунтрамна Бозона, его люди разобрали один из церковных домов и даже украли гвозди из деревянных частей строения. Господь и святая Мария поразили Рокколена желтухой, от которой тот и умер. «...Он заболел желтухой, – пишет Григорий, возможно ставший свидетелем всего этого, – его кожа приобрела шафранный оттенок».

В следующей главе Григорий констатирует, как обменивался письмами с Феликсом, епископом Нанта, которого Григорий явно недолюбливал. «Какая жалость, что вас не избрали епископом Марсея, – пишет он Феликсу. – Тогда вместо масла и других товаров вы бы, верно, получили папирус, получив больше возможностей писать клеветнические письма таким честным людям, как я».

В отличие от Нанта Марсель не является провинцией Тура. «Не буду больше говорить об этом, – добавляет Григорий, адресуясь на сей раз к своим читателям, – опасаясь, что вы можете подумать, что я во многом остался прежним».

Через некоторое время он сообщает, что Феликс умирает от бубонной чумы. В своей последней просьбе он закликает назначить своего племянника Бургундио, чтобы тот сменил его в качестве епископа Нанта. Завистники отправили неискушенного молодого человека с письмом к Григорию, где спрашивали своего архиепископа, не сочтет ли тот возможным совершить путешествие в Нант, чтобы сделать Бургундио священником или, по крайней мере, дьяконом, а затем посвятить его.

Тогда Бургундио было всего двадцать пять, и он не обладал никакими явными талантами и не испытывал склонности стать священником. Поэтому Григорий дает ему отеческий совет. «В каноне установлено, мой дорогой мальчик, – говорит он, стараясь произносить слова очень медленно и внятно, – что никого нельзя посвящать в епископы, пока он не пройдет через различные ступени, положенные в церкви, как все. Тебе лучше отправиться обратно в Нант и найти поручителя, который может дать тебе тонзуру. Однажды ты почувствуешь, что достоин стать священником, и тогда отнесись со всей ответственностью ко всему тому, что церковь потребует от тебя. Когда Господь решит, что настало время переместить твоего дядю из епископства в лучший мир, тогда будет лучше всего, чтобы именно тебя возвели в епископы».

Григорий, конечно, с радостью увидел бы кончину Феликса, но, если бы даже епископу Нанта было суждено прожить до ста лет вместо его семидесяти, все же его епархия вряд ли бы сочла, что Бургундио достоин сменить его. В той же самой книге, в скрытой форме стремясь очернить Этерия, епископа Лизье, Григорий рассказывает, как распространили слух о том, что Этерий стал спать с женщиной. «Только дьявол мог внедрить в их голову мысль о том, чтобы нанести подобное оскорбление епископу, – раздраженно добавляет он, – поскольку ему тогда было почти семьдесят лет!»

Когда освободилось место епископа в епархии Авиньона, Хлотарь I предложил назначить на него аббата Домнола. Но аббат попросил короля «...не утверждать его, простого человека, обрекая на скуку выслушивать замысловатые доводы старых сенаторских семей или графов, проводящих все свое время в обсуждении философских проблем».

Позже Домнол не колеблясь принял епископат Ле-Мана. В связи с этим событием сохранился следующий анекдот. Ле-Ман находился в провинции неподалеку от Тура. Возможно, Домнол был известен как противник высших слоев общества, может быть, он совершал недружелюбные выпады по поводу того, что Григорий гордился своими предками-сенаторами. Вероятно также, что Григорий насмеялся над авиньонцами, имея в виду некоторые семьи или определенных придворных.

Лишь единожды Григорий позволяет себе прямо высказать свое отношение: когда аббата Букковальда выдвинули в качестве епископа Вердена, явно недолюбливавший его

Григорий не смог удержаться от выпада и заметил: «Они обычно называли его гордецом и даже прозвали Настоящим Быком».

Большая часть книги IX посвящена попыткам Григория, которые он предпринимал в Шалоне вместе с неким Феликсом, убедить короля Гунтрамна, что король Хильдеберт принял условия договора Андело. Завершив свою миссию, они отправились вместе к мессе, где король пригласил Григория и Феликса отобедать вместе с ним.

У Григория был трудный день, но теперь он мог передохнуть. «Обилие блюд на столе только поддерживало царившее в нашей душе удовлетворение», – замечает он, стремясь прояснить нам, что стремится рассмешить нас. Король Гунтрамн находился в хорошем расположении духа. «Время от времени он смеялся, как будто сам радовался своим шуткам, – пишет Григорий и сухо добавляет: – Таким образом поддерживая нас в том, что мы разделяем его радость».

Затем король повернулся к товарищу Григория. «Скажи мне, Феликс, – сказал он, – правда ли то, что ты помог установить дружеские отношения между моей сестрой Брунгильдой и этим врагом Бога и человека Фредегундой». Феликс ответил, что это вовсе не так. Тогда я заговорил и сказал: «Королю не следует спрашивать о том, что «дружеские отношения», которые связывали их вместе в течение многих лет, продолжают поддерживать их обоих. Иначе говоря, можете быть совершенно уверенным в том, что ненависть, которую они так долго испытывают друг к другу, вовсе не уменьшается, остается такой же сильной, как и вначале».

В «Истории» Фредегунда выступает как разъяренная, злобная, сварливая баба. Между ее дочерью Ригунтой и вдовствующей королевой не было любви. «Она часто оскорбляла свою мать прилюдно, – пишет Григорий о принцессе, – и они часто обменивались ударами и пинками». Достаточно неприятна история о том, как Фредегунда попыталась убить свою дочь, прихлопнув ее крышкой от сундука с сокровищами, но Григорий умеет увидеть глубину чувств в столь незначительных повседневных проявлениях.

«Стремясь дотянуться и взять какие-то вещи, Ригунта протянула руки, но тут ее мать неожиданно опустила крышку ей на шею. Наклонившись, она надавила на нее всем телом, и край сундука так впился в горло девушки, что у нее глаза буквально вылезли на лоб. Присутствующая в комнате служанка громко заверещала: «Быстрее! Хозяйку душит ее мать». Григорий заключает главу ироническим осуждением: «С той поры ссоры между этими двумя участились. Основная причина заключалась в том, что Ригунта спала со всеми, кто хотел».

Прощальное обращение к читателю представляет собой смесь откровенно серьезного и достаточно плоского юмора. Григорий просит нас не уничтожать и не переписывать его «Историю», не разрешать публиковать из нее различные отрывки. После этого следует его обращение к Марциану Капелле и перечисление семи свободных искусств, грамматики, диалектики, риторики, геометрии, астрономии, арифметики и музыки, и вывод, что ни одно из них не отражено в «Истории», потому и не следует их там искать.

На это мы бы ответили так: зная, что все ваше обучение было предназначено для вашей последующей церковной деятельности, мы понимаем, что ваша карьера оказалась необычайно удачной. Но если нужны дополнительные доказательства, «История франков» убеждает нас в том, что мы должны восхищаться вашим совершенным латинским, а также великим искусством анализировать и организовывать достаточно сложный материал. Конечно, Григорий обзовет нас неисправимыми льстецами, но его скромность для многих была самоочевидной. Он продолжает, давая нам разрешение, если мы собирались это сделать, превратить его «Историю» в увлекательный роман.

При этом он вовсе не шутил. Фортунат отправил Григорию свои стихи *Vita Sancti Martini* вместе со стихотворной переделкой диалогов Сульпиция Севера. Затем он предложил переписать стихами *De virtutibus beati Martini episcopi* Григория. Эта часть прощаль-

ного обращения, возможно, была адресована самому Фортунату, на что указывает обращение *sacerdos Dei, quicumque es* (один из священников). Если это так, Фортунат не принял вызов!

Заметки о природе

Григорий слыл острым наблюдателем чудес природы. В десяти книгах он находит место для тридцати двух заметок о природе, хотя в большинстве из них описывает эпидемии и бури.

В первых шести рассказывается о годах его юности, необычайно суровой зиме 548 года, когда звезды двигались вокруг луны в 555 году, как бы подавая знак, что Теодебальд должен был вскоре умереть, о чуме в Оверни и Лимузене в 559 году, о вспышках света, предвещавших смерть Хлотаря I в 561 году, о сильном оползне, который случился в Тавредене в 563 году, перекрывшем течение Роны, разлившейся вплоть до Женева, а также о комете, которая вызвала эпидемию в Оверни.

Григорий не был астрономом, но постоянно наблюдал за небом. В 578 году, будучи в Париже, он заметил в небе лучи света, которые предсказали смерть Меровея. Позже, в том же году, уже вернувшись в Тур, заметил круг (гало) вокруг луны, который затем превратился в эллипс. В то же самое время близ солнца появились метеоры.

В 582 году, когда снова появилась комета 563 года, раздался гром и сверкнули молнии, сильный свет разлился по небу, что вызвало наводнение в Париже и Санлисе, под влиянием кометы вспыхнула бубонная чума, бушевавшая в Нарбоне и повсеместно, позже в том году луна находилась в эллипсе, и яркий свет перемещался по небу.

В 583 году огненный шар упал неподалеку от Тура, огни сияли в северной части неба в 584 году, а позже в том году отмечались множественные кольца вокруг солнца. В 585 году сигнальные огни и огненные колонны предсказали смерть Гундовальда, позже в том же году снова видели яркие лучи в северной части неба.

Находясь в Кариньяне с Вульфолаиком в 586 году, Григорий увидел на севере яркие лучи и кровавые облака, которые заставили его подумать о военном шатре, к концу года по небу проскользнул луч в форме змеи. В 587 году на севере снова видели яркие огни, и из облаков падали змеи, в 590 году яростные вспышки пересекали небо и снова вокруг солнца видели эллипс.

Все эти астрономические пророчества обычно сопровождалось необычайно суровой погодой, которая, в свою очередь, вызывала то чуму, то дизентерию, то обе болезни вместе. Морские проливы высоко поднимались в 578 году, в 580-м наблюдались проливные дожди, реки выходили из берегов в 583 году, в 584 году были заморозки и град, сопровождавшиеся длительной засухой, в 585 году весна и лето оказались такими дождливыми, что казалось, летом было так же холодно, как зимой.

В 587 году сначала дожди лили как из ведра, затем раньше времени наступили морозы, на Пасху в 589 году случились еще более жестокие дожди и бури с градом, в 590 году постоянно дождило, и реки вышли из берегов. Столь ненастная погода уничтожила весь урожай. Волки бродили внутри стен Пуатье и Бордо, съедая любую собаку, которую встречали, саранча нанесла невероятный ущерб у города Толедо в Испании.

Наблюдалось еще более примечательное явление: на острове у города Ван (Бретань) пруд для рыб наполнился кровью, в 587 году «в домах ряда людей нашли сосуды с надписями неизвестными буквами, которые не могли стереть или соскоблить, как бы ни пытались это сделать».

Дожди часто делали путешествие невозможным. Ничто не могло оказаться более печальным, чем прибытие Клотильды и ее бунтующих сестер в приходский дом Григория в

Туре: «Она и ее приятельницы монахини пришли пешком из Пуатье. Они были совершенно истощены и измучены, ибо не имели лошадей для езды. Во время путешествия никто не предложил им ни крошки. Они прибыли в наш город в первый день марта. Дождь лил потоками, и дороги по щиколотку утопали в воде».

Уничтожение урожая вызвало голод у крестьян: «В тот 585 год почти вся Галлия страдала от голода. Многие изготавливали хлеб из виноградных зерен или сережек орешника, другие сушили корни папоротника, толкли их в пыль и добавляли немного муки. Некоторые точно так же поступали с соломой зерновых, которую резали и использовали. У большинства же не было муки вовсе, они собирали траву и ели ее, результатом являлись массовые отравления и смерти». Снова и снова вспыхивали дизентерия и бубонная чума.

Отмечались и более легкие испытания. Люди пересекали замерзшие реки как по земле. На бузине выращивали виноград вместо обычных черных ягод. Хохлатый жаворонок влетел в церковь в Клермоне и загасил все светильники. Розы цвели в январе. Армия Тиберия поймала двадцать слонов, Гундовальд использовал верблюдов как выючных животных. Один из слуг Муммола был настоящим великаном, на два или три фута выше, чем обычный человек. По профессии он был плотником и умер молодым. Желуди не вызревали. Однако урожаем винограда и производство вина были обильными.

Рукописи

В настоящее время известно двадцать восемь рукописей, содержащих значительную часть написанного Григорием, множество фрагментов его труда, а также палеотипическое издание 1512 года, выпущенное Жозефом Бадам без указания источников.

Составители первого сводного текста Анри Омон и Гастон Колон использовали несколько наиболее обширных рукописей.

1. MS. latin 17655 л. 2—96 (об.) (Национальная библиотека Франции (Париж)). Книги I—IV. Рукопись времени Меровингов, VII века, написана одной рукой. Рукопись принадлежала аббатству Святого Петра, находившемуся в Корбье, и отмечена там в двух каталогах XII века.

2. MS. 9403 (Королевская библиотека, Брюссель). Рукопись VIII—IX вв. Содержит текст с гл. 3 книги II до 29-й главы книги X. Написана четырьмя почерками: один – начало, второй – книги VII—VIII, третий – книга IX и четвертый – книга X. О ее первоначальной истории ничего не известно.

Омону и Колону пришлось дополнить свой текст по изданию, опубликованному в 1885 году У. Арндтом и Б. Крушем в серии *Monumenta Germaniae Historica*.

Взгляд на Григория сквозь столетия

В соответствии с *Vita Sancti Gregorii* («Жизнеописанием святого Григория») он был похоронен под одной из плит пола его собственного собора в Туре. В VII веке святой Оуэн, архиепископ Руана (640—683), выстроил богатую гробницу для останков Григория, за гробницей, которая принадлежала святому Мартину. Она была уничтожена норманнами в IX веке, но в начале XI века восстановлена Эрве де Бюзансе, казначеем собора. И снова полностью уничтожена гугенотами в 1562 году.

Как мы уже заметили, Мариус из Авена получил доступ по крайней мере к первым пяти книгам «Истории» перед смертью Григория, несколько авторов «Хроники Фредегара» использовали ее в VII веке. Имеющиеся в нашем распоряжении рукописи, возможно, относятся к третьему списку, датируемому VII веком.

Относящееся к X веку «Жизнеописание святого Григория» приписывается некоему Одо, аббату из Клуни (ок. 879—942). Первое печатное издание «Истории» осуществил Жос в 1512 году. Ронсар приводит краткий перечень Меровингов, от Клодио (Хлогиона) до Дагоберта, в книге *IV La Franciade*, 1572 года, но цитирует его по вторичным источникам.

С другой стороны, Клод Фоше (1530—1601) восхищался Григорием, которого он называл «отцом нашей Истории», часто цитировал его в *Les Antiquitez Gauloises et Francoises* («Галльских и франкских древностях») 1579 года и *Les Origines des Chevaliers* («Происхождении дворянства») 1600 года. В XVII веке появился первый французский перевод «Истории», сделанный в 1610 году Клодом Боне, в 1668-м – аббатом Маролем.

Очевидно, что в XVIII веке с «Историей» познакомился Эдуард Гиббон, но практически не воспользовался ею, ибо не понял, насколько значительным источником событий, произошедших в Галлии в 575—591 годах, она является. В своей *Histoire des Français* («Истории французов», 1821—1844) Ж.С.Д. Симонд де Сисмонди занимает явно противоположную точку зрения, цитируя Григория почти на каждой странице книги, в которой идет речь о второй половине VI века, искренне восхищаясь им. В частности, описывая первых Меровингов, Сисмонди пишет: «Григорий Турский обладал редкими в его время эрудицией и прилежанием».

Имя Григория много раз упоминается в девяти книгах «Италии и ее захватчиков» Томаса Ходжкина (1879—1899), но Ходжкин относится к Григорию критически: «Григорий Турский сообщил минимальное количество деталей» (книга II, 3), «Григорий Турский приводит некоторые факты явно дискуссионного свойства» (книга III, 4).

И тем не менее труд Григория Турского является для нас главным источником для представления об общей связи исторических событий в Центральной Европе VI в. Именно благодаря ему современный человек может зримо представить себе раннее западное Средневековье. По меткому замечанию Р. Латуша, без «Истории» Григория Турского вся история Франции этого периода представляла бы собой почти «белое пятно».⁸

Л. Торн

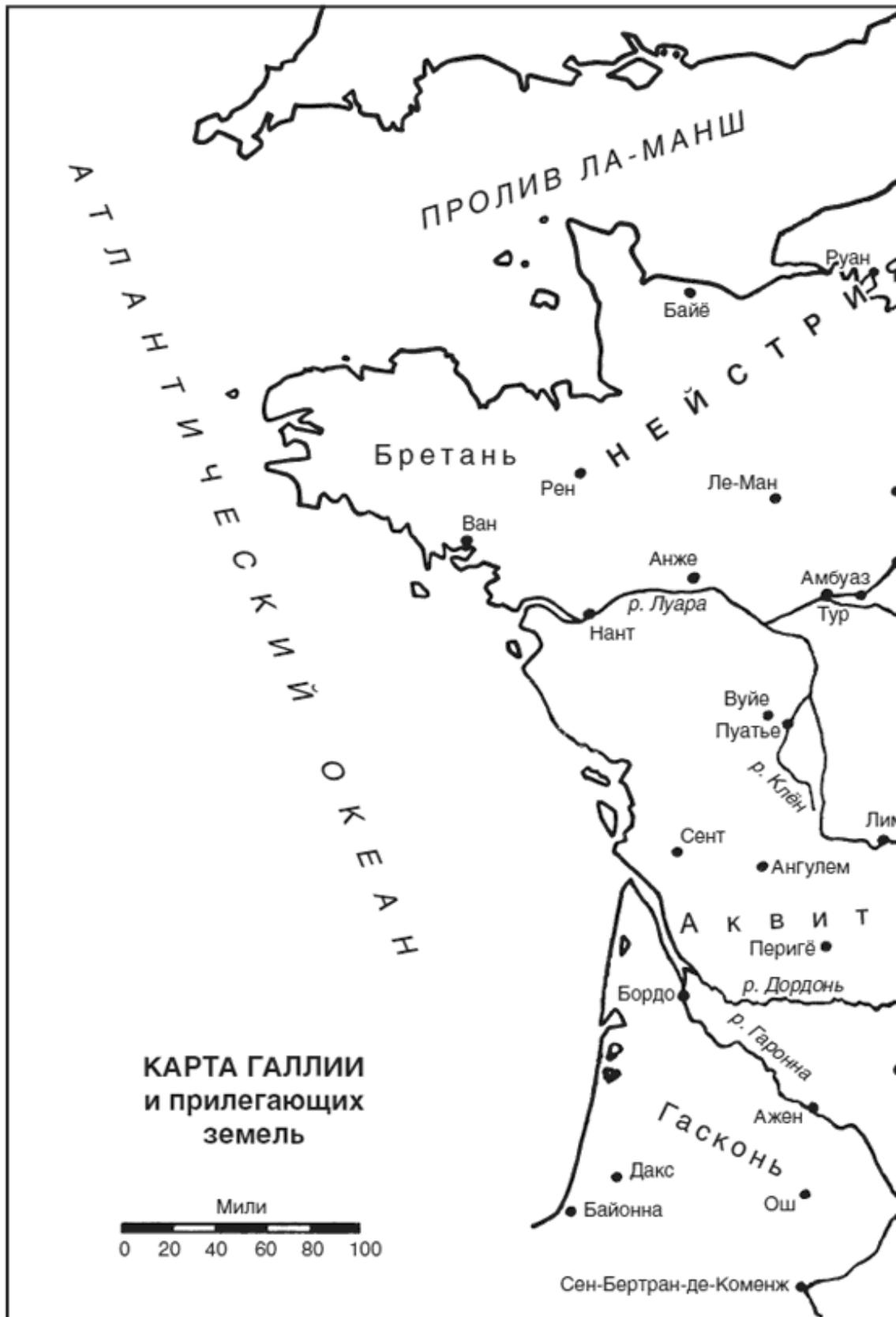
⁸ *Gregoire de Tours. Histoire des Francs / Trad. du latin par R. Latouche. P., 1963. T. 1. Introduc. P. 5.*

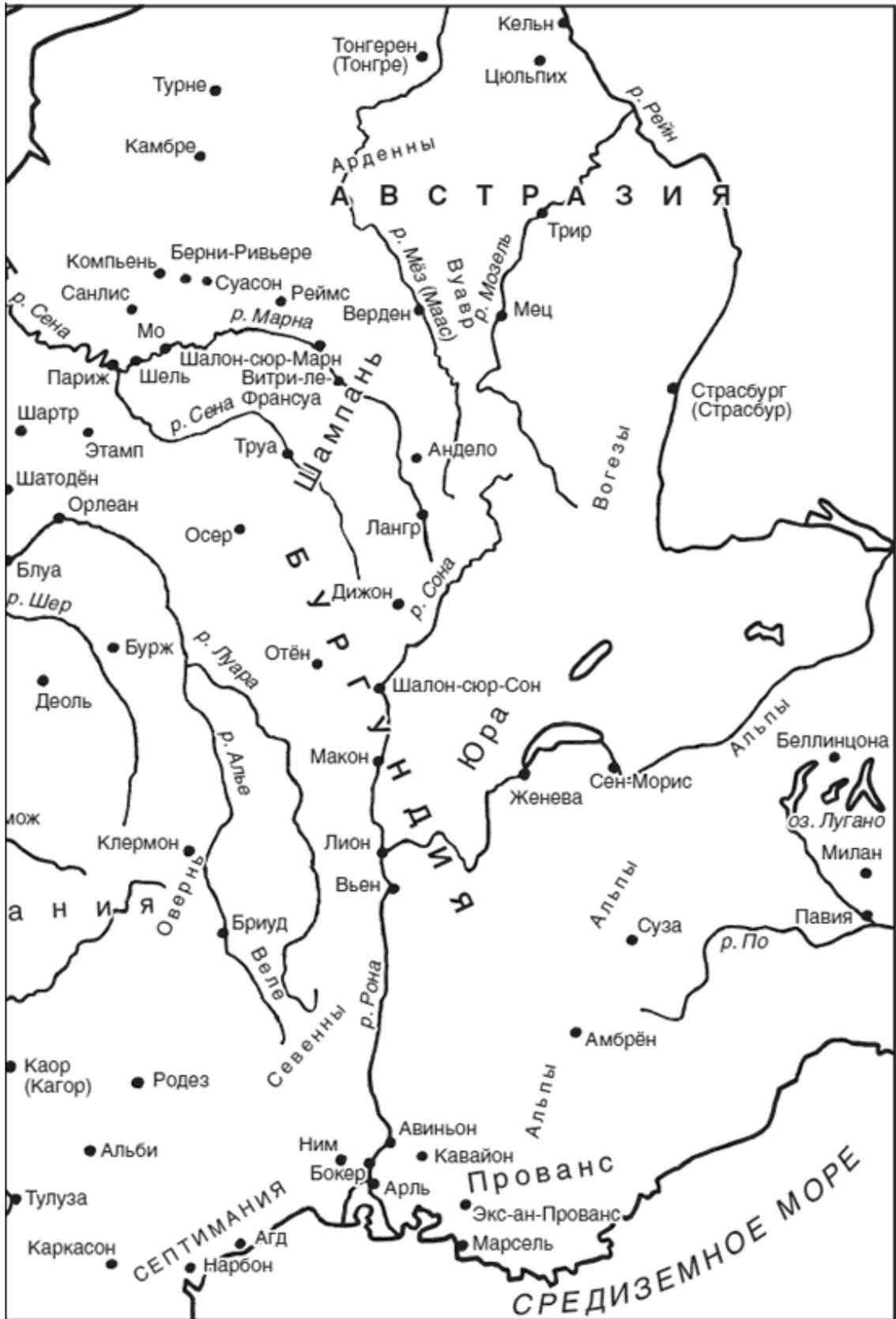
Краткая библиография

Основные книги, написанные Григорием Турским:

1. *Historiae Francorum* («История франков»).
2. *Liber in Gloria Martyrum Beatorum* («Книга прославления мучеников»).
3. *Liber de passione et virtutibus Sancti Juliani martyris* («Жизнь и мученичество святого Юлиана»).
4. *De virtutibus beati Martini episcopi* («Житие преподобного Мартина, епископа»).
5. *Liber vitae Patrum* («Жизнь святых отцов»).
6. *Liber in Gloria Confessorum* («Книга прославления святой исповеди»).
7. *Liber de miraculis beati Andreae apostoli* («Книга чудес преподобного Андрея Апостола»).
8. *Passio sanctorum Martyrum Septem Dormientium apud Ephesum* («Страсть и усение святых мучеников эфесских»).
9. *De Cursu Stellarum ratio* («Рассуждение о путях звезд»).
10. *In Psalterii tractatum commentarius* («Комментарий к Псалтири»).

История франков

Предисловие Григория, епископа церкви в Туре

На моих глазах произошло множество событий, как хороших, так и дурных. Правители неистовствовали, а народы яростно сражались друг с другом. Еретики нападали на нашу церковь, а православные христиане не щадя сил защищали ее, во многих вера в Христа ярко горела, в других едва теплилась. Едва церковные здания одаривались, как тотчас снова опустошались безбожниками.

Однако еще ни один автор не оказался достаточно искусным, чтобы должным образом описать эти события в прозе или в стихах. Действительно, в городах Галлии сочинительство почти исчезло. Многие с сожалением говорили об этом, снова и снова повторяя свои жалобы. «Что же теперь за время! – говорили они. – Ибо угасло усердие к наукам и нет такого человека, который смог бы поведать о делах наших дней».

Постоянно слыша подобные речи и стремясь сохранить для потомков память о прошлом, я решился рассказать простыми словами и о распрях злодеев, и о житии праведников. Особенно же меня вдохновили не раз слышанные слова: «Большинство понимает не философствующего риторика, а простую беседу».

Для удобства летосчисления я положил Сотворение мира началом первой моей книги, перечень глав которой прилагаю.

Книга I

1. Об Адаме и Еве
2. О Каине и Авеле
3. О Енохе праведном
4. О потопе
5. О Хуше, создателе статуи
6. О Вавилонии
7. Об Аврааме и Нине
8. Об Исааке, Исаве, Иове и Иакове
9. Об Иосифе в Египте
10. О переходе через Чермное (Красное) море
11. Народ в пустыне и Иисус
12. О пленении народа израильского и о поколениях перед Давидом
13. О Соломоне и строительстве Храма
14. О разделении царства Израильского
15. О Вавилонском пленении
16. О Рождестве Христовом
17. О различных царствах и народах
18. О времени, когда был основан Лион
19. О дарах волхвов и об избиении младенцев
20. О чудесах и страстях Христовых
21. Об Иосифе, похоронившем Христа
22. Об апостоле Иакове
23. О Воскресении Христа
24. О Вознесении Христа и гибели Пилата и Ирода
25. О страданиях апостолов и о Нероне (68)
26. Об Иакове Марке и евангелисте Иоанне
27. О гонениях на христиан при Траяне (97—117)
28. Об Адриане, и о происках еретиков, и о мученической смерти святого Поликарпа и Иустина (Юстина) (117—161)
29. О святом Фотине, Иринее и других мучениках лионских
30. О семи мужах, посланных в Галлию проповедовать
31. О храме в Бурже
32. О Хроке и храме в Клермоне
33. О мучениках клермонских
34. О святом мученике Привате
35. О Квирине, епископе и мученике
36. О рождении святого Мартина и обретении креста (317)
37. О епископе Иакове из Нисибины
38. О преставлении святого Антония
39. О появлении в Галлии святого Мартина
40. О матроне Мелании
41. О гибели императора Валента (378)
42. О правлении Феодосия (379—395)
43. О гибели тирана Максима (388)
44. Об Урбике (Орбике), епископе Клермона
45. О святом Иллидии, епископе

46. О епископах Непоциане и Артемии
47. О целомудрии любящих
48. О преставлении святого Мартина (397)

Намереваясь описать войны правителей против враждебных народов, мучеников с язычниками и церковей против еретиков, сначала я должен прояснить свое собственное отношение к вере, чтобы тот, кому доведется читать мои сочинения, не усомнился в том, что я являюсь католиком (во времена Григория слово *catholicus* означало «сторонник учения, признанного вселенскими соборами» – т. е. православный («ортодокс»). – *Ред.*).

Ради спасения тех, которые начинают терять надежду, страшась конца мира, я также думаю, что будет весьма кстати рассказать о начале нашего мира на основании материалов, собранных из хроник и историй ранних авторов.

Прежде чем я все же сделаю это, я должен извиниться перед своими читателями за свой слог и манеру письма, которые далеки от совершенства, ибо я не слишком силен в подобных вещах. Без всяких колебаний и сомнений я стану твердо следовать установлениям святой церкви, ибо знаю, что впавший в грех получит прощение Господа благодаря чистоте своей веры.

Итак, я верую во всемогущего Бога Отца. Верую во единого Сына Его Иисуса Христа, Господа нашего, рожденного от Отца, но не сотворенного, и что Он всегда был с Отцом, не во времени, но до всякого начала времен. Ибо Господа нельзя было бы назвать Отцом, если бы у него не было Сына, равно как и Христос не был бы Сыном, если бы у него не было Отца.

Тех же, кто говорит: «Было, когда Его не было», я с проклятием отвергаю и отлучаю от церкви. Верую, что Христос есть слово Божие, которым все стало. Верую, что это слово стало плотью и страданием искупило мир, и верую, что страдал в нем человек, а не Бог. Верую, что Христос воскрес в третий день, спас грешного человека, вознесся на небо, воссел одесную Отца и грядет судить живых и мертвых. Верую, что Святой Дух исходит от Отца и Сына и не как меньший и якобы прежде них не бывший, но как равный и вечно с Отцом и Сыном, столь же вечный Бог, единосущный по природе и равный по всемогуществу, как и они, вечен сущностью и что Он никогда не был без Отца или без Сына и не был меньше Отца или Сына. Верую, что эта Святая троица существует в различии лиц: и одно лицо – Отец, другое – Сын и другое – Дух Святой. Исповедую, что эта Троица есть единое божество, сила и сущность. Верую, что святая Мария была девой как до рождения, так и после рождения (Христа). Верую, что душа бессмертна, однако она не есть часть божества. Твердо верую во все то, что было установлено 318 епископами в Никее.⁹

Что касается конца света, то я верю, что перед ним, как пишут ушедшие, придет Антихрист. Сначала он введет обрезание, утверждая, что он Христос. Затем в храме Иерусалима он установит свой образ, чтобы ему поклонялись, поскольку у Господа читаем: «И увидите мерзость запустения, стоящую на месте святом» (Мф., 24: 15). Но день сей – для всех людей тайна, как и сам Господь свидетельствует: «О дне же том или часе никто не знает, ни Ангелы небесные, ни Сын, но только Отец» (Мк., 13: 32).

Еретикам, которые заявляют, что Сын не может быть нашим отцом, потому что Ему неизвестен день своего рождения, мы отвечаем, что Сын обозначает христиан. О Нем Господь сказал: «И буду им Отцом, и они будут Мне сынами» (2 Кор., 6: 18). Если Господь говорит так о своем единственном рожденном Сыне, Он не назвал бы перед ним ангелов, а Он говорит: «Ни ангелы на небе, ни сын», показывая, что он говорит это не только о своем

⁹ В 325 г. н. э. в Никее (совр. Изник, Турция, Малая Азия) заседал первый Вселенский собор епископов христианской церкви Римской империи, созванный императором Константином. Собор объявил арианство ересью и выработал так называемый символ веры, где было кратко сформулировано вероучение ортодоксальной (православной) христианской церкви, обязательное для всех христиан.

единственном рожденном сыне, но о всех усыновленных народах. Сам Христос – это наша цель, поскольку в полноте Его милости даст нам вечную жизнь, если мы обратимся к Нему.

В Хрониках Евсевия Кесарийского и Иеронима пресвитера ясно объясняется, как исчисляется возраст этого мира и выстраивается систематическая последовательность лет. Орозий тщательно изучил эти проблемы и составил список всех лет, с начала мира до своего собственного времени. То же самое проделал и Викторий, рассмотрев время празднования Пасхи.

С Божией помощью я последую примеру этих авторов, подсчитывая все лета от создания человека до моего собственного времени, легче всего будет, если я начну с самого Адама.

1. Вначале Господь создал землю во Христе Своем, который Сын Его и основа всего сущего. Когда были созданы первоначала мира, Он взял ком мягкой глины и вылепил человека по Своему образу и подобию и вдунул ему дыхание жизни, так что стал человек «душою живою».

Когда человек спал, из него Бог взял ребро, из которого была создана женщина по имени Ева. Не приходится сомневаться в том, что до грехопадения этот первый человек Адам был схож с нашим Господом и Спасителем. Почив во время своих страстей, Христос из своего бока «воду и кровь источил», создав церковь, чистую и безупречную, обретенную из Его крови и омытую водой «без пятна и порока» (Еф., 5: 27).

Адам и Ева, первые человеческие существа, жили счастливо среди радостей Рая. Затем, соблазненные лукавым змеем, они преступили божественные предписания и были изгнаны из обиталища ангелов, обреченные жить в мире с его страданиями.

2. Познав своего мужа, Ева зачала и родила двух сыновей. Когда Господь милостиво принял жертву, предложенную одним из них (Авелем. – *Ред.*), другой (Каин. – *Ред.*) воспылил завистью и преисполнился гневом. Он оказался первым убийцей, поскольку напал на своего брата, победил его и умертвил.

3. С того времени в дальнейшем весь человеческий род не переставал совершать одно отвратительное преступление за другим, кроме Еноха-праведника, который ходил с мыслью о Господе. Благодаря своему праведному образу жизни он был взят на небо самим Господом и избавлен от множества греховных людей. «И ходил Енох пред Богом; и не стало его, потому что Бог взял его» (Быт., 5: 25).

4. И разъярился Господь, видя нечистоту людей, которые не следовали по пути Его. Он наслал потоп, смыв всех живущих с поверхности земли. В ковчеге Господь спас только Ноя, верного Ему и близкого Ему по образу, вместе с женой Ноя, тремя сыновьями и их женами ради сохранения рода людского в будущем.

В этом месте на нас нападают еретики, спрашивая, почему в Святом Писании говорится, что Бог разгневался. Им бы следовало понять, что Господь не выказал гнев, как обычный человек. Господь гневается, чтобы наполнить нас благоговейным ужасом. Он ведет нас вперед, чтобы затем, исправив, призвать к себе. Он настолько разъяряется, что может изменить нас. Я не сомневаюсь в том, что Ковчег – это образ матери-церкви, которая движется вперед по волнам и между скалами жизни, защищая нас в своем материнском лоне от всего зла, которое угрожает нам, благостно храня нас и защищая.

От Адама до Ноя было десять поколений: Адам, Сиф, Енос, Каинан, Малелеил, Иаред, Енох, Мафусаил, Ламех и Ной (1 Пар., 1—3). Две тысячи двести сорок два года включают эти десять поколений (редактор насчитал 2006 лет от рождения Адама до смерти Ноя). Адама

же похоронили в земле Енаким, которая раньше называлась Хевроном, как ясно объяснено в Книге Иисуса Навина (Нав., 14: 15).

5. После потопа у Ноя было (родились раньше. – *Ред.*) три сына – Сим, Хам и Иафет. От них и произошли все народы. Как рассказывается в древней истории, расы людей распространились под небесами благодаря этим людям. Первым ребенком Хама был Хуш: по наущению дьявола он стал первым, кто установил идола, которому стал поклоняться, кто с помощью ложной власти открыл людям звезды и огонь, падавший с неба. Он ушел и стал жить среди персов (иранцев. – *Ред.*), которые называли его Зороастром (Заратуштрой), что означает «живая звезда»¹⁰. Они унаследовали от него привычку поклоняться огню и, когда он сам был уничтожен небесным огнем, стали поклоняться ему как богу.

6. По мере того как люди размножались и начали распространяться по всей земле, они мигрировали с востока и обнаружили травянистую равнину Сеннар. Там они построили города и предприняли огромные усилия, чтобы построить башню, которая должна была достичь неба. Господь внес смятение в их умы, разрушил планы и, наделив каждого человека Своим языком, разбросал затем их по всей земле.

Имя того города был Вавилон, что значит смещение, ибо Господь смешал здесь языки. Вавилон построил великан Хеvron, сын Хуша¹¹. Орозий рассказывает, что этот город выстроили в форме квадрата на совершенно плоской равнине. Его стены построили из обожженного кирпича, и были они двести локтей высотой. Расстояние вокруг стен было четырехста стадиев, и каждый стадий составлял примерно шестьсот двадцать пять футов. С каждой стороны устроили двадцать пять ворот, что в целом составило сто. Створки этих ворот были сделаны из бронзы. Орозий рассказал множество других вещей об этом городе, завершив следующими словами: «Хотя это и было столь мощное укрепление, тем не менее его захватили и сровняли с землей».

7. Первого сына Ноя звали Сим, и от него, в десятом поколении, родился Авраам. Линия потомков Сима выглядит следующим образом: Ной, Сим, Арфаксад, Сала, Евер, Фалек, Рагав, Серух и Фарра, который был отцом Авраама. Эти 10 поколений насчитывают 942 года.

В то время правителем был Нин, который выстроил город Нина, названный Ниневией, пророк Иона говорит, что для его пересечения требовалось порядка трех дней пути (Ион., 3: 3).

Авраам родился на сорок третий год правления Нина. Именно Авраам стоит у истоков нашей веры. Именно ему было дано обетование: Христос, наш Господь, заменив жертву его, показал ему будущее Свое рождение и что Он пострадает за нас на жертвенном месте. Как говорится в Евангелии: «Авраам, отец ваш, рад был увидеть день Мой; и увидел и возрадовался» (Ин., 8: 56). Север пишет в своей хронике, что Авраам приносил жертву на горе Голгофе, где был распят наш Господь Иисус Христос, и до наших дней таковым считается место, расположенное в городе Иерусалиме. Там на этой горе стоял Святой Крест, к которому был пригвожден наш Спаситель и по которому текла Его святая кровь. Авраам принял знак, указывающий, что то, что он носит на своем теле – то, что мы должны носить в своем сердце: «Обрежьте себя для Господа и снимите крайнюю плоть с сердца вашего...» (Иер., 4: 4). Дальше он говорит: «И не ходите вслед иных богов, чтобы служить им» (Иер., 35: 15). И еще: «Никакой сын чужой, необрезанный сердцем и необрезанный плотью, не входит

¹⁰ Григорий основывается на ложной, но оригинальной этимологии греческого имени Зороастр, которое происходит от иранского Заратуштра.

¹¹ Хевроном ошибочно назван Нимрод, см.: Быт., 10: 8—10.

в святилище Мое» (Иез., 44: 9). Потом, добавив слог к имени Аврама, Господь назвал его Авраамом, что значит «отец множества народов» (Быт., 17: 5).

8. Когда Аврааму исполнилось сто лет, он стал отцом Исаака. Когда же самому Исааку было шестьдесят, его жена Ребекка родила ему близнецов. Первого родившегося звали Исав, также известный как Едом (Эдом), который продал из жадности свое первородство. Он является предком идумеев, и от его линии родился в четвертом поколении Иовав. От идумеев до Иовава жили: Исав, Рагуел, Зерах, Иовав, или Иов.

Иов жил двести сорок восемь лет. На восьмидесятый год он оправился от болезни и потом прожил еще сто шестьдесят (ошибка автора – в Книге Иова 140 лет), и все богатство его приумножилось, и он был благословен тем же количеством сыновей, как те, что он потерял (Иов., 42: 16).

9. После Исав и Исаака родился Иаков, возлюбленный Господом, – он говорит устами пророка: «И однако же, Я возлюбил Иакова, а Исава возненавидел» (Мал., 1: 2—3). После того как он боролся с ангелом, его назвали Израилем (согласно Библии, он боролся с Богом, отсюда и имя Израиль – «боровшийся с богом». – *Ред.*), и от него свое имя взял народ израильский (Быт., 32: 24—28). Он стал отцом двенадцати патриархов. Их имена следующие: Рувим, Симеон, Левий, Иуда, Иссахар, Завулон (эти шестеро – от Лии),

Дан, (Неффалим) (эти двое от Валлы), Иосиф, Вениамин, Гад и Асир (последние от служанки Зелфы).

На девяносто втором году своей жизни он стал отцом Иосифа, его матерью была Рахиль (Быт., 30: 22—24). Иаков возлюбил Иосифа больше, чем остальных детей. От Рахили у Иакова также родился Вениамин, последний из его детей (Быт., 35: 18).¹²

Иосифу было шестнадцать, когда он, провидя образ Спасителя, увидел сон, о котором рассказал своим братьям: однажды, когда он вязал снопы, ему показалось, что снопы братьев поклонились ему, в другой раз видел, как солнце и луна вместе с двенадцатью звездами поверглись ниц перед ним. И все это заставляло его братьев ненавидеть его. В результате они не смогли сдержать своей ревности (Быт., 37: 5—8) и продали его за тридцать (за 20 – Быт., 37: 28) сребреников неким измаильтянам, которые шли в Египет.

Позже случилась засуха, и сами братья отправились в Египет. Иосиф узнал их, но они не знали, кто он был. Только после того, как они претерпели множество изнурительных испытаний и были вынуждены отправить Вениамина, рожденного матерью Иосифа Рахилью, и когда Вениамин добрался до Иосифа, он открылся им.

После всего этого израильтяне направились в Египет, где, благодаря Иосифу, находились под покровительством фараона. Благословя своих сыновей, Иаков умер в Египте. Иосиф похоронил Иакова в Ханаане в усыпальнице отца – Исаака. Иосиф и фараон умерли в свое время, все племя израильтян попало в рабство (Исх., 1: 6—14). Их освободил Моисей после десяти казней египетских, фараон же утонул в Черном (Красном) море.

10. Так много написано о переходе через море, что я подумал, что было бы неплохо включить в эту книгу небольшое описание самого места и рассказ о том, как его переходили (Исход, начиная с главы 14). Как вам прекрасно известно, Нил течет через Египет и орошает землю своими водами, поэтому египтян называют «те, кто живет на Ниле». Многие из посещавших эти земли путешественников рассказывают, что на берегах Нила расположено много святых храмов.

¹² В своем тексте Григорий опустил Неффалима, который, как и Дан, от Валлы (наложницы и служанки).

За рекой расположен город Вавилон¹³, но не тот Вавилон, который я уже описывал, а тот, где Иосиф построил хранилища удивительной работы, сделанные из квадратных камней и укрепленные цементом¹⁴. Они устроены таким образом, что широкие в основании сужаются к вершине, так что зерно может ссыпаться в них через небольшое отверстие. Их можно увидеть и сегодня.

Именно из этого города фараон начал преследование евреев вместе с отрядом колесниц и большим числом пехоты. Река (рукав Нила с прорытым к Большому Горькому озеру каналом и далее выход в Суэцкий залив. – *Ред.*), о которой я вам говорил, текла с востока (Григорий перепутал восток и запад. – *Ред.*) к западному берегу Красного моря. С западной же стороны Красного моря отходит залив, он примерно пятидесяти миль в длину и восемнадцати миль в ширину.

В начале этого залива находился город Клисма (близ совр. города Суэц. – *Ред.*), выстроенный там не потому, что земля там была плодородной, а потому, что здесь находилась гавань. Приходившие из Индии суда спокойно становились на якорь, потому что расположение гавани считалось необычайно удачным, прибывавшие сюда товары затем распределялись по всему Египту.

Итак, евреи направились через пустыню (вдоль канала. – *Ред.*) к этому озеру и так подошли к морю. Найдя здесь источник, разбили лагерь. Они расположились на этом небольшом пространстве между пустыней и самим морем, как записано: «И скажет фараон о сынах Израилевых: они заблудились в земле сей, заперла их пустыня». И фараон «погнался за сынами Израилевыми» (Исх., 14: 3, 8).

Когда же египтяне подошли ближе, народ обратился к Моисею за помощью. Господь велел ему поднять жезл его и простереть руку над морем, так что оно разделилось, и евреи перешли море посуху. Как говорится в Писании, они с обеих сторон были защищены стеной воды (Исх., 14: 22). Вместе со своим лидером Моисеем евреи прошли по морю (Суэцкий залив) как по суше и вышли на берег, который расположен около горы Синай, но все египтяне утонули.

Как я уже рассказывал вам, многие описывали этот переход. Поскольку я сам не был свидетелем событий и получил информацию от тех людей, которые сами посетили те места, я и счел нужным включить этот рассказ в свою книгу. Очевидцы рассказывают, что колеи от колесниц видны и сегодня и далеко, как только можно узреть, различимы на дне моря.

Когда приливы и отливы моря покрывают их, они чудесным образом обновляются и делаются такими, как прежде, как только вода успокаивается. Некоторые говорят, что израильтяне только сделали небольшой круг в воде и затем вернулись на тот же самый берег, откуда они устремились. Некоторые считают, что все они вошли в воду на том же самом месте, но другие полагают, что для каждого племени открывался отдельный путь.

Последние неверно истолковывают заявление в Псалтири: «разделил Чермное море» (Пс., 135: 13). «Части» следует понимать иносказательно, не следуя буквально за текстом. Заметим, что в нашем земном существовании то, что называют морем, подобно реке, в которую нельзя войти дважды, ведь мы не можем всю жизнь ходить по одному и тому же пути, по одной и той же дороге.

Итак, некоторые прошли в самом начале, в первые часы, среди них оказались те, кто возродился вновь через крещение, и таким образом очистили себя от всякой оскверненной плоти и духа, пока не достигли конца своей жизни здесь внизу (2 Кор., 7: 1). Те, кто обратились в более поздний период, проходили в третий час. Те, кто обуздывали свою похоть, проходили в шестой час. Как говорят евангелисты, в один или другой из этих часов, в соот-

¹³ Вавилон, в данном случае крепость в Нижнем Египте, расположен напротив пирамид.

¹⁴ Григорий принял за хранилища пирамиды.

ветствии с силой своей веры, они нанимались работать в виноградники Господа. Таковы «части», через которые мы проходили через это море.

В качестве доказательства того факта, что, достигнув моря, они поворачивали назад и шли вдоль берега русла реки, можно привести слова Господа, сказанные им Моисею: «Чтобы они обратились и расположились станом пред Пи-Гахирофом, между Мигдолом и между морем, пред Ваал-Цефеном» (Исх., 14: 2). Совершенно очевидно, что подобное пересечение моря и столб пыли являются символами нашего крещения. Святой апостол Павел говорит: «Не хочу оставить вас, братия, в неведении, что отцы наши все были под облаком, и все прошли сквозь море» (1 Кор., 10: 1). Столб огня является символом Святого Духа.

Четыреста и шестьдесят два года отсчитывают от рождения Авраама до исхода сынов Израилевых из Египта и прохода Красного моря, которые случились на восьмидесятый год жизни Моисея.

11. В течение сорока лет после этого израильтяне обитали в пустыне, где познакомились с законами и питались ангельской пищей. Как только они усвоили Закон, они пересекли Иордан вместе с Иисусом Навином и получили разрешение войти в Землю обетованную (Ханаан, позже Палестина, на территории которой позже выделялись Иудея, Израиль, Самария. – *Ред.*).

12. После смерти Иисуса Навина евреи перестали соблюдать заповеди Господа и их часто покоряли другие народы. Горестно стеноя, они раскаялись в своих грехах, и Господь велел им освободиться, используя могущество сильных людей. Так и произошло с помощью Саула, которого они попросили стать своим господином, царем, как уже было у других народов. За Саулом стал править Давид.

От Авраама до Давида было четырнадцать поколений: Аврааам, Исаак, Иаков, Иуда, Фарес, Есром, Арам, Аминадав, Наассон, Салмон, Вооз, Овид, Иессей и Давид (1 Пар., 2: 3—15). Давид стал отцом Соломона, рожденного от Вирсавии (1 Пар., 3: 5). Благодаря усилиям своего брата пророка Нафана и матери Вирсавии Соломон был возведен на трон (3 Цар., 1: 12—39).

13. Когда же Давид умер и сын его Соломон начал править, ему явился Господь и пообещал отдать то, что тот захочет. Соломон отверг земные богатства и попросил наделить его только мудростью. Господь даровал ему это, и Соломон услышал, как он говорит: «За то, что просил этого и не просил себе долгой жизни, не просил себе богатства, не просил себе душ врагов твоих, но просил себе разума, чтоб уметь судить, – вот, Я сделаю по слову твоему. Вот, Я даю тебе сердце мудрое и разумное, так что подобного тебе не было прежде тебя, и после тебя не восстанет подобный тебе» (3 Цар., 3: 11—12).

Вспомним суд Соломона, когда ему пришлось разобраться с двумя женщинами, которые судились ради ребенка (3 Цар., 3: 16—28).

Именно Соломон во имя Господа построил храм, прекрасно отделанный золотом и серебром, бронзой и железом, так что те, кто его видел, говорили, что нигде в мире нет похожего здания (3 Цар., 6 и далее).

В 3-й книге Царств говорится, что от исхода сыновей Израилевых из Египта до строительства храма, которое произошло на седьмой год правления Соломона, прошло двести восемьдесят лет.

14. После смерти Соломона в результате жестокого правления Ровоама царство распалось на части. Оставшиеся с Ровоамом два колена получили название иудеев. Другие десять колен, принятые под свое правление Иеровоамом, получили название израильских. Позже

они вернулись к почитанию идолов. Пророчества и смерть их пророков, разрушение их родной земли, гибель их правителей ожесточили их сердца (3 Цар., 12 и далее).

15. Наконец Господь разгневался и наслал на них Навуходоносора (в 605—562 гг. до н. э. царь Вавилонии, в 586 (или 587) г. до н. э. разрушил Иерусалим и ликвидировал Иудею. — *Ред.*), который захватил их в плен и отвел в Вавилон, забрав все украшения с храма. Великий пророк Даниил уцелел во рву с львами (Дан., 6: 16—23), и трое иудеев в печи не были опалены (Дан., 3: 15—27). Во время пленения пророчествовал Иезекииль и родился пророк Ездра.

От Давида до разрушения храма и вавилонского пленения прошло четырнадцать поколений: Давид, Соломон, Ровоам, Авия, Аса, Иосафат, Иорам, Озия, Иоафам, Ахаз, Езекия, Манассия, Амон, Иосия.

Жизнь всех поколений вместе охватывает триста девяносто лет¹⁵. Их освободил из плена Зоровавель, позже восстановивший храм и город (Езд., 3). Я считаю, что этот плен — символ порабощения, в которое погружается душа грешника, действительно, такая душа попадает в ужасное изгнание, пока Зоровавель, в данном случае являющийся самим Христом, не освободит ее. Вот что говорит сам Господь в Евангелии: «Итак, если Сын освободит вас, то истинно свободны будете» (Ин., 8: 36).

Может быть, тогда Он выстроит для себя храм внутри нас, в котором он, может быть, захочет поселиться, где вера станет сиять так же ярко, как и золото, где слово проповедника может сверкать как золото и где все украшения других видимых храмов явно видятся в благочестии наших чувств. Он заботится о наших добрых намерениях, поскольку, «если Господь не созиждет дома, напрасно трудятся строящие их» (Пс., 126: 1). Полагают, что плен продолжался семьдесят шесть лет.

16. Как только израильтяне вернулись обратно домой благодаря Зоровавелю, о чем я уже рассказывал вам, они начали роптать против Бога, вернулись к идолопочитанию и начали совершать отвратительные обряды, подобно неверным язычникам. Как только они стали поносить пророков Господа, так попали под власть неверных, были обращены в рабство и преданы смерти. В конце концов наш Господь, как и говорилось в пророчествах патриархов, вошел в чрево Девы Марии с помощью Святого Духа и снова возродился ради искупления грехов израильтян и всех других народов.

С начала пленения до рождения Христа насчитывается четырнадцать поколений: Иехония, Салафииль, Зоровавель, Авиуд, Елиаким, Азор, Садок, Ахим, Елиуд, Елеазар, Матфан, Иаков и Иосиф, муж Марии, от которого и родился наш Господь Иисус (Мф., 1: 12—16). Иосиф четырнадцатый из них.¹⁶

17. Теперь я расскажу о других царствах, существовавших во времена израильтян, что они собой представляли и какие люди населяли их. Во времена Авраама ассирийцами правил Нин¹⁷, а Европ являлся правителем города Сикиона¹⁸. Египтянами правила шестнадцатая династия царей, или, на их языке, фараонов¹⁹. В те времена аргивянами правил Троп, а

¹⁵ Григорий опустил последних четырех правителей — это были Иоахаз, Елиаким (Иоаким), Иехония и Седекия. Правление Давида и первые семь лет жизни Соломона описаны дважды, хотя они уже перечислены в главе 13.

¹⁶ Иосиф — тринадцатый; возможно, называя его четырнадцатым, Григорий ведет свой отсчет от Иисуса.

¹⁷ Согласно современным археологическим свидетельствам, Авраам существовал на самом деле, действительно жил в XIX—XX вв. до н. э. Приблизительную дату жизни Нина, мифологического основателя Ниневии, определяют 800 г. до н. э.

¹⁸ Находится всего в нескольких милях от Коринфа.

¹⁹ Слово «династия» греческого происхождения, но не египетского. Шестнадцатая династия называлась «гиксосской», или «династией пастухов».

Кекроп стал первым царем в Аттике. Утонувший в Красном море Хендрис был двенадцатым царем египтян.

Агатад был шестнадцатым правителем ассирийцев, а сиционянами правил Мараф. В те времена Соломон правил Израилем, Сильвий был пятым правителем Лациума, Фест правил лакедемонянами, Оксион был вторым правителем коринфян и Фебей сто двадцатым правителем египтян. Евтроп управлял ассирийцами, и Агасаст был вторым правителем афинцев. В те времена, когда Амон правил иудеями и когда началось вавилонское пленение, Аргей был царем македонян, Гигес – у лидийцев и Вафр у египтян. Навуходоносор, уведший израильтян в рабство, правил в Вавилоне²⁰, и Серв стал шестым правителем римлян.²¹

18. После всех этих событий Юлий Цезарь оказался первым императором, получившим право управления всей империей²². Вторым стал Октавиан, племянник Юрия Цезаря, известный как Август, в честь которого месяц и получил свое имя. На девятнадцатый год его правления основали Лион, город, находившийся в Галлии, о чем мы уже сообщали²³. Позже город стал известным благодаря крови, пролитой здесь мучениками, и он носит самое благодарное имя.²⁴

19. На сорок четвертый год правления Августа наш Господь Иисус Христос, как я уже говорил, родился в чреве Девы Марии в Вифлееме, в городе Давида. Мудрецы увидели его огромную звезду на Востоке и пришли с дарами. Склонившись перед ребенком, они одарили его.

Ирод опасался за судьбу своего царства и велел истребить всех маленьких детей, пытаясь уничтожить и Христа, нашего Бога (Мф., 2: 1—16). Позже его самого постигла кара Божья.

20. Иисус Христос, наш Господь и Властелин, призывал к покаянию, даровал нас Своей милостью крещения, пообещав небесное царство всем народам, представив знамения и совершив чудеса у разных народов. Он превратил воду в вино, излечивал лихорадки, давал зрение незрячим, возвращал жизнь тем, кто похоронен, освобождал тех, кто был одержим злыми духами, и излечивал прокаженных, пораженных кожными заболеваниями.

Пока Он совершал эти и многие другие чудеса, стараясь так доказать окружающим, что действительно является Богом по сути, евреи пришли в ярость и начали Его ненавидеть. Их сознание, подпитывавшееся кровью пророков, теперь направлялось на то, чтобы уничтожить праведное. Таким образом, чтобы сбылись предсказания древних пророков, Его должен был предать один из его учеников.

Его несправедливо осудили первосвященники (и весь синедрион), он подвергся осмеянию со стороны евреев, был распят вместе с преступниками. Когда Его Дух покидал Его тело, за этим наблюдали только воины. После того как все его земные деяния завершились, на мир пала тьма, и тогда, горько стоная, признали, что Иисус являлся Сыном Господа.

²⁰ Навуходоносор правил в Вавилонии с 605 по 562 г. до н. э.

²¹ Сервий Туллий, шестой царь римлян, правил, согласно традиционной точке зрения, с 578 по 535 г. до н. э.

²² Формально Юлий Цезарь не был императором.

²³ Лион был основан в 43 г. до н. э. Луцием Манацием Планком, одним из военачальников Юлиуса Цезаря, как Копиа Лугдунум – на горе, расположенной над слиянием рек Роны и Соны. В 43 г. Августу, тогда звавшемуся Октавианом, было двадцать.

²⁴ В 177 г. до н. э. христианское сообщество Лиона преследовалось императором Марком Аврелием, в 197 г. н. э. город сожгли, и большую часть его уничтожил император Септимий Север. Григорий вновь возвращается к данной теме в 29-й главе своей «Истории».

21. Иосифа, снявшего Иисуса с креста, умастившего его тело благовониями и похоронившего, арестовали и заключили в темницу²⁵. Его охраняли сами высшие священники, которые, как рассказывается в отчетах, посланных Пилатом императору Тиберию, возненавидели его больше, чем самого Господа²⁶. Известно, что Христа охраняли солдаты, но за Иосифом следили сами высшие священники.

Наш Господь воскрес, и, когда Его не нашли в гробнице, стражники перепугались видением ангела. Ночью стены камеры, где находился Иосиф, были приподняты в воздух, и он освободился из заключения, поскольку ангел пришел, чтобы освободить его. Потом стены вернулись на свое прежнее место.

Когда первосвященники подкупили стражников и велели им немедленно принести священное тело, воины ответили: «Вы вернете обратно Иосифа, а мы вернем Христа. Но нам хорошо известно, что вы не сможете вернуть Иосифа, так что и мы не станем возвращать Сына Господа». Услышав это, священники смутились, но воины получили разрешение уйти.

22. Увидев мертвым Господа на кресте, Иаков поклялся, что не станет принимать пищу, пока не увидит, как Он воскреснет. Когда наконец наш Господь воскрес на третий день, победив и восторжествовав над адом, Он показал себя Иакову и сказал: «Встань, Иаков, и поешь, ибо я теперь воскрес из мертвых». Это был Иаков праведный, которого называют братом нашего Господа, ибо он был сыном Иосифа, рожденного ему от другой жены.²⁷

23. Мы установили, что Воскресение как праздник воскрешения из мертвых было первым днем недели, а не седьмым по счету, как многие верят. Это день Воскресения нашего Господа Иисуса Христа, который мы справедливо называем Воскресением, потому что Его святость воскресает снова. В начале его был первый день, в который увидели свет, и оно стало первым, когда мы смогли увидеть нашего Господа поднимающегося из гробницы.

Между пленением Иерусалима, разрушением храма и страстями нашего Господа Иисуса Христа, которые произошли на семнадцатый год правления Тиберия, прошло шестьсот шестьдесят восемь лет (здесь также автор неточен, Иерусалим был разрушен Навуходоносором в 586 (или 587) г. до н. э. Тиберий правил в 14—37 гг. до н. э. Читатель сам может произвести арифметические действия. — *Ред.*).

24. Когда наш Господь воскрес снова, Он провел сорок дней, обсуждая со Своими учениками царство Господа. Затем они наблюдали, как Он на облаке поднялся на небо, где Он сидел в Своем величии по правую руку от Отца. Пилат послал сообщение о том, что произошло, Тиберию Цезарю и рассказал ему о чудесах, совершенных Христом, о Его страстях и Воскресении.²⁸

Сегодня в нашем распоряжении оказалось это донесение. Тиберий предоставил его сенаторам, но члены сената гневно отвергли его, потому что не им первым послали его. Так были посеяны первые семена ненависти против христиан. Пилат не был наказан за свое безнравственное преступление, за то, что он умертвил нашего Господа Иисуса Христа, а ведь именно он убил Его своими собственными руками. (Пилат утвердил смертный приговор синедриона. Святой Стефан так говорил об убийстве Христа иудеям: «Вы всегда противитесь Духу Святому, как отцы ваши, так и вы: кого из пророков не гнали отцы ваши?»

²⁵ Об Иосифе из Аримафеи см. у Мф., 27: 57—60.

²⁶ Отчеты, посланные Пилатом, находятся в апостольской книге *Gesta Pilati*, или «Деяния Пилата».

²⁷ Содержание главы взято из книги святого Иеронима *De viribus illustribus*.

²⁸ Факты снова взяты из «Деяний Пилата».

они убили предвестивших пришествие Праведника, Которого предателями и убийцами сделались ныне вы» (Апок., 7: 51—52). После этих слов его забили камнями. — *Ред.*)

Многие считают, что он был из манихейцев, в соответствии с тем, что можно прочитать в Евангелии: «В то время пришли некоторые и рассказали Ему о Галилеянах, которых кровь Пилат смешал с жертвами их» (Лк., 13: 1)²⁹. Преследовавший апостолов Господа царь Ирод тоже был наказан Господом: ему внутрь вползли паразиты, размножились так, что страшно мучили его, он взял нож, чтобы излечиться от своей болезни, так и убил себя, своей собственной рукой (Апок., 12: 23).

25. Во времена Клавдия, ставшего четвертым императором после Августа, блаженный апостол Павел явился в Рим проповедовать и отчетливо доказать, с помощью Его множественных достоинств, что Христос действительно являлся Сыном Господа. Именно с тех дней и начинается отсчет появления христиан в городе Риме.

По мере того как имя Христа становилось все более известным людям, старый Змей порождал ненависть к тому, что происходило, и сердце императора Нерона наполнилось ненавистью к христианам. Этот тщеславный и невежественный распутник, который поддавался льстивым речам других людей... этот отвратительный соблазнитель своей собственной матери, своих сестер и всех других женщин, своих близких родственников, стал первым, кто начал преследовать истинных верующих и удовлетворять свою безграничную ненависть к культуре Христа.

Чтобы помочь ему в своих деяниях, он привлек Симона Волхва, известного своей необычайной злобой, слывшего искусным во всяческих видах хиромантии, отвергнутого Петром и Павлом, апостолами нашего Господа. Нерон приказал распять Петра, а Павлу отрубить голову. Нерон покончил с собой неподалеку от своей столицы, охваченной восстанием. (Сенат низложил Нерона, преторианцы изменили ему, Нерон бежал из Рима и в дороге покончил жизнь самоубийством. — *Ред.*)

26. В то время Иаков, брат Господа нашего, и Марк, евангелист, получили от имени Господа сверкающий венец мученичества, но первым было суждено пройти по пути мученика Стефану Левиту. После смерти апостола Иакова великое несчастье пало на евреев. После прихода к власти Веспасиана³⁰ храм сожгли дотла, тогда шестьсот тысяч евреев пало в боях, от голода и мечей. (Из ок. 1 млн иудеев, оказавшихся в Иерусалиме к началу осады (к Пасхе 70 г.), после взятия города 2 сентября 70 г. уцелело только 70 тыс. — их продали в рабство. — *Ред.*)

Став вторым императором после Нерона, который излил свой гнев на христиан, именно Домициан отправил апостола Иону в ссылку на остров Патмос, именно он отвечает за многочисленные жестокости, применявшиеся к народу³¹. После смерти Домициана блаженный Иоанн вернулся из ссылки. Когда он состарился и пришел конец его земной жизни, которую он провел, общаясь только с Господом, Иоанн лег в гроб, но пока еще не умер. Рассказывают, что к Иоанну не придет смерть до тех пор, пока наш Господь не придет снова в Судный день, ибо он сам сказал в Евангелии: «Я хочу, чтобы он пребыл, пока приду» (Ин., 21: 22).

27. Траян стал третьим императором после Нерона, который преследовал христиан. Святой Климент, являвшийся третьим епископом церкви в Риме, принял смерть во времена

²⁹ Полагают, что Понтий Пилат совершил преступление во время правления императора Калигулы (37—41). Мани, персидский основатель секты манихеев, жил гораздо позже, в III в. (в 216 или 217—276 гг. замучен в тюрьме), то есть после Христа.

³⁰ Веспасиан — римский император в 69—79 гг. н. э., в 67 г. подавил восстание евреев.

³¹ Домициан — римский император в 81—96 гг. н. э. Об изгнании Иоанна на остров см.: Апок., 1: 9.

своего правления. Рассказывают, что святой Симеон, епископ Иерусалима и сын Клеофа, был распят во имя Христа, а Игнатий, епископ Антиохии, был доставлен в Рим и передан на растерзание диким зверям. Вот что происходило в дни правления Траяна.

28. После Траяна императором сделался Адриан. Именно от имени Элия Адриана, преемника Домициана (третьего преемника. – *Ред.*), Иерусалим стал называться Элией, поскольку именно он восстановил город³². Даже тогда, когда святые, о которых я вам упоминал, претерпели мученичество, дьявол не удовлетворился тем, что направил язычников против сторонников Христа, поскольку он раздул ересь среди самих христиан. Тогда произошёл раскол, и христиане разделились.

Когда Антоний был императором, возникла нелепая ересь Маркиона и Валентина, философ же Иустин, написавший ряд работ, связанных с католической (ортодоксальной. – *Ред.*) церковью, претерпел мученичество во имя Христа. Преследования начались в Азии, и святой Поликарп, являвшийся учеником Иоанна, апостола и евангелиста, был предан огню во имя нашего Господа, что вылилось в настоящие гонения на его восемнадцатый год в Галлии, многие также были увенчаны небесными драгоценностями и приняли мученичество во имя Христа. Саму же историю об их преследовании бережно сохранили и донесли до наших дней.

29. Первым среди прочих считался Фотин, епископ церкви Лиона, которого постоянно мучили, когда он уже был в преклонных годах, потом он претерпел смерть во имя Христа. Святой Иринея, следующий по счету после мученика Фотина, которого отправил в город Лион святой Поликарп, прославился многими чудесами.

Своими пламенными проповедями он за короткое время обратил целый город в христианство. Затем начались новые преследования, рукой тирана дьявол вызвал такие нападки, что множество христиан было предано смерти за то, что они признались в вере в Господа, и реки христианской крови текли по улицам. Нам неизвестно, сколько людей тогда убили и каковы были их имена, но наш Господь записал их в Книге жизни.

Итак, подвергнув многочисленным пыткам, палач причислил святого Иринея к мученикам Христа, нашего Господа. После Иринея другие сорок восемь мучеников приняли смерть, первого из них, как нам довелось узнать, звали Веттий.³³

30. При императоре Деции против христиан было развязано несколько волн гонений, в которых погибло столько верующих, что не хватит места записать всех, кто принял смерть во имя Христа. Среди них Вавила Антиохийский с тремя отроками по имени Урбан, Прилидан и Эполон, Сикст, епископ церкви в Риме, Лаврентий архидьякон и Ипполит, все они умерли как мученики, признавшись в своей вере в нашего Господа. Тогда на нашу веру напали Валентиниан и Новациан, и дьявол направлял их гнев против нашей веры.

В то время семь человек, которые стали епископами, были посланы проповедовать по Галлии. Об этом нам известно из Жития святого мученика Сатурнина, в котором читаем следующее: «В сообщении подробно говорится о том времени, когда Деций и Грат были консулами, а город Тулуза принял святого Сатурнина в качестве своего первого и самого великого священника».

Итак, семь епископов отправились к своим кафедрам: епископ Гациан в Тур, епископ Трофим в Арль, Павел в Нарбон, Сатурнин в Тулузу, Дионисий в Париж, Стремоний в Клер-

³² Адриан – римский император в 117—138 г. н. э. После строительства храма, посвященного Юпитеру Капитолийскому, на месте разрушенного иудейского храма Иерусалим переименовали, назвав его Элия Капитолина.

³³ Веттий Эпагатус был отдаленным предком самого Григория.

мон, а Марциал – в Лимож. Из них святой Дионисий, епископ Парижа, претерпел пытки во имя Христа и затем пал от меча.

Предвидя свою мученическую смерть, Сатурнин сказал одному из своих двух священников: «Теперь меня собираются принести в жертву, момент жертвоприношения близок. Оставайтесь около меня, прошу вас, пока я не встречу свой конец». Его схватили и повели в Капитолий, но только одного, оба его священника покинули его.

Увидев, что они убежали, Сатурнин, как рассказывают, стал молиться и произнес следующие слова: «Господь Иисус Христос, услышь меня оттуда, где Ты находишься на небесах: пусть эта церковь до конца своего времени существования останется без епископа, выбранного из числа ее собственных граждан».

Нам известно, что вплоть до нашего дня так оно и происходит. Сатурнина же привязали к ногам дикого быка и погнали из Капитолия, так он и закончил свои дни. Гациан, Трофим, Павел, Стремоний и Марциал провели свои дни в необычайной святости, им удалось привести много людей в церковь и распространить веру в Христа среди всех тех, кого они встретили. Потом они умерли в радости, осознавая, что веруют. Они закончили земное существование кто через мученичество, другие через полное признание, но все соединились на небесах.

31. Один из их учеников (святой Урсин, II век) отправился в город Бурж и там сообщил людям, что Христос, наш Господь, пришел, чтобы спасти человечество. Немногие поверили ему. Они были посвящены в священники, их учили петь псалмы, давали поручения строить церкви и праздновать ритуалы, которые положено было делать ради Всемогущего Господа. Поскольку шансы построить церковь у них были невелики, они попросили разрешения использовать дом одного из городских жителей, так чтобы устроить в нем церковь. Сенатор и другие видные люди города продолжали следовать своей собственной земной религии. Те же, кто начал верить в Господа, относились к самым бедным слоям общества, в соответствии с тем, что наш Господь сказал, когда упрекал евреев: «Истинно говорю вам, что мытари и блудницы вперед вас идут в Царство Божие» (Мф., 21: 31).

Тогда они отправились к главному сенатору Галлии Леокадию, происходившему из того же рода, что и Веттий (о котором я уже говорил), претерпевший мученичество в Лионе во имя Христа. Они рассказали ему о своей христианской вере и объявили, что хотят. «Если мой собственный дом, – он ответил, – которым я владею в Бурже, достоин, чтобы его можно было использовать таким образом, то я охотно вам его предоставляю».

Они ответили, что его дом действительно подходит для совершения религиозных церемоний, и предложили ему за него триста золотых монет вместе с серебряным подносом. Леокадий принял три золотые монеты на удачу и отказался взять остальное. Вот как самая значительная церковь в городе Бурже была выстроена с огромным мастерством, чтобы принять в себя мощи Стефана, первого мученика.

32. Валериан и Галлиен стали двадцать седьмыми правителями Римской империи, именно при них начались жестокие преследования христиан. Именно тогда Корнелий пролил здесь свою кровь во славу Рима, а Киприан сделал то же самое ради Карфагена. Одновременно Хрок, правитель алеманнов, собрал армию и вторгся в Галлию. Рассказывают, что не было пределов его чванству. Он совершил множество преступлений, находясь под влиянием, как говорили, своей порочной матери.

Теперь же, как я уже говорил, он мобилизовал народ алеманнов, вторгся в Галлию и снес до основания все древние постройки, до которых добрался; достигнув Клермона,

он поджег храм, который назывался на языке галлов Вассо-Галате, разрушил его и почти полностью уничтожил.³⁴

Здание было построено с необычайным мастерством и отличалось высокой прочностью, имело двойную стену, внутреннюю выстроили из небольших камней, наружную – из тесаных каменных плит. Толщина стены достигала тридцати футов. Внутри храм был отделан мрамором и мозаикой, пол здания вымощен мозаикой, крыша была покрыта листами свинца.

33. Обоих мучеников, Лиминия и Антолиана, похоронили за городом. Именно там Кассий и Викторин объединились, как братья, в своей любви к Христу, получив свое место в небесном царстве, пролив свою кровь. В древних преданиях говорится, что Викторин был слугой священника храма, о котором я вам рассказывал. Обыкновенно он уходил в ту часть города, где проживали христиане, там он и познакомился с Кассием, который и сам был христианином.

Его сильно впечатлили проповеди и чудеса Кассия, так что он и сам поверил в Христа. Он оставил свои жалкие занятия, принял таинство крещения и совершил многие чудеса. Вскоре оба, приятельствовавшие на земле, претерпели мученическую смерть и вместе отправились в Царство Небесное.

34. Во время вторжения алеманнов в Галлию святой Приват, епископ города Жаволя, находился в горной пещере близ Манда, где постился и молился, пока его люди находились взаперти в укрепленном замке Грезе. Этот добрый пастырь не хотел поддаваться на уступки и отдавать своих овец волкам, хотя алеманны пытались принудить его совершать жертвоприношения своим демонам. Приват отказался совершать подлости и ясно выказал свое отвращение. Тогда его так жестоко избили палками, что сочли мертвым. Действительно, через несколько дней после этого он умер.

Хрока позже схватили в городе Арль в Галлии. Его подвергли различным пыткам, в конце концов он умер от удара меча, понеся заслуженное наказание за страдания, которые он причинил избранному Господом.

35. При императоре Диоклетиане, тридцать третьем правителе Рима, начались жестокие преследования христиан, продолжавшиеся в течение четырех лет. Известен случай, произошедший в святой праздник Пасхи, когда было умерщвлено много людей, за то, что они поклонялись истинному богу. В то время Квирин, который тогда был епископом церкви в Сисции, принял мученический венец во имя Господа.

К его шее привязали мельничный жернов, и дикие язычники бросили его в быстрый поток. Упав в водоворот, Квирин по воле Божьей долго плавал по воде, никак не погружаясь в глубину, поскольку на нем не было груза вины. Стоявшая на берегу реки толпа удивлялась тому, что видела, не обращая внимания на стражу, люди устремились вперед, чтобы освободить своего епископа.

Квирин увидел, что они собираются сделать, но он вовсе не захотел, чтобы его освободили от предстоящих мук праведника. Он поднял глаза к небу и сказал: «Господь Иисус, Тот, кто сидит во славе по правую руку от Отца, не позволь мне усомниться в моем пути, прими мою душу и позволь мне присоединиться к Твоим мученикам в вечном покое». И, произнеся это, он умер. Его тело позже нашли христиане и похоронили с великими почестями.

³⁴ Место галльской святыни, называвшееся Вассо-Галате, – этот храм, расположившийся у Клермона, отождествлялся с богом Меркурием.

36. Константин оказался тридцать четвертым, правившим Римской империей, и он счастливо правил в течение тридцати лет. На одиннадцатый год его правления, когда, после смерти Диоклетиана, установился мир, в Сабарии в Паннонии (ныне Сомбатхей в Венгрии. – *Ред.*) в бедной семье родился святой епископ Мартин. На двадцатый год своего правления Константин убил своего сына Криспа и его жену Фаусту в горячей ванне, потому что они решили свергнуть его с трона. При жизни Константина нашли благословенное древо Креста Нашего Господа благодаря рвению матери императора Елены.

Его обнаружил еврей по имени Иуда. Позже его крестили и дали ему имя Кириак. Историк Евсевий продолжал писать свою хронику и довел ее до этого времени. На двадцать первый год правления Константина священник Иероним взял ее. Именно он рассказал о том, как священник по имени Ювенк переложил стихами Евангелие по просьбе самого императора Константина.

37. Во времена императора Константа жил некий Иаков Нисибийский (он жил при Констанции II. – *Ред.*). Господь в Своем милосердии откликнулся на его молитвы и многие беды отвел от его города. Максим, епископ Трира, прославился своей святостью.

38. На девятнадцатый год правления Констанция II умер монах Антоний в возрасте ста пяти лет. Тогда святого Илария, епископа Пуатье, отправили в изгнание по требованию еретиков, там он писал книги, посвященные католической вере, и направлял их Константину, который на четвертый год изгнания даровал ему прощение и разрешил Иларию вернуться домой.

39. В тот период в Галлии засиял новый светоч веры – святой Мартин начал проповедовать в этой стране. Благодаря множеству совершенных им чудес многие поняли, что Христос, Сын Божий, и Сам является Богом. Святой Мартин уничтожал языческие храмы, подавлял ересь, строил церкви и прославился многими чудесами, увенчав свое призвание веры, воскресив трех умерших. На четвертый год правления императоров Валентиниана и Валента в городе Пуатье известный своими чудесами святой Иларий вознесся на небеса, озаренный святостью и верой. Рассказывают, что он также воскрешал мертвых.

40. Мелания, замужняя женщина благородного происхождения из Рима, повинувшись чувству религиозного рвения, отправилась в Иерусалим, взяв с собой своего сына Урбана. Она показалась всем настолько доброй и преисполненной святостью, что знавшие ее горожане называли ее Феклой («Слава Божья»).

41. После смерти Валентиниана империей стал править Валент. Он повелел призвать всех монахов на военную службу, тех же, кто отказывался, велел выпороть. Немного позже римляне начали самую ожесточенную войну во Фракии. Она была настолько жестокой, что римская кавалерия потеряла своих лошадей и была вынуждена спасаться бегством пешком. Римляне понесли тяжелые потери от готов. (Готы, разбитые в 375 г. гуннами, поселились с разрешения римлян к югу от Дуная, где голод и злоупотребления римских чиновников привели к восстанию. – *Ред.*)

Самого Валента ранили стрелой, и он пытался укрыться в жалком сарае. Враги нашли его там и подожгли лачугу, так что он умер без погребения, которого мы все заслуживаем. Таким образом на него пало возмездие Господа и он был отомщен за кровь святого человека, которого умертвил. (Римское войско было разбито при Адрианополе в 378 г. Император погиб в числе 40 тыс. римских воинов.)

До настоящего времени Иероним, с этого места и далее священник Оросий взяли на себя труд записать нижеприведенное.

42. Увидев, что империя осталась без защиты, император Грациан наделил своего товарища Феодосия императорской властью. Этот человек связывал свои надежды с верой в милость Господа. Он собрал и сплотил людей не силой, но общими бдениями и молитвами, чем укрепил Римское государство и смог войти в город Константинополь как завоеватель.

43. Максиму самовластно удалось одержать верх над бриттами, в результате солдаты сделали его императором. В качестве своей столицы он избрал Трир, с помощью военной хитрости захватил императора Грациана и предал его смерти.

Став епископом, святой Мартин посетил Максима. Феодосий, о котором я вам рассказывал, со временем захватил контроль над всей империей вместо Грациана. С Божьей помощью он позже лишил Максима императорской власти и предал его смерти.

44. После прелата и проповедника Стремения первым епископом Клермона стал Урбик. Он происходил из senatorской семьи, а потом стал служить. Урбик был женат, в соответствии с церковными обычаями его жена вела монашеский образ жизни, проживая отдельно от своего мужа. Они оба посвятили себя молитвам, благотворительности и совершению добрых дел.

Когда они достигли середины своего жизненного срока, женщина по наущению дьявола (что всегда приводит к нарушению святости) воспылала желанием к своему мужу и сделалась второй Евой. Жена епископа воспылала такой страстью, что преисполнилась темными мыслями такого греховного характера, что направилась черной как смоль ночью к приходскому дому.

Увидев, что все двери закрыты на ночь, она начала стучаться и выкрикивала примерно следующее: «Епископ! Проснись немедленно! Как долго ты будешь отказываться открыть закрытые двери? Почему ты насмехаешься над своей преданной женой? Почему ты закрыл свои уши и отказываешься прислушаться к словам Павла, писавшего: «Будьте вместе, чтобы не искушал вас сатана невоздержанием вашим» (1 Кор., 7: 5). Я здесь, я возвращаюсь к тебе, но не как незнакомка, а как та, кто принадлежит тебе».

В течение долгого времени она продолжала выкрикивать эти вещи и другие подобные им. В конце концов епископ забыл о своих религиозных постулатах и велел, чтобы ее допустили в его спальню, где вступил с ней в связь и затем сказал, что ей пора уходить. Позже он пришел в себя и опечалился, что совершил грех. Урбик отправился в монастырь, находившийся в его епархии, намереваясь совершить покаяние.

Стеная и плача, он стремился искупить свой дурной поступок и в конце концов вернулся в свой собственный город. Когда пришел конец его земной жизни, он покинул этот мир. А его жена забеременела и родила дочь, позже она вела монашеский образ жизни. Самого же епископа похоронили в крипте, у входа в Шантон, рядом с ним похоронили позже его жену и дочь. На его место избрали епископом Легона.

45. Когда Легон умер, его сменил святой Иллидий, человек такой святости и воздержания, что известность о нем вышла за пределы Галлии. В результате император назначил его в Трир, чтобы он излечил его дочь от нечистого духа. Мне довелось уже рассказать эту историю в книге о его жизни.

Иллидий дожил до глубокой старости, совершив множество добрых дел. Завершив свой жизненный путь, он упокоился в мире и присоединился к нашему Господу. Его похоронили в подземной часовне в пригороде его родного города Клермона.

У него был дьякон, который имел все основания называться Иустином (праведным). Когда этот Иустин закончил свою жизнь, наполненную добрыми деяниями, его поместили рядом с его господином в той же самой гробнице. После смерти этого святого епископа в усыпальнице произошло столько чудес, что их трудно перечислить. Святого Иллидия сменил святой Непоциан.

46. Четвертым епископом Клермона стал святой Непоциан. Однажды через Клермон проходили послы в Испанию из Трира. Один из них, по имени Артемий, молодой, но уже известный своей мудростью и красотой, заболел сильной лихорадкой. Другие посланцы продолжили свой путь, оставив его болеть в Клермоне. Незадолго до этого он обручился в Трире. Непоциан пришел навестить Артемия и помазал его елеем. С Божьей помощью к нему вернулось здоровье.

Помолившись вместе со святым человеком, он забыл и свою земную супругу, и личное состояние. Он стал членом святой церкви, ему велели стать священником, и в этом качестве он приобрел такую славу своей святостью, что сменил Непоциана в качестве епископа и взял на себя бразды управления паствой Господа.

47. В то же время некий Инжирий, состоятельный человек, происходивший из семьи сенаторов, проживавший в Клермоне, попросил руки молодой женщины, чтобы жениться. И произошло это событие примерно в похожих обстоятельствах. Выкуп (вено) был передан, и назначен день свадьбы. Каждый из новобрачных был единственным ребенком в семье. В оговоренный день свадебная церемония была совершена.

Затем, по обычаю, молодоженов уложили в одну кровать. Молодая женщина сильно страдала, она отвернулась к стене и горько заплакала. Ее муж сказал ей: «Умоляю, скажи мне, в чем дело». Она не шевелилась, тогда он повторил: «Я умоляю тебя, во имя Иисуса Христа, Сына Господа, будь благоразумна и расскажи мне, почему ты так печальна».

Тогда она повернулась к нему и ответила: «Если мне суждено оплакивать каждый день моей жизни, то не хватит слез, чтобы смыть ту великую печаль, что наполняет мое сердце. Я собиралась сохранить мое жалкое тело для Христа и не запятнать его связью с мужчиной. Теперь же, к моему великому сожалению, я покинута им и у меня не хватает сил, чтобы добиться того, чего я так сильно хотела, ведь в этот день я потеряла то, что сохраняла со своего рождения. Христос обещал взять меня на небо, но бросил, поскольку моя судьба в том, чтобы стать женой смертного.

Вместо роз, которые никогда не увянут, остатки моих увядших роз скорее обезобразят, чем украсят меня. Вместо того чтобы на берегу райской реки надеть столу чистую³⁵, это свадебное одеяние принесло мне позор вместо чести. Какой смысл продолжать нашу беседу? Как же я несчастна! Я могла в качестве награды получить небеса, а вместо этого вторгнута в ад.

Если такова моя судьба, то почему первый день моей жизни не стал последним? Как бы я хотела, чтобы прошла через темный смертный портал до того, как вкусила материнское молоко! Если бы только поцелуи моих милых нянюшек могли бы оживить мое мертвое тело! Меня тошнит от всех богатств мира, мои глаза устремлены на руки Спасителя, которым было суждено принести жизнь в этот мир.

Я не хочу больше видеть диадемы, сияющие драгоценными камнями, я вспоминаю только о Его терновом венце. Мне не остается ничего иного, как с насмешкой глядеть на твои обширные поместья и твои земли, которые распростерлись вдоль и поперек, потому что

³⁵ Стола – женское платье в Древнем Риме и Древней Греции. (Примеч. пер.)

я стремлюсь только вкусить радости рая. Мне ненавистны твои залитые солнцем комнаты, когда я смотрю на нашего Господа, сидящего во всем Своем величии над звездами».

Пока она бессвязно выражала все это, слезы текли по ее лицу, а молодой муж проникся состраданием. И наконец он произнес: «Наши родители относятся к высшей знати Клермона. Мы – их единственные дети, так что, когда они умрут, не будет никого, кто станет наследовать им, поэтому наши семьи просят о том, чтобы у них были потомки».

«Наше земное существование не имеет никакого значения, – ответила она. – Богатство ничего не значит, равно как и все великолепие этого мира, да и сама жизнь, которой мы наслаждаемся, не имеет никакого значения. Нам следует подумать о другой жизни, которая не кончается, когда наступает смерть, которую не может уничтожить никакая болезнь и которая не зависит ни от каких обстоятельств. Ее проживает человек, испытывая вечное счастье, вкушая постоянное блаженство. Более того, он живет вместе с ангелами и наслаждается вечным счастьем в присутствии самого нашего Господа.

«Твои милые слова открыли для меня вечную жизнь, – ответил ее муж, – и она сияет передо мной, как яркая звезда. Если ты не собираешься вступить в плотские отношения, что ж, мне остается только согласиться с тобой».

«Для мужчины трудно удержаться от контактов с женщиной, – ответила она. – Но если ты согласишься, чтобы мы не запятнали себя нашими отношениями во время нашего земного существования, тогда я разделю с тобой то приданое, которое обещано мне моим супругом, Иисусом Христом, Которому я посвятила себя как служанка и невеста».

Перекрестившись, ее муж сказал: «Я сделаю то, о чем ты просишь». Взявшись за руки, они заснули, и в течение многих лет после этого они спали в одной постели, но оставались непорочными, и этим оставалось только восхищаться, и наконец наступило время им умереть. Когда их земной путь завершился и женщина собиралась присоединиться к Христу, после того как муж совершил все положенные погребальные обряды и поместил ее в гробницу, то сказал: «Я благодарю тебя, Иисус Христос, Господин и вечный Бог, за то, что Ты позволил мне, чтобы я мог со всей любовью передать Тебе это сокровище таким же непорочным, как тогда, когда я принял его из Твоих рук».

Когда он произносил все это, она улыбнулась ему и заметила: «Почему ты говоришь это, ты вовсе не должен был это делать».

Вскоре после того, как ее похоронили, ее муж последовал за ней. Хотя две гробницы разместили за разными оградами, произошло новое чудо, которое доказало их непорочность. Когда наступило утро и люди пришли навестить их, они обнаружили, что две гробницы расположены друг подле друга, хотя до этого их разместили порознь. Сказанное говорило о том, что, когда небеса соединяют двоих людей, никакие строения не могут разъединить их. И до наших времен жители называют это погребение «могилой двух влюбленных». Я рассказал ту же историю и в своей «Книге чудес».

48. На второй год правления Аркадия и Гонория святой Мартин, епископ Турский, совершивший так много добра для больных, необычайно святой и совершивший такое множество чудес, умер в Канде, в деревне в своей собственной епархии, на восемьдесят первом году жизни и на двадцать шестом году своего епископата. Счастливым, он отправился на встречу с Христом. Святой Мартин умер в полночь в субботу, во время правления консула Аттика.

Когда он уходил, многие слышали в небе пение псалмов, о чем я подробно писал в первой «Книге чудес». Как только этот святой человек заболел, находясь в деревне, жители Пуатье и Тура начали собираться у его смертного ложа. Когда же он умер, между двумя группами возникла перебранка. Жители Пуатье сказали: «Он наш монах, ибо стал аббатом в нашем городе. Мы доверили его вам, но мы требуем его обратно. Хватит с вас, пока он

был епископом, вы наслаждались его обществом, вы разделяли его стол, вас укрепляло его благословение. Кроме того, вас подбадривали его чудеса. Удовлетворитесь воспоминаниями и позвольте нам унести его тело».

Вот что на это ответили жители Тура: «Если вы говорите, что мы должны удовлетвориться чудесами, совершенными им ради нас, тогда признайтесь, что, пока он был с вами, он делал больше, чем в нашем городе. Если все другие его чудеса бесчисленны, то заметим, что он оживил двух мертвых для вас и только одного для нас. Как он сам часто говорил, его чудесная сила была больше до того, как он стал епископом.

Ясно, что, если он не доделал то, что должен был сделать для нас, пусть завершит это теперь, когда он умер. Господь забрал его у вас, чтобы отдать его нам. По старому обычаю, в соответствии с волей Господа, его следует похоронить в том городе, где он был посвящен. Если вы заявляете на него права, ибо здесь был его монастырь, то вам должно быть известно, что его первый монастырь находился в Милане».

Так они продолжали спорить, пока не село солнце и не установилась ночь. Тогда тело поместили в середине комнаты, дверь заперли, за покойным стали присматривать две группы. Люди из Пуатье намеревались унести тело, как только наступит утро, но Всемогущий Господь не позволил, чтобы город Тур лишился своего покровителя. В конце концов жители Пуатье заснули в середине ночи, никого не осталось на страже. Увидев это, мужчины из Тура взяли земное тело святого и передали его через окно тем, кто стоял снаружи и принял его. Затем они поместили его в лодку и начали грести вниз по реке Вьенне.

Достигнув реки Луары, они направились к городу Туру, хваля Господа и распевая псалмы. Жители Пуатье проснулись от пения и, глубоко опечалившись, отправились домой, не завладев тем сокровищем, которое якобы охраняли. Если кто-нибудь спросит, почему со смертью епископа Гациана вплоть до святого Мартина был только один епископ Турский, то сообщите ему, что в течение долгого времени язычники были настолько враждебны, что город оставался без благословения епископа. В те дни христиане отправляли свои обряды тайно в секретных местах. Если бы язычники обнаружили христиан, их тотчас бы жестоко избили или отрубили им головы мечом.

От страстей нашего Господа до смерти святого Мартина прошло 412 лет.

Здесь заканчивается первая книга, охватывающая 5596 лет с начала мира вплоть до смерти святого Мартина.

Книга II

1. О епископстве Брикция
2. О вандалах и их гонениях на христиан
3. О епископе еретиков Цироле и о святых мучениках
4. О преследованиях христиан во время правления Атанариха
5. О епископе Аравации и гуннах
6. О храме Святого Стефана в городе Меце
7. О жене Аэция
8. Известия историков об Аэции
9. Известия историков о франках
10. Пророки Господни о языческих идолах
11. Об императоре Авите
12. О короле Хильдерике и святом Эгидии
13. Об епископате Венеранда и Рустика и об их управлении в Клермоне
14. Об епископате Евстохия и Перпетуя в Туре и о храме Святого Мартина
15. О храме Святого Симфориана
16. О епископе Намации и о храме в Клермоне
17. О жене Намация и о храме Святого Стефана
18. О том, как Хильдерик прибыл в Орлеан, а Одоакр – в Анже
19. О войне между саксами и римлянами
20. О герцоге Викторе
21. О епископе Епархии
22. О епископе Сидонии
23. О благочестии Сидония и о том, как Господь наказал оскорбивших его
24. О голоде в Бургундии и об Экдиции
25. О Еврихе, гонителе
26. О смерти святого Перпетуя и о епископате Волузиана и Вера
27. О том, как Хлодвиг стал королем
28. О том, как Хлодвиг женился на Клотильде
29. О смерти их первенца после крещения, прямо в крестильных одеждах
30. О войне против алеманнов
31. О крещении Хлодвиг
32. О войне с Гундобадам
33. О смерти Годегизила
34. О том, как Гундобад захотел креститься
35. О встрече Хлодвиг с Аларихом II
36. О епископе Квинциане
37. О войне с Аларихом II
38. О звании патриция, дарованном королю Хлодвигу
39. О епископе Лицинии
40. О смерти старшего Сигиберта и его сына
41. О смерти Харариха и его сына
42. О смерти Рагнахара и его братьев
43. О смерти Хлодвиг

Продолжая двигаться по дороге истории, я рассказываю о событиях так, как они происходили. Я пишу и о благочестивых деяниях святых, и о том, как были безжалостно истреблены целые народы. Ведь этого требует ход событий, а не моя фантазия писателя.

Следуя заветам Евсевия, Севера и Иеронима, описывавших войны, которые вели правители, и святые подвиги мучеников, я составил свою книгу, продвигаясь по последовательности событий вплоть до наших времен, чтобы отразить их во всей полноте. Итак, следуя образцам хроник вышеперечисленных авторов, в соответствии с волей Господа, я буду описывать то, что произошло.

1. После смерти святого Мартина, епископа города Тура, выдающегося и действительно несравненного человека, о чем свидетельствуют многотомные описания его чудес, его преемником стал Брикий, занявший кафедру епископа. В молодости он нередко строил козни святому Мартину, часто попрекавшему его за то, что тот попусту тратит свое время.

Однажды, встретив на площади больного, искавшего святого Мартина, Брикий, бывший еще дьяконом, сказал ему: «Если ты ищешь этого полоумного, посмотри – вон он сидит и смотрит в небеса».

Бедняк отправился к святому Мартину и получил то, что хотел. Затем святой повернулся к своему дьякону и сказал: «Почему ты считаешь меня безумцем?» Смутившись, Брикий стал отрицать, что когда-либо говорил подобное, но святой Мартин продолжал: «Я слышал твои слова, хотя и не был рядом, но прощаю тебя, потому что только что Господь открыл мне, что после моей смерти ты будешь удостоен чести стать епископом. Но ты должен знать, что во время нахождения в этой должности ты сильно пострадаешь от дурного обращения».

Услышав это, Брикий рассмеялся и сказал: «Разве я не прав, говоря, что ты – безумец?» И позже, когда его посветили в священники, продолжал досаждать святому Мартину своими насмешками. Однако, после избрания с полного одобрения жителями Тура епископом, он стал проводить свое время в молитвах.

Заносчивый и тщеславный, Брикий отличался телесной чистотой и целомудрием. На тридцать третий год его епископства против него было выдвинуто гнусное обвинение. Послушница, которой обычно слуги отдавали его одежду в стирку, забеременела и родила ребенка. Услышав об этом, все население Тура, как один, возмутилось. Они возложили всю вину на епископа и единодушно захотели побить его камнями до смерти.

«Твоя набожность святого человека все это время была прикрытием для твоих порочных привычек, – кричали люди. – Господь больше не разрешает нам пятнать себя, целуя твои недостойные руки». Брикий стойко отрицал все обвинения в свой адрес. «Принесите ко мне ребенка», – распорядился он. Ребенка принесли, ему было еще только тридцать дней от роду. «Именем Иисуса Христа, сына Господа всемогущего, – велел он ребенку, – если я действительно являюсь твоим отцом, приказываю тебе заявить об этом, и пусть все об этом услышат». – «Ты не мой отец», – ответил ребенок.

Когда же жители Тура попросили назвать отца, он ответил: «Мне это неинтересно, я сделал лишь то, что касается меня самого. Если хотите, спросите у него сами». Тогда люди заявили, что Брикий проделал все это с помощью магии. Восстав против епископа, они выкрикивали: «Ты ложный пастырь и не можешь править нами!»

Чтобы оправдаться перед народом, Брикий положил горящие угли в рясу и прижал их к телу, а затем отправился в составе процессии вместе со всем народом к гробнице святого Мартина. Подойдя к гробнице, он уронил уголья на землю, и на его рясе не оказалось никаких следов тления. Тогда он повернулся и сказал: «Как моя одежда не повреждена горящими угольями, так и мое тело не осквернено сношением с женщиной».

Однако ему продолжали не верить, отказываясь принять то, что он говорил. Его тащили и оскорбляли, а затем, оклеветав, изгнали из города. Так что слова святого Мартина сбылись:

«Знай, что во время твоего пребывания в должности епископа ты сильно пострадешь от дурного обращения».

Изгнав Брикция, жители Тура выбрали на его место Юстиниана, а Брикция направился к папе в Рим. Стеная и оплакивая свою судьбу, он сказал папе: «Я заслужил все эти страдания, поскольку грешил против святого человека, избранного самим Господом. Я не единожды называл его безумным, а видя чудеса, которые он совершал, не верил в них».

После того как Брикция оставил их, жители Тура сказали своему новому епископу: «Иди к нему и расскажи о своем деле. Если не пойдешь, мы отвернемся от тебя». Юстиниан покинул Тур, но, добравшись до итальянского города Верчелли, по воле Господа умер. Узнав о его смерти, жители Тура, все еще пребывавшие в злобе, назначили на его место Арменция.

Прибыв в Рим, Брикция рассказал папе обо всем, что ему довелось вынести. Затем он поселился в папском дворце и иногда проводил здесь мессы, продолжая сокрушаться о том, что в свое время оскорблял Божьего угодника. Когда же прошло семь лет, он оставил Рим и с разрешения папы снова отправился в Тур. Добравшись до селения Мон-Луи, находившегося примерно в семи милях от города, он остановился там.

Между тем Арменций заболел лихорадкой и в полночь умер. Брикция увидел это в видении и велел своим слугам: «Немедленно отправляйтесь, мы должны успеть на похороны нашего брата, епископа Арменция». Когда они подошли к городским воротам и были готовы пройти через них, умершего вынесли через другие ворота. После похорон Брикция вернулся в соборный собор и счастливо прожил еще семь лет. Он умер на сорок седьмой год своего епископства. После него епископом стал святой Евстохий, человек необычайной святости.

2. Дальше случилось следующее: покинув свою родину, вандалы вторглись в Галлию вместе со своим правителем Гундерихом. Опустошив Галлию, они напали на Испанию. За вандалами последовали свевы, также называвшиеся алеманнами, и захватили Галисию. Поскольку их территории оказались по соседству, вскоре между ними начались раздоры, и они собрались воевать друг с другом, но король алеманнов сказал: «Доколе народы будут погибать в войнах? Я считаю, что следует выбрать двух воинов, и пусть они в полном вооружении встретятся на поле битвы и сразятся между собой. Та сторона, чей воин победит, возьмет себе спорную территорию».

Все согласились, что так будет лучше, чем огромные рати ринутся друг на друга с мечами. Через некоторое время Гундерих умер, и правителем вандалов стал Тразамунд. (Неверно. Гундериху наследовал его брат Гейзерих (правил в 428—477 гг.). Тразамунд правил в 496—523 гг. — *Ред.*) В поединке один на один воин Тразамунда потерпел поражение и был убит. Как только он умер, Тразамунд подтвердил, что выполнит свое обещание и покинет Испанию, как только будет готов к отходу.

Примерно в то же время Тразамунд начал преследовать христиан, пытками и казнями принуждая всю Испанию принять арианскую ересь. Случилось так, что гонители захватили юную деву, известную своей набожностью и благородным происхождением и необычайно богатую. Когда она предстала перед королем, он сердечно заговорил с ней, пытаясь уговорить, чтобы она приняла ересь. Однако она проявила стойкость в вере и отвергла его посулы. Тогда король велел конфисковать всю ее собственность, но в уме своем она уже обрела Царство Небесное.

Затем Тразамунд велел подвергнуть ее пыткам, так чтобы душа едва не покидала тело. Деву мучили многократно, у нее отняли все, чем она владела, но не смогли сломить ее волю, и она не отрекалась от Святой Троицы.

Когда ее притащили, чтобы перекрестить помимо ее воли, заставив погрузиться в нечистую купель, она выкрикнула: «Верую в Отца и Сына и Святого Духа единосущных». Когда она произнесла это, вода окрасилась кровью, потому что начался ее менструальный период.

Затем она была подвергнута судебному допросу, ее растягивали на дыбе, пытали огнем и шипцами. Наконец ее посвятили Господу нашему Христу путем отсечения головы.

После этого вандалы пересекли море и рассеялись по всей территории Африки и Мавретании (римские провинции в Северной Африке – Мавретания Тингитана, Мавретания Цезарейская, Нумидия, Африка Проконсульская – захвачены вандалами в 429—439 гг.). Алеманны преследовали их до самого Танжера.

3. Поскольку вандалы еще более жестоко преследовали христиан, будет только справедливо и правильно, если я расскажу вам о некоторых преступлениях, которые они совершили против святой церкви, и о том, как пришел конец их власти. Когда Тразамунд, оскорблявший святых, умер, королем африканцев стал Гунерих (старший сын Гейзериха, умершего в 477 г. – *Ред.*), отличавшийся еще большей жестокостью, чем его предшественник. Невозможно сосчитать, сколько христиан было умерщвлено в то время именем Господа. Это знает лишь принявшая их земля Африки да десница Господня, украсившая их чело мученическим венком. Мне доводилось читать описания некоторых страданий, и ниже я собираюсь рассказать о них, чтобы выполнить данное мной обещание.

Главным учителем еретиков там был Цирола, неправильно называемый епископом. Король варваров посылал его во все свои провинции для преследования христиан, и однажды он захватил епископа Евгения, которого обнаружил в пригороде своего города³⁶. Его схватили так неожиданно, что он не смог обратиться с краткой речью к своей пастве³⁷. Понимая, что его уведут на смерть, Евгений составил послание местным жителям, заклиная их оставаться верными своей католической вере:

«Евгений, епископ, обращается к сыновьям и дочерям церкви, вверенным Господом его попечению. По королевскому указу мне велено явиться в Карфаген, чтобы я ответил за то, что совершил, исповедуя католическую (ортодоксальную. – *Ред.*) веру. Поскольку я не могу оставить церковь Божью в сомнении или неопределенности, а свою паству – без напутствия, я решил отправить это письмо, чтобы поговорить с вами как пастырь.

Я слезно молю вас и заклиная всей той силой, какой я обладаю, чтобы вы, избранные Господом, и в виду Страшного суда Божьего и нового пришествия Христа, когда все станет ясно с необычайной четкостью, чтобы вы твердо придерживались католической веры и чтобы вы заявляли, что Отец, Сын и Святой Дух являются триединым божеством.

Сохраняйте благодать единого крещения и священное миропомазание. Пусть никто после воды не возвращается к воде, будучи возрожден водою. По Божьей воле в той воде вся ваша добродетель исчезнет подобно соли в воде. Вот что справедливо говорит наш Господь в Евангелии: «Вы – соль земли. Если же соль потеряет силу, то чем сделаешь ее соленую?» (Мф., 5: 13). Это действительно означает потерять вкус, быть крещенным второй раз, хотя и одного раза достаточно. Разве вы не слышите слова Христа: «Омытому нужно только ноги умыть» (Ин., 13: 10).

Мои братья, сыновья и дочери во Христе, пусть мой уход не расстроит вас. Если вы сохраните верность истинной вере, я не забуду вас. Как бы далеко я от вас ни находился, даже смерть не разделит нас. Хотя, находясь вдали от вас, я могу претерпевать страдания, помните об этом, и тогда победа будет за мной. Если меня заставят подвергнуться изгнанию, я возьму в качестве примера святого Иоанна Евангелиста, если мне суждено пройти через врата смерти, что «для меня жизнь – Христос и смерть – приобретение» (Флп., 1: 21).

³⁶ Евгений стал епископом Карфагена в 479 г. Его сослали в Галлию, и он умер в Альби в 505 г.

³⁷ Перед нами первый пример традиционной для Григория привычки комментировать документы, которые он приводит практически в полном виде. Заметим, что сам текст полностью сохранился.

Если же мне суждено вернуться, то тогда, братья, Господь вознаградит вас за то, что вы желали мне этого. Сейчас удовлетворитесь тем, что я не оставил вас без послания. Я предупредил вас и дал вам такой совет, какой только мог дать в подобных обстоятельствах. Я невиновен в крови всех тех, кто убит, и я знаю, что это письмо будет прочитано в их присутствии перед лицом Христа, когда Он снова вернется, чтобы воздать каждому в соответствии с совершенным им. Если мне суждено вернуться, я еще увижу вас в этом мире, если же не суждено вернуться, то встретимся на том свете.

Таково мое послание к вам. Прощайте, молитесь за меня, заслуживайте милости Господа, молитесь, проявляйте милосердие. Помните то, что написано в Евангелии: «И не бойтесь убивающих тело, души же их не могут убить; а бойтесь более того, кто может и душу и тело погубить в геенне огненной» (Мф., 10: 28).

После этого святого Евгения доставили к королю, там он вступил в спор с арианским епископом Циролой, пытаясь защитить католическую веру. Евгению удалось полностью опровергнуть доводы Циролы по проблеме Святой Троицы, показав, кроме всего прочего, что Христос совершил множество чудес благодаря своим способностям. По мере приведения аргументов арианский епископ все больше и больше выходил из себя.

В то время вместе с святым Евгением находились епископы Виндемиал и Лонгин, два мудрых и святых человека, никак не уступавшие ему в совершении чудес. Рассказывают, что святой Виндемиал мог воскрешать мертвых, а Лонгин в то время исцелил многих калек. Со своей стороны, Евгений не только возвращал зрение слепым, но и исцелял слепоту ума.

Узнав об этом, мерзкий арианский епископ призвал к себе одного из своих приспешников и сказал ему: «Я не могу вынести, что эти епископы совершают так много чудес в народе и что те, кто слушают их, игнорируют меня. Делай то, что я велю тебе. Вот тебе пятьдесят золотых. Иди и сядь на площади. Когда я буду проходить мимо, закрой твои глаза и прижми к ним руки. Когда я подойду ближе вместе с остальными, крикни во весь голос: «Благословенный Цирола, к тебе взываю я, предстоятель веры нашей! Воззри на меня и даруй свет очам моим своей чудесной силой!»

Мужчина сделал все, что ему велели, и уселся на площади. Когда еретик Цирола проходил по площади вместе с угодниками Божиими, тот, кто решил насмеяться над всемогущими, закричал так громко, как только мог: «Цирола благословенный! Услышь меня, святой предстоятель Господа! Узри мою слепоту! Позволь мне убедиться в твоей целительной силе, благодаря которой излечились другие слепые, которую на себе познали прокаженные и благодаря которой воскресали даже давно умершие. Я умоляю тебя, воспользуйся той чудесной силой, верни мне свет, которого я давно лишен, потому что меня поразила полная слепота».

Он даже не понимал, что говорит правду, потому что жадность сделала его слепым, ради денег он решил усомниться в силе Господа всемогущего. Тогда епископ еретиков отступил назад, как будто собираясь излечить слепоту человека с помощью своей чудесной силы. Не скрывая своего тщеславия и гордости, он положил свою руку на глаза человека и провозгласил: «Посредством нашей веры, благодаря которой мы связаны с Господом, пусть твои глаза откроются».

Едва он пробормотал свое богохульство, как радость сменилась печалью, и мошенничество епископа раскрылось. Глаза этого несчастного заболели так сильно, что он был вынужден прижать к ним свои пальцы, чтобы они не выскочили из глазниц. Перепугавшись, он начал кричать: «Со мной произошло ужасное! Меня заставил совершить обман враг Господа. Я пострадал, решив посмеяться над Господом ради денег. Меня купили за пятьдесят золотых, чтобы я совершил это поругание».

Затем он обратился к епископу: «Возьми свое золото! Верни мне свет, который я потерял благодаря твоему мошенничеству! Вы же, славные последователи Христа, не презирайте меня в моем несчастье, но помогите мне, потому что я нахожусь на пороге смерти. Наконец

я понял, что Господь поругаем не бывает». Напомню моим читателям: «Не обманывайтесь: Бог поругаем не бывает. Что посеет человек, то и пожнет» (Гал., 6: 7).

Тогда оба угодника Божиих сказали ему с состраданием: «Все возможно тому, кто верует!»

Мужчина ответил, стремясь крикнуть как можно громче: «Кто не верит, что Отец, Христос – сын Господа и Святой Дух – единосущны, будет страдать, как я теперь страдаю. «Я верю в Господа, Отца Всемогущего, – продолжал он. – Верую во всемогущего Бога Отца, верую, что Сын Божий, Иисус Христос, равен Отцу, верую, что Дух Святой единосущен с Отцом и Сыном и вечен, как и они».

Когда святые отцы услышали это, между ними начался благочестивый спор, кто должен наложить знак Святого Креста на его глаза, и каждый умолял другого. Наконец святой Евгений возложил свои руки на его голову и осенил его крестом, сказав: «Во имя Отца и Сына и Святого Духа, – сказал он, – триединого Бога, в которого мы веруем все трое, всемогущих и равных между собой, пусть твои глаза откроются».

Боль тотчас отступила, и к человеку вернулось его прежнее здоровье. И благодаря слепоте этого человека стало ясно, как епископ еретиков закрыл сердца людей своей жалкой ложью, чтобы никто не мог видеть истинный свет, так что никто не мог видеть свет истинной веры.

Несчастен идущий по неверному пути, вошедший не в те врата, ибо Христос – истинная дверь. Цирола же стал не поводырем своей стаи, а волком, стремившимся не разжигать, а погасить светоч веры в сердцах верующих!

Святые угодники совершили и другие чудеса, так что весь народ сказал: «Отец – истинный Бог, Сын – истинный Бог, Святой Дух – истинный Бог, каждому следует поклоняться, руководствуясь одной верой, каждого следует подобающе чтить. Нам совершенно ясно, что арианское учение ложно».

Увидев, что вера этих святых уничтожила его несправедную ересь, король Гунерих повелел, чтобы угодников заставили страдать и подвергли множествам пыток, сначала на дыбе, потом огнем и щипцами и, наконец, предали смерти.

Евгения он велел обезглавить, оговорив, что, если он не признает еретическую веру, когда над ним будет поднят меч, не следует убивать его, а только отправить в изгнание, поскольку Гунерих не хотел, чтобы христиане чтили Евгения как мученика. Как всем известно, так оно и случилось.

Когда Евгения собирались казнить, его спросили, собирается ли он умереть за истинную веру. «Умереть за веру означает обрести жизнь вечную» – таков был его ответ. Тогда он был отправлен в ссылку в город Альби, находившийся в Галлии. Там он и прожил остаток своей жизни, до нашего времени около его гробницы случаются разные чудеса.

Затем король велел обезглавить мечом святого Виндемиала, что и было сделано. Во время преследований были убиты или умерли под пытками архидьякон Октавиан и многие тысячи мужчин и женщин, исповедовавших нашу веру. Они переносили мучения не ради славы, которая ничего не значила для них, ибо знали, что будут вознаграждены, как говорил апостол: «Нынешние временные страдания ничего не стоят в сравнении с тою славою, которая откроется в нас» (Рим., 8: 18). В то время многие сбивались с пути истинного ради денег и тем самым навлекали на себя страдания, как и несчастный епископ по прозвищу Отступник, который отрекся от истинной веры.

Три раза случалось солнечное затмение, так что только треть светила была видна. Мне кажется, что это происходило потому, что было совершено много преступлений и пролито много невинной крови.

После совершения стольких преступлений Гунерих попал в руки дьявола, став бесноватым. Так долго питавшийся кровью святых, он разорвал себя на части зубами, закончив

свою недостойную жизнь мучениями вполне заслуженными. Ему наследовал Хильдерик. Когда же и он умер, королем стал Гелимер³⁸. Его разбила в битвах армия Восточной Римской империи, так закончилась и его жизнь, и царство вандалов пало (в 533 г. – *Ред.*).

4. В то время множество еретиков оскорбляли святые церкви, но лишь немногих из них настигла кара Господня. Атанарих, король готов, начал серьезные гонения. Он подверг многих христиан разным пыткам, после которых отрубал им головы мечом, или изгнал из страны, обрекая на мучительную смерть. Вот почему его настигла кара Господня. Однако мне нужно вернуться к тому, о чем я писал ранее.

5. Распространился слух, что гунны готовятся вторгнуться в Галлию. В то время в укрепленном городе Тонгре (Тонгерен) жил епископ по имени Араваций, известный своей праведностью и воздержанием. Постоянно обливаясь потоком слез, он молился, чтобы все-милостивый Господь не позволил столь недостойному и неверующему народу вторгнуться в Галлию.

Но из-за совершенных грехов, как он чувствовал всем сердцем, его молитва не была услышана. Поэтому он решил направиться в Рим, чтобы кроме своих возможностей воспользоваться заступничеством апостолов. Он считал, что будет вознагражден, поскольку просит сострадания у Господа с такой покорностью.

Итак, он направился к гробнице апостола Петра и там совершал великое воздержание, продолжая молиться о поддержке со всей свойственной ему добротой, совершая длительные посты и даже обходясь в течение двух или трех дней без еды и питья, чтобы ничто не прерывало его молитву и уединение.

Как рассказывают, умерщвляя в течение многих дней свою плоть, он получил следующее послание от достойного апостола: «Почему, святой человек, ты продолжаешь молиться мне? Премудрый Господь преопределил, что гунны вторгнутся в Галлию и опустошат страну подобно вихрю. Ты же должен последовать моему совету. Немедленно отправляйся домой и приведи твои домашние дела в порядок, устрой себе место для погребения и приготовь чистый саван. Ибо вскоре твоя земная жизнь прекратится, и твои глаза не увидят те разрушения, которые гунны причинят Галлии. Так говорит наш всемогущий Господь».

Получив этот ответ от апостола, святой епископ поспешно отправился в путешествие и вернулся в Галлию. Достигнув города Тонгре (Тонгерен), он тотчас совершил все необходимые приготовления для собственных похорон. Попрощавшись со своим духовенством и другими горожанами, со слезами и стенаниями он сказал им, что они больше не увидят его.

Приходя к нему, они плакали и стонали, жалобно обращаясь к нему: «Не покидай нас, святой отец! Добрый пастырь, не забывай нас!» Он дал им свое благословение и отпустил с миром, и тогда они отправились обратно домой, потому что даже их слезы не могли отговорить его. А Араваций направился к Маастрихту, по пути заболел лихорадкой и умер. Как только его душа покинула тело, преданные жители обмыли его и похоронили у самой дороги. Как спустя многие годы его нетленное тело было перемещено в другое место, я описал в своей книге о Чудесах.

6. Между тем гунны вышли из Паннонии и перемещались, опустошая все на своем пути. Говорят, что они дошли до города Меца в Страстную субботу. Они сожгли город дотла, перебили все население своими мечами, а священников казнили перед алтарями. Все здания в городе были сожжены, кроме часовни Святого Стефана Левита, первомученика.

³⁸ Уточним сказанное автором: Гунерих умер в 484 г., Хильдерик стал королем вандалов только в 523 г., Гелимер сменил Хильдерика в 530 г.

Теперь я расскажу вам историю этой часовни, так, как мне довелось слышать ее от разных людей. Рассказывают, что еще до прихода врагов один благочестивый мирянин во время видения увидел, как дьякон обсуждает будущие разрушения вместе с святыми апостолами Петром и Павлом.

«Молю вас, святые отцы, вмешаться и не допустить, чтобы город Мец был сожжен врагом. Ведь там есть место, где сохранились мои бранные останки. Если вы сделаете это, то люди поймут, что я имею некоторое влияние благодаря помощи Господа. Если греховность жителей слишком велика и ничто не может защитить город от уничтожения, то, по крайней мере, не позволяйте сжечь мою часовню». – «Ступай себе с миром, возлюбленный брат, – ответили апостолы, – только твоя часовня сохранится и не сгорит в пламени. Что же касается города, то мы ничего не можем поделать, поскольку Господь уже принял решение. Злодеяния жителей дошли до такого предела, что отзвуки их порочности уже достигли ушей Господа. Следовательно, город должен быть сожжен дотла».

Не приходится сомневаться, что, когда весь город был уничтожен, часовня осталась невредимой благодаря вмешательству Господа.

7. Разорив Мец, царь гуннов Атила опустошил множество городов в Галлии. Подойдя к Орлеану, он осадил его, пытаясь разбить стены своими таранами. В то время епископом Орлеана был Аниан, известный своей ученостью и необычайной святостью, история его чудес практически полностью дошла до нас.

Осажденные жители умоляли епископа сказать им, что делать. Уповая на Господа, он посоветовал им пасть ниц и в молитве со слезами умолять Господа помочь им, обращаясь к Тому, кто всегда приходит во времена нужды. Когда они выполнили его распоряжение и стали молиться Всемогущему, епископ добавил: «Продолжайте наблюдать с городских стен, чтобы узнать, сжалился ли Господь над нами и послал ли нам помощь».

Он надеялся, что, проявив сострадание, Господь способствует тому, чтобы Аэций поспешил им на помощь, поскольку он говорил с ним в Арле, предполагая, что может произойти. Люди смотрели со стен, но никого не увидели. «Молитесь от всего сердца, – сказал Аниан, – и Господь не забудет вас». Они продолжили молиться.

«Посмотрите снова», – сказал епископ. Они начали вглядываться, но не увидели никого, кто бы пришел к ним на помощь. Тогда епископ сказал в третий раз: «Если вы сохраните свою веру и будете продолжать молиться, Господь вскоре поможет вам». Громко стона и плача, люди умоляли Господа помочь им. Когда они закончили молиться, этот пожилой человек велел им посмотреть в третий раз. Вдалеке люди увидели нечто, напоминавшее облако пыли, поднимавшейся с земли.

Об увиденном доложили епископу. «Это и есть помощь, посланная Господом», – ответил он. Стены уже качались под ударами стенобитных орудий и были готовы рухнуть, когда прибыли Аэций, король готов Теодорих и его сын Торисмунд. Подойдя к городу со своими армиями, они заставили гуннов отступить, а затем и погнали их прочь. Атила ушел на Мавриакскую равнину (Каталаунские поля), где построил свои войска для сражения (в центре гунны, на левом фланге остготы, на правом гепиды. – *Ред.*). Узнав об этом, его преследователи храбро приготовились к сражению.

Вскоре после этого до Рима дошли слухи, что Аэций, окруженный неприятелем, находится в огромной опасности вместе с войсками. Узнав об этом, его жена сильно обеспокоилась и начала сохнуть. Она часто посещала церкви святых апостолов, днем и ночью молилась, чтобы ее муж благополучно вернулся из похода.

Однажды некий бедняк выпил лишнего и заснул в углу церкви Святого Петра, так что сторожа, закрывавшие большие двери, не заметили его. В середине ночи его разбудил яркий свет лампад, и он начал искать выход из церкви. Поняв, что все двери заперты, он лег около

них на пол и с волнением стал дожидаться, пока утром их откроют, чтобы незаметно ускользнуть из храма.

Тут он заметил двух мужей, которые приветствовали друг друга с особым почтением, один спросил другого, как у него продвигаются дела. Старший из них ответил: «Я не могу более выносить слезы жены Аэция. Она неустанно молится о том, чтобы я вернул ее мужа целым и невредимым из Галлии. Господь в своей мудрости распорядился иначе, но тем не менее мне удалось переубедить его и добиться, что Аэция не убьют.

Теперь я тороплюсь, чтобы уберечь его и вернуть обратно живым. Я приказываю, чтобы тот человек, который слышал все это, сохранил мои слова в тайне, иначе он тут же умрет». Конечно, услышав все это, бедняк не смог сохранить тайну.

Еще до полудня он рассказал все, что слышал, жене Аэция и ослеп, не успев закончить говорить.

Тем временем Аэций и его союзники вестготы и франки (а также аланы, бургунды и др. – *Ред.*) начали вместе сражаться с Аттилой. Увидев, что его армия разбита, Аттила бежал с поля боя. Во время битвы пал Теодорих, король готов. Никто и не сомневался, что на самом деле армия гуннов разбита по молитве епископа, о котором я уже рассказывал, но победителем все считали Аэция, сокрушившего врага с помощью Торисмунда. (В битве с обеих сторон пало до 200 тыс. человек. Уцелевшие буквально месили кровавую грязь среди гор трупов. – *Ред.*)

Когда битва закончилась, Аэций сказал Торисмунду: «Теперь быстро отправляйся, иначе твой брат захватит престол твоего отца». Торисмунд послушался его совета, надеясь опередить своего брата и занять до него трон. На тех же основаниях Аэций убедил короля франков покинуть поле боя. Как только они ушли, Аэций собрал всю добычу, лежавшую на поле битвы, и отправился вместе с ней домой.

Между тем Аттила отступил вместе с немногими воинами, оставшимися у него. Вскоре после этого он захватил и разграбил Аквилею, а затем гунны прокатились по всей Италии, опустошая страну. Торисмунд, о котором я вам рассказываю, покорил аланов. Позже, после множества разногласий и стычек он потерпел поражение от своих братьев, которые казнили его с помощью гарроты.

8. Рассказав об Аэции, я считаю необходимым привести то, что говорится о нем в «Истории» Рената Фригериды. В книге XII он описывает, как после смерти блаженного Гонория Феодосий сделал императором своего пятилетнего кузена Валентиниана. Власть в Риме захватил Иоанн, пославший к императору посла, которого тот принял с презрением.

«Когда посланцы вернулись обратно к тирану и сообщили ему об оскорбительно холодном приеме, разгневанный Иоанн отправил к гуннам Аэция, который тогда был управляющим дворцом, с огромной суммой денег, потому что Аэций хорошо знал гуннов еще с тех времен, когда был их заложником, и они по-прежнему относились к нему как к другу. Аэций должен был, когда гунны вторгнутся в Италию, напасть на них с тыла, а сам же Иоанн ударит им в лоб.

Поскольку я уделяю много внимания этому самому Аэцию, стоит рассказать о его семье и привычках. Отец его, Гауденций, происходил из известного в провинции Скифия (имеется в виду Нижняя Мезия, ее восточная часть (совр. Добруджа в Румынии). – *Ред.*) рода, начав доместиком в преторианской гвардии³⁹, он дослужился до должности магистра конницы. Мать происходила из благородной и состоятельной итальянской семьи. Еще мальчиком Аэция зачислили в преторианскую гвардию, потом он три года пробыл заложником у Алариха, а затем был передан гуннам.

³⁹ Преторианский – относящийся к эскрту императора или полководца. (*Примеч. пер.*)

Позже он стал зятем Карпилиона и смотрителем дворца Иоанна. Аэций был среднего роста, хорошо сложен, крепок, весьма подвижен и гибок. Его отличал острый ум, он был полон энергии, слыл искусным всадником, прекрасным стрелком из лука, неутомимым копьеметателем. Он также оказался необычайно искусным воином, хотя отличился и в искусстве мирных переговоров.

От природы не жадный и тем более не алчный, он был добрым и великодушным человеком, стоически переживал невзгоды и был всегда готов к любым тяжким испытаниям, презирая опасности, голод, жажду и недостаток сна. С ранней юности ему было суждено занимать высокое положение, поэтому, когда пришло его время, Аэций стал заслуженно известным.

Повзрослев, император Валентиниан убил его, опасаясь, что Аэций может захватить верховную власть, хотя никакого повода к тому не было. Вскоре после этого, когда Валентиниан выступал перед своими войсками с помоста на Марсовом поле, телохранитель Аэция Окцила заколол его мечом. Так они оба погибли, каждый в свое время.

9. Многим неизвестно имя первого короля франков. В «Истории» Сульпиция, где приводится много сведений о франках, имя их первого короля не названо, а просто говорится, что ими управляли военные вожди. Сульпиций рассказывает, что, потеряв надежду сохранить власть, Максим лишился рассудка и отправился жить в Аквилею. Затем он добавляет:

«В то время франки под руководством своих вождей Генобауда, Маркомера и Суннона вторглись в римскую провинцию Германию. Перейдя границу, они начали убивать местных жителей, опустошать самые плодородные земли, навели страх на жителей Кельна. Когда известия о случившемся дошли до Трира, военачальники Наннин и Квинтин, которым Максим доверил своего маленького сына и защиту Галлии, собрали римские войска и прошли к Кельну. Тяжело груженные добычей враги, опустошившие самую богатую часть провинции, снова ушли за Рейн, оставив часть своих людей продолжать грабежи на римской территории. Обнаружив их в лесах близ Шарбонье, римляне легко разбили их, используя внезапность и численное превосходство.

Обрадованные успехом, римские военачальники собрали совещание, чтобы решить, следует ли им преследовать франков. Наннин отказался это сделать, считая, что франки ждут их и на своей собственной земле окажутся гораздо сильнее. Однако Квинтин и другие военачальники не согласились с ним, и Наннин отступил в Майнц.

Квинтин же вместе со своей армией пересек Рейн близ крепости Нейс. После двухдневного перехода он обнаружил несколько покинутых обитателями жилищ и еще несколько поселений меньшей величины, также оставленных. Делая вид, что они боятся, франки отступили в отдаленные лесные районы, построив на всех дорогах засеки.

Римские солдаты сожгли все деревни, наивно считая, что таким образом одержали относительную победу. Ночь они провели беспокойно, ибо так и не осмелились снять доспехи. Как только рассвело, они под командой Квинтина отправились в леса, надеясь найти врага. Однако примерно к середине дня, совершенно сбившись с пути среди множества тропинок, они поняли, что заблудились. В поисках выхода они то и дело натыкались на бесчисленные завалы из мощных стволов деревьев.

Внезапно появлялись неприятельские воины, стоявшие на стволах деревьев или карабкавшиеся по завалам как по крепостным стенам. Они засыпали наступающих градом отравленных стрел, так что, даже сделав царяпину или скользнув по коже, они несли неминуемую смерть.

Со всех сторон окруженная основными силами врага, римская армия, отчаявшись, ринулась на равнину, оказавшуюся непроходимым болотом. Первой завязла в трясине кавалерия, люди и животные смешались, в панике передавив друг друга. Застрявшая в трясине пехота также понесла тяжелые потери, ибо воины не могли выбраться из тины.

Страшно перепуганные, римляне бросились обратно, пытаясь укрыться в лесах, из которых только совсем недавно вышли, но лишь немногие нашли там убежище. Гераклий, трибун иовианского легиона, и почти все командиры погибли. Темнота и глушь лесов обеспечили безопасность и убежище немногим уцелевшим».

Так пишет Александр Сульпиций в книге III своей «Истории».

В книге IV, описывая убийство Виктора, сына тирана Максима, он сообщает: «В то время Кариеттон и Сир, назначенные вместо Наннина, находились в Германии вместе с армией, собранной, чтобы противостоять франкам».

Далее, заметив, что франки, нагруженные захваченной в Германии добычей, отправились домой, Сульпиций продолжает рассказывать следующее: «Не выносивший никакой задержки Арбогаст убедил императора наказать франков, потребовав немедленно вернуть если не все, то хотя бы то, что они захватили в предыдущий год, а также выдать тех, кто преступно нарушил условия мирного договора».

Сульпиций говорит, что все эти события произошли в то время, когда франками правили военные вожди. Потом он продолжает: «Спустя несколько дней состоялись краткие переговоры между царственными особами франков Маркомером и Сунноном. Потребовав, по обычаю, заложников, Валентиниан вернулся на зимние квартиры в Трир».

Заметим, что, говоря о царственных особах, Сульпиций не поясняет, являлись ли они королями или были чем-то вроде королей. Сообщая о затруднительном положении, в котором оказался император Валентиниан, он пишет: «Когда на востоке, во Фракии, происходили различные события, на западе, в Галлии началась смута, и правительство испытывало большие затруднения. Император заперся во дворце у Вьена и был низведен практически до положения рядового гражданина. Контроль над армией перешел к франкским наемникам, гражданская же администрация находилась под контролем Арбогаста. Ни один военный, которого присяга обязывала подчиняться императору, не осмеливался выполнять его распоряжения или личные указания».

Далее Сульпиций пишет:

«В тот самый год движимый ненавистью Арбогаст отправился на поиски франкских царьков Суннона и Маркомера. Он прибыл в Кельн в самом разгаре зимы, понимая, что легче захватить и сжечь франкскую крепость, когда деревья сбросили листья и голые леса не являлись укрытием для засевшего в засаде врага.

Итак, он собрал армию, пересек реку Рейн и опустошил прибрежные земли, населенные брукстерами, а затем вторгся на земли хамавов. Все это он проделал, не встретив никакого сопротивления, за исключением нескольких апсвариюв и хаттов под командой Маркомера, показавшихся на отдаленных холмах».

На последующих страницах Сульпиций ясно дает понять, что у франков был король, но забывает назвать его имя: «Затем тиран Евгений предпринял военный поход к Рейну, чтобы укрепить границы, проходившие по его берегам. Показав диким народам свое огромное войско, он возобновил традиционные договоры с правителями алеманнов и франков».

Вот вся информация о франках, которую приводит этот хронист.

Теперь приведем рассказ уже упоминавшегося мной Рената Профутура Фригериды о том, как готы захватили и разграбили Рим: «После того как Гоар перешел на сторону Рима, король аланов Респендиал вынужден был отвести свои войска от Рейна, так как в это время вандалы воевали с франками. После гибели своего короля Годегизила вандалы потеряли в этом сражении почти двадцать тысяч человек и были бы полностью уничтожены, если бы аланы не подоспели к ним на помощь».

Примечательно, что, говоря о королях и различных народах, Фригерид не упоминает королей у франков. Рассказывая, как Константин, став тираном, обязал своего сына прибыть из Испании, чтобы встретить его, он пишет:

«Тиран Константин призвал своего сына Константа, также тирана, из Испании с тем, чтобы они могли вместе обсудить дела государства. Оставив в Сарагосе свою жену и двор, тот поручил все свои дела в Испании Геронцию и поспешил на встречу со своим отцом.

Поскольку из Италии им ничто не угрожало, всего через несколько дней Константин разрешил своему сыну вернуться в Испанию, а сам предался своему обычному пьянству и чревоугодию. Послав свои войска вперед, Констант захотел побыть немного со своим отцом. Однако тут прибыли посланцы из Испании, сообщившие, что Геронций посадил на трон Максима, одного из своих приближенных, и провозгласил его императором.

Поддерживаемый несколькими варварскими племенами, Максим оказался готовым к любым неожиданностям. Узнав об этом, Констант и его бывший дворецкий префект Децимий Рустик страшно перепугались. Они отправили к германским племенам Эдобека, а сами отправились в Галлию, чтобы как можно быстрее вернуться к Константину с франками, алеманнами и всем своим войском».

Описывая, как осадили Константина, хронист добавляет: «Константин находился в осаде уже почти четыре месяца, когда неожиданно прибыли посланцы из Северной Галлии, объявившие, что Иовин провозгласил себя императором и готовится напасть на осажденных вместе с бургундами, алеманнами, аланами и войском. После этого события начали стремительно развиваться. Городские ворота были открыты, и Константин вышел. Его тотчас отправили в Италию, но посланные императором убийцы настигли его и обезглавили на реке Минции».

Добавив еще несколько предложений, Фригерид продолжает: «В то самое время Децимий Рустик, префект тиранов, Агреций, одно время занимавший должность главы канцелярии Иовина, и многие представители благородного сословия были захвачены в Клермоне войсками Гонория и жестоко замучены. Город Трир был разграблен и сожжен франками во время второго вторжения».

Фригерид замечает, что императорским указом Астерий получил титул патриция, а потом пишет: «Кастина, управляющего императорским двором, отправили в Галлию возглавить начавшийся поход против франков».

Так заканчиваются рассуждения историков, которые они высказывают в связи с франками.

Хронист Орозий добавляет следующую информацию в книге VII своего труда: «Приняв на себя командование армией, Стилихон разбил франков, перешел через Рейн, прошел через Галлию и наконец подошел к Пиренеям».

Все приведенные нами работы историков содержат разную информацию о франках, но в них нигде не зафиксированы имена их правителей. Обычно говорят, что франки пришли из Паннонии и сперва колонизировали берега Рейна. Затем они пересекли реку, прошли в Тюрингию, где устроили областное управление, и в каждом городе из самых выдающихся и благородных семей своего народа выбирались длинноволосые короли.

Как я покажу ниже, справедливость такого принципа выдвижения доказывается победами Хлодвига. В консульских списках содержится информация о том, что Теодомер, король франков, сын Рихимера, и его мать Асцила были казнены мечом. Также говорится о том, что Хлогион (Клодио), человек высокого происхождения и отмеченный среди других своими способностями, стал королем франков. Он жил в замке Дуйсбург, находившемся в Тюрингии (см. нашу схему родословной Меровингов).

В южной части этой области, вплоть до реки Луары, жили римляне, а по ту сторону реки правили готы. Верившие в арианскую ересь бургунды проживали вдоль Роны, которая протекала через город Лион. Клодио (Хлогион) отправил шпионов в город Камбре. Когда они узнали все, что нужно, он сокрушил римлян и захватил город. Он прожил там недолгое

время и затем занял местности, простиравшиеся вплоть до реки Соммы. Некоторые говорят, что король Мервей, отец Хильдерика, происходил от Клодио (Хлогиона).

10. Этот народ (т. е. франки) не знал истинного бога и поклонялся идолам. Обитателям лесов и вод, птицам и зверям они поклонялись вместо Господа и приносили им жертвы. Если бы в глубине их сердец раздался внушающий благоговейный ужас Голос, который обращался к народу через Моисея!

Он говорил: «Да не будет у тебя других богов, кроме Меня. Не сотвори себе кумира и не поклоняйся всякому подобию того, что на небе, и что на земле, и что в воде; не сотвори и не служи им...» (Исх., 20: 3—5); «Господу Богу твоему поклоняйся, и Ему *одному* служи, и именем Его клянись» (Втор., 6: 13), – говорил Голос.

Если бы только они знали, какая кара обрушилась на людей Израиля за то, что они поклонялись литому тельцу, после празднования и пения песен, когда после игрищ и песен губы израильтян осквернялись словами, которые они говорили об этом высеченном образе: «Вот бог твой, Израиль, который вывел тебя из земли Египетской» (Исх., 32: 4).

Тогда погибло двадцать четыре тысячи израильтян. Те, кто начал поклоняться Ваал-Фегору и прелюбодействовал с женщинами Моава, были зарублены своим собственным народом. Во время резни, когда все остальные были уничтожены, священник Финей (Финеес), убив соблазнительей, утихомирив гнев Бога, «и остановилась язва» (Пс., 105: 30).

Если бы только их (франков. – *Ред.*) уши могли услышать те слова, которые Господь громогласно вложил в уста Давида, сказав: «Ибо все боги народов – идолы, а Господь небеса сотворил» (Пс., 95: 5). «Идолы язычников – серебро и золото, дело рук человеческих» (Пс., 134: 15). И в следующем абзаце: «Подобны им будут делающие их и всякий, кто надеется на них» (Пс., 134: 18). Мы также читаем: «Да постыдятся все служащие истуканам, хвляющиеся идолами» (Пс., 96: 7).

Пророк Аввакум заявляет: «Что за польза от истукана, сделанного художником, этого литого лжеучителя, хотя ваятель, делая немые кумиры, полагается на свое произведение? Горе тому, кто говорит дереву: «встань!» и бессловесному камню: «пробудись!» Научит ли он чему-нибудь? Вот он обложен золотом и серебром, но дыхания в нем нет. А Господь – во святом храме Своем: да молчит вся земля пред лицом Его!» (Авв., 2: 18—20).

На что другой пророк добавляет: «Так говорите им: боги, которые не сотворили неба и земли, исчезнут с земли и из-под небес» (Иер., 10: 11). В одном месте читаем (у пророка Исаяи): «Ибо так говорит Господь, сотворивший небеса, Он – Бог, образовавший землю и создавший ее; Он утвердил ее; не напрасно сотворил ее: Он образовал ее для жительства; Я – Господь, и нет иного» (Ис., 45: 18). В разных местах у Иеремии читаем: «Есть ли между суетными *богами языческими производящие дождь?*» (Иер., 14: 22). И следующий абзац из Исаяи: «Я первый и Я последний, и кроме Меня нет Бога. Ибо кто как Я?.. Есть ли Бог кроме Меня? Нет другой твердыни, никакой не знаю. Делающие идолов все ничтожны, и вожаденнейшие их не приносят никакой пользы, и они сами себе свидетели в том. Они не видят и не разумеют, и потому будут посрамлены... Все участвующие в этом будут постыжены, ибо и художники сами из людей же... Кузнец делает из железа топор и работает на угольях, молотами обделывает его, и трудится над ним сильною рукою своею... Плотник, *выбрав дерево*, протягивает по нему линию, остроконечным орудием делает на нем очертание, потом обделывает его резцом, и округляет его, и выделяет из него образ человека красивого вида, чтобы поставить его в доме. Он рубит себе кедры, берет сосну и дуб... Часть дерева сжигает в огне, другою частию варит мясо в пищу... а также греется... А из остатков от того делает бога, идола своего, поклоняется ему, повергается перед ним, и молится ему, и говорит: «спаси меня, ибо ты бог мой»... Половину его я сжег в огне и на угольях его испек хлеб, изжарил мясо и съел; а из остатка его сделаю ли я мерзость? Буду ли поклоняться куску

дерева? Он гоняется за пылью; обманутое сердце ввело его в заблуждение, и он не может освободить души своей и сказать: «не обман ли в правой руке моей?» (Ис., 44: 6—20).

Сначала народ франков ничего не знал обо всем этом, но позже они узнали, о чем и рассказывается в последующих главах моей «Истории».

11. Сенатор Авит, который, как известно, происходил из Клермона, добился императорской власти в Риме, но вел слишком распутную и расточительную жизнь, поэтому его сместили, заменив другим сенатором. Позже Авита назначили епископом в Пьяченцу. Узнав, что сенат враждебен по отношению к нему и его хотят убить, он отправился в церковь Святого Мученика Юлиана в Клермоне, взяв с собой множество даров. Во время путешествия Авит умер, и его тело перенесли в деревню Бриуд, где его похоронили у ног вышеупомянутого мученика. Авита сменил Марциан, а в Галлии командующим армией назначили Эгидия.

12. Хильдерик, король франков, погрязнув в разврате, начал соблазнять дочерей своих подданных. Они настолько разъярились содеянным им, что вынудили короля оставить трон. Обнаружив, что его собираются убить, он бежал в Тюрингию, а вместо себя оставил близкого друга, который смог успокоить разгневанных подданных и усыпил их сознание медоточивыми словами.

Хильдерик оставил ему пароль, который должен был указать на то, что он может вернуться на свою родину. Они разломали золотую монету на две равные части. Одну половину Хильдерик забрал с собой, а другую сохранил его друг. «Когда я пошлю мою половину тебе, – сказал его друг, – и две половинки, совмещенные вместе, образуют целую монету, ты узнаешь, что тебе ничто не угрожает, и ты можешь вернуться домой».

В Тюрингии Хильдерик нашел убежище у короля Бизина и его жены Базины. Как только Хильдерик ушел, франки единогласно выбрали своим королем того самого Эгидия, о котором я уже говорил, посланного из Рима в качестве командующего армией. После того как Эгидий правил франками в течение восьми лет, преданному другу удалось их тайно утихомирить, и он отправил к Хильдерiku посланцев с половинкой сломанной монеты, которую он сохранил.

Благодаря знаку Хильдерик решил, что франки хотят его возвращения, хотя на самом деле они выступали против, покинул Тюрингию и вернулся на свой трон. Как только он снова стал королем, королева Базина, о которой я уже говорил вам, оставила своего мужа и соединилась с Хильдериком.

Когда он спросил ее, почему она проделала столь длинный путь, чтобы быть с ним, то она ответила: «Я пришла, чтобы жить с тобой, ибо ты известен своей силой и необыкновенными способностями. Однако, если мне станет известно о ком-либо, даже если он находится далеко отсюда, за морем, кто окажется более способным, чем ты, я отправлюсь искать его, чтобы жить с ним вместо тебя».

Услышав это, Хильдерик восхитился и женился на ней. Она же забеременела и родила сына, которого назвала Хлодвигом. Он стал великим человеком и могучим воином.

13. После смерти святого Артемия епископом Клермона был поставлен Венеранд из Сенаторского рода. Вот что о нем пишет Павлин: «Как ни порочен наш век, такие епископы, как Эксуперий из Тулузы, Симплиций из Вьена, Аманд из Бордо, Диогениан из Альби или Венеранд из Клермона, остаются хранителями нашей общей веры и благочестия».

Как рассказывают, Венеранд умер в канун Рождества, так что праздничная процессия на следующий день стала и его погребальным кортежем. После его смерти начались непристойные споры о выборе нового епископа, обеспокоившие горожан.

Однажды в субботу, когда епископы-выборщики сидели на конклаве, к ним подошла женщина с накидкой на голове, указывавшей на то, что она являлась истинным слугой Господа, и сказала: «Выслушайте меня, отцы-святители! Поймите, что ни один из тех, кого выдвинули в качестве претендента стать епископом, не угоден Господу. Сегодня сам Господь изберет вам епископа. Не возбуждайте народ и не допускайте споров среди него, проявите смирение, ибо Господь сегодня пошлет человека, которому суждено управлять церковью».

Они сидели и дивились на ее речи, но тут к ним подошел один из священников этого города по имени Рустик. Увидев его, женщина закричала: «Вот тот человек, которого избрал Господь! Вот тот человек, которого он выбрал в качестве вашего епископа! Вот тот человек, которого вы должны рукоположить! Господь явил мне его в видении!»

Услышав ее слова, весь народ забыл о прежних разногласиях и закричал, что сделан правильный выбор. Рустика тут же посадили на епископскую кафедру, и к большой радости населения он принял епископский сан, стал седьмым провозглашенным епископом Клермона.

14. На семнадцатый год своего епископата в городе Туре умер епископ Евстохий. На его место рукоположили Перпетуя, ставшего пятым епископом после святого Мартина. Увидев, что у могилы святого Мартина часто происходят различные чудеса, Перпетуй решил, что часовня, воздвигнутая над телом святого, слишком мала и недостойна этих чудес. Он повелел снести часовню и воздвиг на ее месте огромный храм, который и ныне возвышается в пятистах пятидесяти шагах от города.

Храм этот ста шестидесяти футов длиной и шестидесяти футов шириной, а его высота в середине свода достигает сорока пяти футов. В алтаре имеется тридцать два окна и двадцать в нефе, кроме того, сорок одна колонна. Во всем же здании насчитывается пятьдесят два окна, сто двадцать колонн и восемь дверей – три в алтаре и пять в нефе.

Ежегодно там отмечают как престольные праздники дни освящения храма, перенесения тела святого и годовщина его избрания в качестве епископа. Обычно празднуют 4 июля, не забывая о том, что святой Мартин умер 11 ноября. Те, кто справляют эти праздники с верой, обретут защиту святого епископа и в этом мире, и в жизни вечной.

Увидев, что в той малой часовне, что стояла на месте храма, был красиво отделанный потолок, епископ решил, что будет неправильно, если его уничтожат. Поэтому он поставил еще один храм в честь благословенных апостолов Петра и Павла, и в нем устроил этот потолок. Перпетуй воздвиг также много других церквей, которые твердо стоят и сегодня во имя Христа.

15. Тогда же преосвященный Евфроний, позже избранный епископом, воздвиг храм во имя преосвященного мученика Симфориана Отенского. В знак своего благоговения перед святым Мартином он прислал мраморную плиту, которая и лежит ныне на гробнице святого.

16. После смерти епископа Рустика восьмым епископом Клермона стал святой Намаций. Он способствовал постройке храма, который все еще стоит и считается первым внутри городских стен. Храм в форме креста имеет длину сто пятьдесят футов, неф шириной шестьдесят футов и пятьдесят футов высоты в своде. У храма круглая апсида и с каждой стороны приделы искусной работы. В храме сорок два окна, семьдесят колонн и восемь дверных проемов. Алтарные стены украшены мозаикой, составленной из разноцветного мрамора.

Величие храма вселяет благоговейный страх, а весной молящиеся вдыхают сладкие ароматы наподобие благовоний. На двенадцатый год после постройки храма епископ отправил священников в город Болонью, в Италию, чтобы они доставили ему мощи святого Агриколы и святого Виталия, распятых во имя Христа, Господа нашего.

17. Жена Намация выстроила за стенами Клермона храм Святого Стефана. Желая украсить его цветными фресками, она принесла книгу с житием святого и давала по ней пояснения художникам, объясняя, что те должны изобразить на стенах.

Однажды, когда она сидела в храме и читала эти истории, в церковь пришел помолиться некий бедняк. Увидев перед собой пожилую женщину, одетую в черную одежду, тот подумал, что она одна из тех, кто нуждается, вынул кусок хлеба, положил ей на колени и отправился по своим делам. Она не отвергла подарок этого бедного человека, который не понял, кто перед ним, но приняла его и с благодарностью сберегла. Она ела его вместо другой еды и каждый день получала таким образом благословение, пока не съела весь.

18. Когда Хильдерик сражался под Орлеаном (с вестготами в 463 г.), а Одоакр с саксами дошел почти до Анже, разразилась страшная эпидемия чумы, унесшая множество людей. Среди них умер Эгидий, оставив сына по имени Сиagriй. После смерти Эгидия Одоакр захватил в Анже и других городах заложников. Готы изгнали бретонцев из Буржа, оставив много убитых при селении Деоль.

Но римский военачальник Павел, объединивший под своей командой римские и франкские войска, напал на готов и захватил у них богатую добычу. Одоакр захватил Анже, но на следующий день туда прибыл король Хильдерик и после того, как был убит Павел (Хильдерик сражался на стороне римлян), занял город. На следующий день епископский дом сгорел в сильном пожаре.

19. Пока происходили эти события, между саксами и римлянами вспыхнула ожесточенная война. Франки захватили острова саксов, разорили их и убили множество людей. На девятый месяц того же года случилось землетрясение. Одоакр заключил договор с Хильдериком, и вместе они покорили алеманнов, захвативших часть Италии.

20. На четырнадцатый год своего правления король готов (вестготов) Еврих (Эурих) вверил герцогу Виктору семь городов. Тот тотчас отправился в Клермон и провел там некоторую перестройку. Построенные при нем подземные церкви стоят и поныне. Именно он воздвиг в храме Святого Юлиана колонны, ставшие частью здания. Виктор построил также храмы Святого Лаврентия и Святого Германа в Сен-Жермен-Лаброне. Виктор пробыл в Клермоне девять лет, и с ним был связан скандал вокруг сенатора Евхерия, брошенного в тюрьму. Однажды ночью Виктор вывел его наружу, а затем привязал под старой стеной, после чего обрушил на сенатора кусок стены.

Также Виктор много путался с женщинами. Опасаясь, что мужчины Клермона могут убить его за это, он бежал в Рим. Там он продолжал такую же беспутную жизнь, и наконец его забили камнями до смерти. После смерти Виктора четыре года городом правил Еврих. Он умер на двадцать седьмом году своего правления. И тогда снова произошло сильное землетрясение.

21. Когда епископ Клермона Намаций умер, его сменил Епархий, слывший святым и набожным человеком. В то время у церкви практически не было собственности в городе. Епископ проживал при храме, в помещении, где теперь находится ризница. Обычно по ночам он вставал, чтобы воздать благодарность Господу перед высоким алтарем, находившимся в его церкви.

Однажды случилось так, что, войдя ночью в церковь, он обнаружил, что она заполнена бесами и сам сатана, одетый в женское платье, восседает на епископском троне. «Проклятая распутница, – заявил епископ, – мало того что ты все заражаешь своей низостью, так ты еще

и оскверняешь своим мерзким телом место, посвященное Господу? Немедленно покинь дом Господа и прекрати отравлять его своим присутствием!»

«Поскольку ты назвал меня блудницей, – ответил сатана, – я позабочусь о том, чтобы ты постоянно страдал от сексуального желания». И, произнеся это, он растворился в воздухе. Действительно, епископа мучил зов плоти, но его защищал Знак Креста, и дьявол не смог причинить ему вред.

Во всех описаниях говорится о том, что именно Епархий построил на вершине горы в Шантуане монастырь, где сегодня находится часовня, и часто уединялся там во время святых дней Великого поста. В день Тайной вечери он обычно отправлялся в собор в сопровождении своего духовенства и жителей города, которые следовали с ними, распевая псалмы.

Когда Епархий умер, его сменил Сидоний Аполлинарий, одно время занимавший место префекта города, человек самого высокого происхождения, какое только можно себе представить, и один из ведущих сенаторов Галлии, настолько благородный, что он женился на дочери императора Авита.

В то время, когда в Клермоне находился Виктор, в монастыре Блаженного Кирика жил аббат по имени Авраам, который, по милости своего тезки, патриарха Авраама, весьма почитался благодаря своей вере и прекрасным работам, как я говорил в моей другой книге, где описана его жизнь (*Liber vitae Patruum*).

22. Святой Сидоний отличался таким красноречием, что мог говорить на любую тему без затруднений, выражая мысль необычайно ясно. Однажды, когда он отправился на праздничную мессу в монастырскую церковь, о которой я уже рассказывал вам, у него украли книгу, с помощью которой он обычно служил церковную службу. Однако Сидоний настолько хорошо знал дело, что отслужил праздничную службу, ни разу не споткнувшись.

Присутствующие несказанно удивились, им показалось, что скорее ангел говорит с ними, а не человек. Об этом я подробно пишу в книге, которую я написал о совершенных им мессах⁴⁰. Он считался необычайно святым человеком, происходил, как я уже писал, из одной из самых выдающихся сенаторских семей. Не говоря ничего своей жене, он мог вынуть серебряные сосуды из своего дома и отдать их бедным. Когда она обнаруживала то, что он сделал, то начинала упрекать его. Тогда он выкупал серебряные сосуды обратно у бедных и снова возвращал их в свой дом.

23. Хотя Сидоний вел святой образ жизни, все свое время отдавая Господу, два священника восстали против него. Они лишили его всякой возможности управлять собственностью церкви, вынудили вести весьма стесненный образ жизни и всячески поносили. Однако Господь Своей милостью не позволил подобным оскорблениям оставаться ненаказанным.

Один из этих двоих коварных людей, которого недостойно называть священником, стал угрожать, что изгонит Сидония из его собственной церкви. Встав на следующее утро, услышав колокол, звавший к заутрене, он продолжал злиться на угодника Божия, надеясь осуществить план, придуманный прошлым вечером.

Однако, войдя в отхожее место, он отдал богу душу. Ожидавший снаружи мальчик со свечой ждал, когда выйдет его хозяин. День между тем наступил, и его соучастник, другой священник, послал узнать, что случилось. «Возвращайся быстрее, – приказал посланный, – не торчи здесь так долго, мы должны отправиться вместе и сделать то, что запланировали вчера».

Мертвый человек не отвечал. Тогда мальчик поднял занавес у уборной и обнаружил, что его хозяин мертв. Из сказанного мы можем заключить, что этот человек был виновен в

⁴⁰ Книга утрачена.

преступлении не менее серьезном, чем то, что совершил Арий, у которого также внутренности вывалились через задний проход в туалете, ибо неподчинение епископу можно приравнять к ереси.

После этого святой Сидоний, у которого, отметим, все еще оставался один из двух врагов, вернулся к власти, но некоторое время спустя слег с высокой температурой. Он распорядился, чтобы помощники отнесли его в церковь. Когда он оказался внутри, огромная толпа мужчин и женщин, а также маленьких детей собралась вокруг него, причитая и приговаривая: «Добрый пастырь, почему ты покидаешь нас? Кому ты оставляешь твоих детей-сирот? Если ты умрешь, что случится с нами? Найдется ли тот, кто сможет наполнить наши жизни крупицами мудрости и вдохновить нас именем Господа, тем же внутренним светом, который ты выказал?»

Горожане из Клермона плакали и говорили все это и многое другое. Наконец с помощью Святого Духа Сидоний ответил им. «Не бойтесь, – сказал он. – Еще жив мой брат Апрункул, и он будет вашим епископом». Те, кто услышал его слова, не поняли его и подумали, что он тронулся умом.

После смерти Сидония зловредный священник, второй из тех двух, ослепленный жадностью, немедленно наложил руки на собственность церкви, как будто его уже избрали епископом. «Господь наконец заметил меня, – говорил он, – поскольку Он знает, что я более справедлив, чем Сидоний, и Он даровал мне эту власть». Теперь он с гордостью разъезжал по городу.

В следующую субботу после смерти Сидония этот священник устроил праздник в приходском доме и велел пригласить на него городских жителей. Он не выказал никакого почтения к старейшинам, находившимся среди них, и первым занял место за столом. Виночерпий передал ему кубок с вином и сказал:

«Мой господин, мне только что было видение, и, если вы позволите, я расскажу его вам.

Я видел, что нахожусь в огромном зале, где на троне сидел человек, вроде бы судья, обладавший властью над всеми, кто там присутствовал. Вокруг него стояла огромная толпа священников в белых одеяниях, а также там находилась большая толпа людей всех видов, и было их так много, что я не смог их сосчитать.

Пока я стоял там, трепеща и ожидая, я заметил благословенного Сидония, стоявшего вдалеке на возвышении, и он спорил с твоим дорогим другом, священником, который умер несколько лет тому назад. Священник потерпел поражение в этом споре, и король велел запереть его в самой глубокой и маленькой темнице.

Когда его увели, Сидоний выступил против вас, заявляя, что вы были замешаны в преступлении, за которое осудили другого. Тогда судья начал искать того, кого бы он мог к вам послать. Я спрятался в толпе и стоял достаточно далеко, ибо опасался, что послать могут меня, потому что я был хорошо с вами знаком.

Так я и стоял, молча, погрузившись в собственные мысли, но тут вдруг все исчезли, и я остался один на виду. Судья вызвал меня, и я подошел к нему. Потрясенный его величием, я задрожал от страха. «Не бойся, мой мальчик, – сказал он. – Иди и скажи этому священнику: «Приди и держи ответ, поскольку Сидоний зовет тебя». Ты должен отправляться немедленно, ибо царь повелел мне передать то, что я сказал, и даже прямо угрожал мне: «Если ты не скажешь то, что тебе велят, то умрешь самой ужасной смертью».

Как только слуга произнес все это, священник пал мертвым, и кубок выскользнул у него из руки. Его подняли с той кушетки, на которую он упал, и похоронили, чтобы он скорее присоединился к своему помощнику в аду. Так Господь вынес Свое суждение в связи с этими двумя непокорными священниками. Один разделил судьбу Ария, другой был свергнут с вершины своей гордыни, как Симон волхв по велению святого апостола. Не приходится

сомневаться в том, что замыслившие заговор против своего святого епископа теперь заняли свое место, рядом друг с другом, в самой нижней части ада.

Тем временем повсюду разносились слухи о приближении франков, и каждый с беспокойством ожидал того момента, когда они подчинят всех своей власти. Святой Апрункул, епископ города Лангра, впал в немилость у бургундов. Ненависть к нему росла день ото дня, и наконец случилось так, что его собрались тайно казнить. Узнав об этом, он ночью перелез через стену Дижона, а затем бежал в Клермон и в соответствии со словом Божиим, вложенным в уста Сидония, стал одиннадцатым епископом этого города.

24. Еще при епископе Сидонии в Бургундии случился сильный голод. Население рассеялось в поисках пищи, и не оказалось никого, кто мог бы помочь едой бедным. Тогда Экдиций, один из сенаторов и близкий друг Сидония, с помощью Господа нашел прекрасное решение. Он послал своих слуг с лошадьми и повозками по соседним городам, чтобы те привезли тех, кто страдал от голода. Они собрали всех голодных и нуждающихся, кого смогли подобрать, а всего их было более тысячи мужчин и женщин, и привезли их в усадьбу Экдиция. Там он кормил их весь год и тем самым спас от голодной смерти. Когда же голод миновал, Экдиций помог каждому из них добраться до своего дома. После этого он услышал глас небесный: «Экдиций, за то, что ты сделал это, ни ты, ни твои дети не будут испытывать недостатка в пище, ибо, повинувшись Моим словам и насытив бедных, ты накормил и Меня!» Существует много рассказов об энергичности Экдиция. Однажды он с десятком воинов обратил в бегство большой отряд готов. Во время голода так же, как Экдиций, отличился, спасая людей, святой Пациент, епископ Лиона. Святой Сидоний в своем письме славит его за это.

25. В то же самое время Еврих, король вестготов, пересек испанскую границу и начал жестоко преследовать христиан в Галлии. Не колеблясь он отрубал голову тем, кто не присоединился к его еретическому учению, бросал в тюрьму священников, епископов отправлял в ссылку или казнил. Он распорядился, чтобы ворота храмов засадили терновыми кустами с шипами, чтобы христиане не смогли посещать храмы и забыли свою истинную веру.

В основном от его яростных гонений пострадала область, расположенная между рекой Гаронной и Пиренеями, то есть города Аквитании. В нашем распоряжении оказалось письмо благородного Сидония, написанное самому епископу Василию, в котором он приводит подробное описание произошедшего. Вскоре после этого преследователь умер, пораженный возмездием Божиим.

26. Вскоре после этого святой Перпетуй, епископ города Тура, мирно почил, пробыв епископом в течение тридцати лет. На его место назначили Волузиана, происходившего из сенаторского рода. Готы относились к нему с подозрением и на седьмой год отправили его в качестве пленника в Испанию, где вскоре он умер. Его сменил Вер, ставший седьмым епископом после святого Мартина.

27. Дальше случилось так, что умер Хильдерик. Его сменил на троне его сын Хлодвиг. На пятый год его правления Сиагрий, король римлян (Сиагрий был правителем последнего осколка погибшей в 476 г. Западной Римской империи в Галлии. – *Ред.*) и сын Эгидия, переселился в Суасон и поселился в его резиденции. Тогда Хлодвиг выступил против него вместе со своим родственником Рагнахаром и вынудил Сиагрия вступить в бой. Тот, не раздумывая, принял вызов, потому что не боялся Хлодвига.

В сражении армия Сиагрия была разбита, а сам он бежал так быстро, как только смог, к королю Алариху II, находившемуся в Тулузе. Хлодвиг потребовал от Алариха выдать беглеца, а в противном случае обещал напасть на него за то, что тот предоставил убежище Сиа-

грию. Боясь навлечь на себя гнев франков, Аларих выдал связанного Сиагрия посланцам Хлодвига. Заполучив Сиагрия, Хлодвиг велел его заключить в тюрьму, а захватив его царство, велел тайно убить его.

В то время воины Хлодвига были идолопоклонниками и разорили много храмов. Случилось так, что наряду со многими другими драгоценными предметами, использовавшимися во время церковной службы, солдаты украли в одном храме чашу огромной величины и великолепной работы. Епископ данной церкви послал представителей к королю, умоляя, чтобы он даже если не вернет обратно другие священные сосуды, то, по крайней мере, пусть возвратит церкви эту чашу.

Король выслушал их и ответил: «Следуйте за мной в Суасон, где мы будем делить все захваченные предметы. Если сосуд, который просит ваш епископ, войдет в мою долю, я удовлетворю ваше желание». Они прибыли в Суасон и всю добычу сложили кучей перед ними. Указав на данный сосуд, Хлодвиг обратился к своим людям: «Я прошу, чтобы вы, мои могучие воины, согласились со мной и наградили меня этим сосудом сверх моей обычной доли».

Выслушав то, что он им сказал, самые рассудительные среди воинов ответили: «Все, что лежит перед нами, ваше, благородный король, поскольку мы подчиняемся вам. Делайте так, как сочтете нужным, и никто из нас не осмелится сказать вам «нет». Однако один из них, человек злой и жадный, поднял свой боевой топор и ударил по чаше. «Ты ничего не получишь из этой добычи, – прокричал он, – сверх твоей доли!»

Все присутствующие изумились его словам. Король же скрыл свою досаду, взял чашу и протянул его посланнику церкви, скрыв внутреннее возмущение произошедшим. В конце того года Хлодвиг приказал, чтобы вся армия собралась на Мартовском поле, чтобы он смог осмотреть состояние их вооружения. Король обошел всех и наконец подошел к человеку, который ударил секирой по чаше.

«Ни у кого вооружение не находится в таком плохом состоянии, как у тебя, – сказал он. – Твое копьё в ужасном состоянии, как и твой меч, и твоя секира!» Хлодвиг выхватил секиру у воина и бросил ее на землю. Как только тот нагнулся, чтобы подобрать свое оружие, король Хлодвиг ударом своего боевого топора разрубил ему голову. «Вот так и ты сделал с моей чашей в Суасоне!» – сказал Хлодвиг.

Воин упал замертво, а остальным Хлодвиг велел разойтись. От содеянного они преисполнились благоговейным ужасом. Хлодвиг провел много войн и выиграл множество битв. На десятый год своего правления он вторгся в Тюрингию и подчинил ее.

28. Король Бургундии Гундевех происходил из рода короля Атанариха, преследовавшего христиан, о котором я уже вам рассказывал. У него было четыре сына: Гундобад, Годагизил, Хильперик и Годомар. Гундобад убил своего брата Хильперика и утопил его жену, привязав к ее шее камень. Двух дочерей Хильперика он отправил в ссылку, старшая, по имени Хрона, стала монахиней, младшую звали Клотильдой (Хродехильдой). Хлодвиг часто посылал своих послов в Бургундию, где однажды они и увидели Клотильду.

Увидев, что она красива и умна, а также развита не по годам, они выяснили, что она происходит из королевского рода. Когда об этом сообщили Хлодвигу, тот отправил к Гундобаду новых послов, чтобы попросить ее руки и жениться на ней. Тот побоялся отказать Хлодвигу, так что послы забрали девушку с собой. Увидев ее, Хлодвиг настолько восхитился ее красотой, что тут же женился на ней, хотя у него уже был сын Теодорих от одной из его наложниц.

29. Клотильда родила Хлодвигу сына. Желая, чтобы ее ребенка крестили, она стала убеждать мужа, чтобы тот согласился на это.

«Те боги, которым ты поклоняешься, недостойны нашего внимания, – настаивала она. – Они не могут помочь даже себе, не говоря уже об остальных. Они высечены из камня, дерева или какого-то куса металла. Те имена, которые вы им дали, вовсе не имена богов. Скажем, возьмем твоего Сатурна, который убежал от своего собственного сына, чтобы тот не изгнал его из собственного царства, по крайней мере, так говорит.

Или, допустим, Юпитер, грязный развратник, совершавший противные, мерзкие поступки, который не мог держаться в отдалении от других людей, забавлялся со своими родственницами и не смог даже удержаться от сожительства со своей собственной сестрой. Что для других сделали Марс и Меркурий? Они были одарены магическим умением, но явно недостойны того, чтобы называться божествами.

Вместо того чтобы поклоняться Ему, Который словом из ничего создал небо, землю, море и все, что окружает нас («Сотворившего небо и землю, море и все, что в них...» – Пс., 145: 6). Заставившему сиять солнце, озарившему небо звездами, населившему воду рыбами, землю зверями, небо летающими в нем существами. С Его одобрения сады наполнились фруктами, деревья яблоками, виноградники виноградом. Именно Он создал род человеческий, благодаря Его велению все созданное служит и предназначено для созданного Им человека».

Однако, как бы часто королева ни повторяла эти слова, король не поддавался и не хотел прийти к христианской вере. «Все эти вещи были созданы и определены благодаря велению *наших* богов, – так обычно отвечал он. – Очевидно, что *твой* Бог не может ничего сделать, более того, нет никаких доказательств того, что он является Богом».

Остававшаяся верной своей вере, королева принесла своего сына для крещения. Она распорядилась, чтобы церковь украсили драпировками и занавесями, надеясь, что продолжавшийся сопротивляться король, несмотря на все приведенные доводы, придет к вере под впечатлением от церемонии. Ребенка крестили, нарекли Ингомером, но вскоре после того, как его крестили, он умер в своих белых одеждах.

Хлодвиг необычайно разъярился и обрушился тотчас с упреками на королеву. «Если бы его посвятили моим богам, – заявлял он, – то совершенно очевидно, что он жил бы и дальше, теперь же, когда его крестили во имя вашего Бога, он не смог прожить и дня!»

«Я благодарю Всемогущего Господа, – отвечала Клотильда, – создателя всех вещей, который не счел меня недостойной Его милости, потому что Он захотел приветствовать в Своем царстве ребенка, рожденного из моего лона. Меня вовсе не повергает в уныние случившееся, потому что я знаю, что мой ребенок, призванный из этого мира в его белых крестильных одеждах, будет воспитан, лицезрея Господа».

Спустя некоторое время Клотильда родила второго сына, крещенного Хлодомером. Он занемог, и Хлодвиг сказал: «Что же вы хотите? С ним произойдет то же самое, что и с его братом, как только его крестят во имя вашего Христа, он умрет!» Однако Клотильда молилась Господу, и по Его велению ребенок поправился.

30. Королева Клотильда продолжала молиться, чтобы ее муж признал истинного Бога и перестал поклоняться своим идолам. Но ничто не могло заставить его принять христианство. Наконец, во время войны с алеманнами, он был вынужден принять то, от чего отказывался, стремясь сохранить за собой право выбора.

Случилось так, что, когда две армии встретились на поле сражения, произошла страшная резня, и войска Хлодвигача начали быстро таять. Когда он увидел это, то обратил свой взор на небо, почувствовал раскаяние и был тронут до слез.

«Иисус Христос, – сказал он, – тот, кого Клотильда считает Сыном живого Бога, Ты, кто помогает страждущим и дарует победу уповающим на Тебя. Со смирением взываю проявить могущество Твое.

Если Ты даруешь мне победу над моими врагами и если я смогу получить свидетельство Твоей чудесной силы, которую уже испытали люди, посвятившие себя Тебе и поклоняющиеся Твоему имени, тогда я уверую в Тебя и крещусь во имя Твое. Я уже обращался к моим собственным богам, но мне совершенно ясно, что они не собираются помочь мне. Поэтому я не верю в то, что они обладают какой-либо силой, потому что не собираются помочь тем, кто верит в них. Теперь же я обращаюсь к Тебе, я хочу поверить в Тебя, только спаси меня от моих врагов».

И как только он вымолвил все это, король алеманнов был убит. Увидев это, алеманны начали отступать и сдаваться Хлодвигу. «Мы умоляем тебя, – сказали они, – положить конец этой резне. Мы готовы подчиниться тебе». Тогда Хлодвиг прекратил битву, а затем произнес речь, в которой призывал к миру. Затем он отправился домой. Там Хлодвиг рассказал королеве о том, как одержал победу, призвав имя Христа. Так начался пятнадцатый год его правления.

31. Тогда королева приказала тайно вызвать святого Ремигия, епископа города Реймса, и попросила его наставить короля на путь спасения. Епископ тайно встретился с Хлодвигом и начал убеждать его отречься от своих идолов, которые бессильны помочь ему и кому-либо, и поверить в истинного Бога, Творца неба и земли. На что король ответил:

«Я охотно выслушал вас, святой отец. Но остается одно препятствие.

Находящиеся под моей властью люди не согласятся отказаться от своих богов. Я пойду и передам им то, что вы только что сказали мне». Хлодвиг собрал своих людей, но Господь Своей властью опередил его, и не успел Хлодвиг начать свою речь, как все присутствующие дружно закричали: «Мы отрекаемся от поклонения смертным богам, благочестивый король, и готовы следовать за бессмертным Богом, о котором нам проповедует Ремигий».

О случившемся доложили епископу. Он был необычайно доволен и распорядился о том, чтобы приготовили купель для крещения. Общественные площади драпировали цветными тканями, церкви разукрасили белыми полотнищами, приготовили баптистерий. Палочки ладана испускали облака благоуханий, сладко пахнувшие свечи ярко сияли, священное место крещения заполнилось священным ароматом.

Господь наполнил сердца присутствующих такой благодатью, что им показалось, что они переместились в некий благоухающий сад. Король Хлодвиг попросил, чтобы епископ крестил его первым⁴¹. Подобно новому Константину, он вошел в купель, чтобы очиститься от прежней проказы (в IV в. святой Сильвестр, крестив императора Константина, вылечил его от проказы. Здесь – иносказательно. – *Ред.*) и смыть грязные пятна прошлого.

Когда Хлодвиг подошел, чтобы креститься, святитель Божий обратился к нему со следующими важными словами: «Склони свою голову и смирись, сигамбр⁴². Откажись от того, чему ты поклонялся, отрекись от того, чему был предан».

Святой Ремигий слыл необычайно образованным человеком, его считали ученым, равных которому не было. Он был также известен своей святостью и по своим совершенным чудесам признавался равным святому Сильвестру. Мы располагаем описанием его жизни, в котором рассказывается, как он воскресил мертвого человека.

Король Хлодвиг признался в своей вере в триединого Всемогущего Бога. Он крестился во имя Отца, Сына и Святого Духа и был помазан священным елеем знаком Христа. В то же самое время крестилось более трех тысяч человек из его армии. Его сестра Альфобледа также крестилась, но вскоре она умерла и ее взял Господь. Когда король оплакивал ее смерть, святой Ремигий отправил ему утешительное письмо, оно начинается следующими словами:

⁴¹ Произошло данное событие в 496 г.

⁴² Мервинги заявляли, что происходят от германского племени сигамбров.

«Я необычайно расстроен, и я разделяю вашу печаль по поводу потери вашей сестры, оставшейся в памяти своей благочестием. Мы можем найти в этом утешение, она встретила свою смерть таким образом, что мы с надеждой смотрим вперед, вместо того чтобы предаваться оплакиванию ее».⁴³

Другая сестра Хлодвига по имени Лантехильда крестилась в то же самое время. Ранее она приняла арианскую ересь, но затем признала единосущность Отца, Сына и Святого Духа и была помазана.

32. В то время два брата, Гундобад и Годагизил, правили королевством, простиравшимся по Роне и Соне, включая и земли Массимия (Марселя). Как их подданные, так и они исследовали арианскую ересь. Когда они напали друг на друга, то Годагизил услышал о победах, которые одержал король Хлодвиг. Он тайно отправил к нему послов. «Если ты сможешь мне в войне с моим братом, – сказал он, – так чтобы я смог убить его в битве или выдворить его из страны, я стану платить тебе ежегодную дань, которую ты установишь».

Хлодвиг с радостью принял предложение и направил свою армию против Гундобада. Услышав об этом, Гундобад, который ничего не знал о предательстве брата, послал Годагизилу сообщение. «Приди ко мне на помощь, – извещал он, – франки выступили против нас и вторглись на нашу землю, которую собираются захватить. Давай объединимся против них, тех людей, что ненавидят нас, потому что, если мы не объединимся, мы разделим участь других». Тот ответил: «Буду вместе со своей армией и поддержу тебя».

Все три правителя выступили со своими армиями. Все три армии подошли к крепости, называвшейся Дижоном. Когда они сошлись на реке Уш, Годагизил перешел на сторону Хлодвига, и их объединенные войска разбили армию Гундобада. Узнав о предательстве брата, тот бежал вдоль берегов Роны и укрылся в городе Авиньоне.

Что же касается Годагизила, то после победы он пообещал отдать часть своего королевства Хлодвигу, затем отправился домой в мире и торжественно вошел в город Вьен, как будто он продолжал управлять своей территорией.

Хлодвиг, призвав новые войска, устремился в погоню за Гундобадом, намереваясь выгнать того из Авиньона и убить его. Узнав об этом, Гундобад перепугался, опасаясь, что его могут убить в любой момент. Однако при нем был проницательный и умный человек по имени Аридий.

Гундобад призвал этого человека к себе и сказал: «Я обложен волками и не знаю, что мне делать. Эти варвары замыслили напасть на меня. Если они убьют нас обоих, то опустошат всю округу».

«Вы должны сделать все от вас зависящее, чтобы смирить дикий нрав Хлодвига, – ответил Аридий, – иначе вы погибнете. Если вы согласитесь со мной, я притворюсь перебежчиком. Когда я приду к Хлодвигу, то открою ему, что нет никакой пользы в том, что происходит. Если вы выполните мой план полностью, то Господь Бог Своей милостью приведет нас к благополучному разрешению».

«Я сделаю то, что ты говоришь», – ответил Гундобад. Получив его согласие, Аридий покинул его и направился к Хлодвигу. «Я твой жалкий слуга, самый благочестивый король, – сказал он. – Я оставил презренного Гундобада и пришел, чтобы присоединиться к твоим войскам. Если ты ласково примешь меня, то ты и твои потомки найдут во мне преданного и верного слугу».

Хлодвиг не колеблясь принял его предложение и оставил при себе. Аридий оказался превосходным рассказчиком, всегда готовым дать хороший совет, откровенным в суждениях

⁴³ Текст письма сохранился.

и бесспорно преданным. Хлодвиг между тем велел располагаться лагерем, разместив свою армию вокруг городских стен.

«Если ты король, обладающий абсолютной властью, то прими небольшой совет того, кто является никем, – сказал Хлодвигу Аридий. – Вот то предложение королю, которое я хотел бы ему сделать. То, что я собираюсь вам сказать, позволит вам укрепить свои преимущества и в то же послужит на пользу тем городам, через которые вы собираетесь пройти.

Какой смысл в том, чтобы удерживать все эти войска под своим управлением, когда твой враг находится в крепости, слишком хорошо укрепленной, чтобы вы могли его захватить? Вы уничтожаете поля, травите луга, вырубаete виноградники, причем хорошо плодоносящие. Таким образом вы наносите только вред стране. Почему бы не отправить ультиматум Гундобаду, в котором надо сказать ему, что, если он станет платить ежегодную дань, вы покинете окрестности города? Если он не примет ваше предложение, то вы можете делать то, что захотите».

Хлодвиг прислушался к совету Аридия и приказал своей армии вернуться домой. Затем он отправил послов к Гундобаду и потребовал платить ежегодную дань. Тот не колеблясь выплатил дань за год и пообещал, что продолжит это делать и дальше.

33. Позже, когда Гундобад восстановил свою силу, он счел неприемлемым выплачивать королю Хлодвигу ту дань, которую раньше пообещал. Он направил свою армию против своего брата – и осадил его в городе Вьене. Когда у простых людей в городе начала заканчиваться еда, Годагизил стал опасаться, что он также начнет испытывать голод, поэтому приказал, чтобы простых людей выдворили из города. Так и сделали, но среди изгнанных оказался мастер, который следил за водопроводом. Страшно негодуя по поводу того, что его изгнали вместе с остальными, он отправился к Гундобаду и открыл ему, как тот может сломить сопротивление защитников города и отомстить своему брату.

Вместе с инженером, показывавшим дорогу, воины Годагизила прошли вдоль акведука. Во главе шли люди с железными ломами, ибо ведущий в город водопроводный канал был завален огромным камнем. Под руководством мастера они ломами отвалили камень, открыли путь в город и напали с тыла на защитников, продолжавших пускать стрелы со стены.

Из центра города прозвучал звук трубы, осаждавшие напали на ворота, распахнули их настежь и ворвались внутрь. Защитники города попали под удар с двух сторон и были изрублены на куски. Годагизил пытался спастись в одной из церквей еретиков, но был там убит вместе с арианским епископом. В одной из башен собрались франки, помогавшие воевать Годагизилу, но Гундобад приказал, чтобы с ним хорошо обращались. Разоружив их, он отправил их в изгнание к королю Алариху II в Тулузу.

Все галло-римские сенаторы и бургунды, которые поддерживали Годагизила, были убиты во время сражения. Весь район, который сегодня называется Бургундией, Гундобад взял под свое собственное правление. Чтобы бургунды не могли несправедливо обходиться с римлянами, он ввел среди них более терпимые законы.

34. Осознав, что арианское учение не приносит никакой пользы, и приняв, что Христос, сын Бога, и Святой Дух единосущны, Гундобад попросил святого епископа Вьена тайно миропомазать его.

«Если ты действительно веришь в то, что сам Господь учит нас, – сказал епископ, – ты должен следовать этому. Христос сказал: «Итак, всякого, кто исповедает Меня пред людьми, того исповедаю и Я пред Отцем Моим Небесным; А кто отречется от Меня пред людьми, отрекусь от того и Я пред Отцем Моим Небесным» (Мф., 10: 32—33).

Точно так же Господь говорил святым и благословенным апостолам, которых так сильно любил, возвещая: «Остерегайтесь же людей: ибо они будут отдавать вас в судилища и в синагогах своих будут бить вас. И поведут вас к правителям и царям за Меня, для свидетельства перед ними и язычниками» (Мф., 10: 17—18).

Вы – король, и вам не нужно бояться, что кто-нибудь сможет обвинить вас, и вам не следует опасаться своих подданных. Не бойтесь признаться публично в своей вере в Создателя всего сущего. Не будьте столь безрассудным и признайтесь перед ними во всем том, во что вы верите всем своим сердцем. Благословенный апостол говорил: «Потому что сердцем веруют к праведности, а устами исповедуют ко спасению» (Рим., 10: 10). Точно так же пророк сказал: «Я прослаблю Тебя в собрании великом, среди народа многочисленного восхваляю Тебя» (Пс., 34: 18). И еще: «Буду славить Тебя, Господи, между народами; буду воспевать Тебя среди племен» (Пс., 56: 10).

Ты же боишься своего народа. Разве ты не понимаешь, что было бы лучше, если бы люди приняли твою веру, чем ты бы, правитель, потворствовал всяким желанием? Ты – глава твоего народа, среди него нет господина выше тебя. Когда ты отправляешься на войну, именно ты идешь во главе своей армии, и войска повсюду следуют за тобой.

Следовательно, и будет лучше всего, если бы они узнали истину, следуя твоему руководству, чем после твоей смерти продолжали пребывать в заблуждении. «Бог поругаем не бывает» (Гал., 6: 7), кроме того, Он не может полюбить человека, который в земном царстве отказывается признать Его перед всем миром».

Убежденный сказанным Гундобад все же до конца дней своих продолжал упорствовать, отказываясь всенародно признать единосущность Троицы.

В то время святой Авит славился своим красноречием и не было ему равных среди прочих. Когда же из Константинополя распространилась ересь Евтихия и Савелия, утверждавших, что у нашего Господа Иисуса Христа не было ничего божественного, Авит по просьбе короля Гундобада написал полемические сочинения против этих еретиков. В нашем распоряжении все еще находятся эти замечательные письма, в которых одновременно осуждается ересь и укрепляется Божья церковь.

Авит также написал и книгу проповедей, шесть книг в стихах о Сотворении мира и других сходных проблемах, девять книг «Писем», куда вошли и вышеупомянутые послания. В одной проповеди он пишет, что совершение этих обрядов до дня Вознесения Господня было введено Мамертом, епископом того же самого города Вьена, где состоял епископом и Авит, чтобы успокоить жителей. Целый год Вьен сотрясался от частых землетрясений, дикие стаи волков и оленей входили через врата и бродили по всему городу, ничего и никого не опасаясь.

Когда стало приближаться время праздника Пасхи, обычные люди, поклоняясь Господу, ожидали Его снисхождения, надеялись, что этот день великого торжества, возможно, положит конец этому ужасу. Однако в священную ночь, во время службы находившийся внутри городских стен дворец короля был охвачен огнем от молний. Собравшихся охватила паника, они устремились из церкви, потому что решили, что теперь пламя охватит весь город или что земля разверзнется и проглотит их.

Плача и стеноя, святой епископ пал ниц перед алтарем, умоляя Господа о милости. Его молитва была услышана, и дождь потушил пламя. Пока все это происходило, приближался праздник Вознесения Господа, как я уже говорил вам. Епископ велел людям поститься, ввел особую форму молитвы и раздал подаюние бедным.

Тогда всем страхам пришел конец. Рассказ о том, что произошло, распространился по всем провинциям, и все епископы последовали примеру нашего епископа. До наших дней совершаются все обряды, все раскаиваются в грехах своих и славят, с благодарностью в сердце, нашего Господа.

35. Когда Аларих II, король вестготов, увидел, что король Хлодвиг побеждает один народ за другим, он послал ему послов. «Если ты согласишься, – передал он, – то было бы замечательно, чтобы мы встретились с одобрения Господа». Тот ответил согласием. Хлодвиг отправился в путь, чтобы встретиться с Аларихом на острове посередине реки Луары неподалеку от Тура. Они провели там переговоры, сидели бок о бок на пиру, поклялись в вечной дружбе и отправились домой, заключив мир. В то время великое множество людей в Галлии хотели бы оказаться под властью франков.

36. Прямым следствием всего этого стало то, что епископ города Родез Квинциан впал в немилость и стал изгоняться жителями из города. Жители города говорили ему: «Уходи, ведь ты хочешь, чтобы франки захватили всю нашу страну». Вскоре после этого открытый раскол начался между ним и его паствой.

Проживавшие в Родезе готы заподозрили его в симпатии франкам и стали обвинять, что он хочет принять власть франков. Они собрались вместе и замыслили убить его. Услышав об этом, Квинциан бежал ночью из города с самыми преданными своими слугами.

Он добрался до Клермона, где его тепло принял святой Евфразий, который стал преемником Апрункула, епископа Дижона. Евфразий дал ему приют, выделил поля и виноградники, заявив при этом: «Запасов данной епархии достаточно, чтобы содержать нас обоих: это проявление милосердия со стороны благословенного апостола, проповедующего, что такие отношения должны сохраняться между слугами Господа».

Епископ Лиона также передал Квинциану часть церковной собственности, которую имел в Клермоне. Подробности жизни святого Квинциана, а также несправедливости, совершенные по отношению к нему, и те чудеса, которые Господь соизволил совершать с его помощью, описаны в соответствующей главе моей книги.

37. «Не могу видеть, как эти ариане занимают часть Галлии, – заявил Хлодвиг своим людям. – Давайте с Божьей помощью пойдем на них, разобьем и захватим их страну». Все согласилось с его предложением. Собрали армию, и Хлодвиг направился к Пуатье.⁴⁴

Часть войска прошла через земли Тура. Из уважения к святому Мартину Хлодвиг распорядился, чтобы франки ничего не брали в этой области, кроме травы и воды. Один из воинов нашел немного сена, принадлежавшего бедному человеку. «Король велел, чтобы ничего не изымали, кроме травы, не так ли? – заявил этот воин. – А это и есть трава. Мы не нарушим его приказ, если возьмем это».

Воин силой отобрал сено у бедняка, но об этом доложили Хлодвигу, который тут же рассек воина мечом. «Мы не сможем победить, если обидим святого Мартина», – сказал Хлодвиг. Произошедшего оказалось достаточным, чтобы армия ничего не брала в этом районе.

Затем король отправил в храм Святого Мартина посланцев с богатыми дарами. «Идите туда, – добавил он, – и принесите мне доброе предзнаменование из Божьего дома». «Господи, – сказал Хлодвиг, – если ты решил передать в мои руки этот неверный народ, то соизволи дать мне знак, когда эти люди войдут в храм Святого Мартина, чтобы я мог знать, что ты поддержишь своего слугу Хлодвига».

Посланцы отправились в путь и прибыли в Тур, как им велел Хлодвиг. Когда они вошли в церковь, регент хора как раз начал произносить нараспев следующий антифон: «Ибо Ты препоясал меня силою для войны и низложил под ноги мои восставших на меня; Ты обратил ко мне тыл врагов моих, и я истребляю ненавидящих меня» (Пс., 17: 40—41). Услы-

⁴⁴ В 507 г.

шав эти слова, посланцы воздали хвалу Господу. Они принесли клятвы святому и, счастливые, вернулись обратно, чтобы доложить обо всем королю.

Добравшись вместе со своей армией до реки Вьенны, Хлодвиг растерялся, поскольку не знал, где ему перейти реку, потому что она разлилась от сильных дождей. Той ночью он молился, чтобы Господь подал знак, обозначив брод, по которому он бы смог перейти. На рассвете огромная самка оленя вошла в воду, как будто решила вести их по велению Господа.

Солдаты знали, что там, где пересекла реку самка оленя, они также смогут пройти. Король же подошел к Пуатье и, еще находясь в лагере, увидел столб огня, вырвавшийся из церкви Святого Илария. Случившееся еще больше убедило Хлодвиг в том, что ему подан знак и благодаря поддержке святого он сможет победить войско еретиков, против которых так часто сам Иларий выступал в интересах веры. Хлодвиг запретил своим войскам захватывать какую-либо добычу по мере их продвижения, а также грабить, лишая людей их собственности.

В то время в монастыре на окраине Пуатье обитал святой аббат Максенций, известный своей набожностью. Не стану называть имя монастыря, сегодня именуемого как обитель Святого Максенция. Увидев, что войско подходит все ближе и ближе к их монастырю, монахи стали молить аббата выйти из своей кельи и благословить солдат. Однако тот так долго собирался, а они были так напуганы, что наконец монахи сломали дверь и вывели его из кельи.

Но он не выказал никакого страха. Максенций направился к войскам, как бы собираясь попросить их не досаждают ему. Один из воинов вытащил свой меч, чтобы ударить аббата по голове. Однако его рука оцепенела на уровне уха святого, а меч упал на землю. Перепуганный воин упал к ногам святого и попросил у него прощения. Когда его товарищи увидели то, что произошло, они бросились обратно, не помня себя от страха, потому что боялись, что расплатятся за все произошедшее своей жизнью.

Блаженный святой потерял руку человека елеем, осенил его крестным знаменем, и тот мгновенно выздоровел. Услышав обо всем, что сделал Максенций, его монастырь не тронули. Сам же Максенций совершил множество других чудес, внимательный читатель может прочитать о них в его «Жизнеописании». Все это произошло на пятнадцатый год правления Хлодвиг.⁴⁵

Тем временем король Хлодвиг встретился с Аларихом II, королем вестготов, на поле сражения в десяти милях от города Пуатье⁴⁶. Готы начали забрасывать франков копьями, а франки бросились в рукопашную. Готов вынудили бежать, и Хлодвиг оказался победителем, поскольку Господь был на его стороне.

Одним из его союзников тогда был Хлодерих, сын Сигиберта Хромого. Сигиберт хромотал, потому что был ранен в колено во время сражения с алеманнами у крепости Цюльпих. Когда Хлодвиг убил Алариха, а готы бежали, двое из них неожиданно ударили франкского короля с двух сторон своими копьями. Он спасся только благодаря своим кожаным латам и быстрому коню, но едва не погиб.

В той битве погибло множество жителей Оверни (и Клермона), пришедших с Аполлинарием, и среди них знатнейшие сенаторы. Амаларих, сын Алариха II, бежал с поля боя и спасся бегством в Испанию, а позже мудро правил царством своего отца (тем, что осталось – после захвата франками Юго-Западной Галлии и столицы королевства вестготов Тулузы. – *Ред.*).

⁴⁵ Известно два «Жизнеописания святого», но, кажется, ни одно из них не соотносится со временем жизни Григория.

⁴⁶ В 507 г. Во многих источниках эта битва называется битвой при Вуйе.

Хлодвиг отправил собственного сына через Альби и Родез в Клермон. По пути Теодорих подчинил власти своего отца все города, которые находились между владениями готов и Бургундией. Аларих II правил в течение 22 лет (23 года – с 484 по 507 г. – *Ред.*). Хлодвиг зимовал в Бордо, а затем захватил сокровища Алариха в Тулузе и отправился в Ангулем. Там наш Господь оказал ему такую милость: как только он посмотрел на стены, они тотчас обрушились. Хлодвиг изгнал вестготов из Ангулема, принял на себя управление городом, а затем вернулся в Тур. Там он преподнес много даров церкви Святого Мартина.

38. Хлодвиг получил от императора Анастасия грамоту, в которой он жаловал ему титул консула. В храме Святого Мартина Хлодвиг, одетого в пурпурную тунику и военный плащ, увенчали диадемой. Затем король проехал верхом, осыпая золотыми и серебряными монетами людей, собравшихся на всем пути от ворот храма Святого Мартина до Турского собора. С того дня и впоследствии его называли консулом или Августом. Хлодвиг оставил Тур и отправился в Париж, который избрал местом своего пребывания. В Париже к нему присоединился Теодорих.

39. Когда Евстохий, епископ Тура, умер, на его место назначили Лициния. Он стал восьмым после святого Мартина. Именно в его время произошла война, а в Тур прибыл король Хлодвиг. Как рассказывают, Лициний совершил путешествие по Востоку, посетил святые места в Иерусалиме, а также места, где происходили страсти Господни и Воскресение, те события, о которых рассказывается в Евангелии.

40. Живя в Париже, Хлодвиг тайно отправил послов к сыну Сигиберта Хлодериху и велел сказать ему следующее: «Твой отец стар, хромота на одну ногу. Если ему суждено умереть, его царство перейдет тебе по праву, и мои союзники станут твоими». Того одолела жажда власти, и он замыслил устроить смерть своего отца. Однажды Сигиберт вышел из города Кельна и пересек Рейн, потому что решил прогуляться в Буконском лесу.

Когда в полдень Сигиберт решил передохнуть в своей палатке, сын подослал к нему убийц, которые и умертвили его, так что сын смог захватить королевство отца. Однако по произволению Господа он попал в ту же яму, которую вырыл для своего собственного отца. Он отправил посланцев к королю Хлодвигу, чтобы те сообщили ему о смерти Сигиберта.

«Мой отец мертв, – сообщил сын Сигиберта, – и я захватил его королевство и его сокровища. Пошли ко мне своих представителей, и я охотно отдам тебе все, что ты захочешь выбрать из моих сокровищ». – «Благодарю тебя за твое расположение, – ответил Хлодвиг, – я прошу тебя только показать все твои сокровища моим посланцам, но ты можешь сохранить их для себя».

Когда послы прибыли, сын Сигиберта открыл перед ними сокровищницу. «Погрузи свою руку, чтобы она дошла до самого дна, – предложили послы Хлодвигу, – чтобы мы увидели, как их много». Когда сын Сигиберта наклонился, чтобы это сделать, один из франков рассек ему череп французской (двусторонней) секирой. Так недостойный сын разделил участь своего отца.

Услышав, что Сигиберт и его сын мертвы, Хлодвиг отправился сам в Кельн и приказал, чтобы собрались жители.

«Когда я плыл по реке Шельде, – сказал Хлодвиг, – Хлодерих, сын вашего короля, устроил заговор против своего отца, чтобы убить его. Когда Сигиберт охотился в Буконском лесу, Хлодерих подослал наемных убийц, и они убили Сигиберта.

Когда же сам Хлодерих показывал отцовские сокровища, он, в свою очередь, был кем-то убит. Я не несу ответственности за то, что произошло. Мне не свойственно проливать кровь дружественных королей, потому что это преступление, но, поскольку вещи оберну-

лись таким образом, я дам вам совет, а вы вправе поступить так, как захотите. Обратитесь ко мне и отдайтесь под мою защиту».

Услышав речь Хлодвига, все в знак одобрения стали бить по своим щитам. Затем они подняли Хлодвига на щит и сделали его своим королем. Так ему удалось завладеть королевством, сокровищами Сигиберта и подчинить его народ. День за днем Господь передавал врагов Хлодвига в его руки и увеличивал его владения, поскольку тот представлял перед Господом с открытым сердцем и делал то, что было приятно его очам.

41. Тогда Хлодвиг выступил против Харариха, короля франков (один из вождей салических франков. – *Ред.*), который отказался помочь, когда Хлодвиг воевал с Сиагрием. Сохраняя нейтралитет, он не помог ни одной из сторон и ожидал исхода конфликта, чтобы предложить свою дружбу тому, кто победит. Вот почему теперь Хлодвиг напал на него.

Хлодвиг хитростью пленил Харариха вместе с сыном, а затем велел связать их и постричь в монахи (тем самым лишая права престолонаследия. – *Ред.*). Он также велел, чтобы Харариха посветили в сан, а его сына сделали дьяконом. Говорят, что Харарих расплакался, узнав, как их унизили.

Рассказывают, что его сын воскликнул: «Эти листья срубили с еще зеленого дерева, из которого продолжает течь сок. Они вскоре отрастут снова и станут больше, чем раньше, и, может быть, тот, кто сделал это, умрет раньше, чем они снова зазеленеют». В этих словах была угроза: они снова отпустят волосы и убьют его. Поэтому Хлодвиг велел отрубить им головы. После этого он завладел их королевством, их сокровищами и людьми.

42. В это время в Камбре жил король Рагнахар, и он настолько погряз в распутстве, что вступал в связь с любой женщиной, которую видел, даже родственницей. У него был советник по имени Фаррон, обладавший теми же гнусными привычками. Говорили, что, когда королю подносили еду или любой дар, тот говорил, что он недостаточно хорош для него и его дорогого Фаррона. Все это приводило в ярость франкских подданных.

Известно, что Хлодвиг дал взятку из золотых наручных украшений и перевязей леудам (придворным) Рагнахара⁴⁷, чтобы они призвали его на помощь. Украшения выглядели так, будто были сделаны из золота, но на самом деле их изготовили из бронзы, а затем искусно позолотили. Хлодвиг выдвинул свою армию против Рагнахара. Тот отправил шпионов, чтобы выяснить, какова сила противника. «Достаточно для того, чтобы сокрушить и тебя, и твоего дорогого Фаррона», – ответили они.

Хлодвиг сам повел свои войска в сражение и разбил Рагнахара. Увидев, что его армия разбита, тот хотел бежать, но придворные схватили его, связали ему руки и так доставили к Хлодвигу. «Почему ты опозорил франков, позволив связать себя? – спросил Хлодвиг. – Лучше бы ты пал в битве».

Он поднял свою секиру и раскроил Рагнахару череп. Затем он повернулся к его брату Рихару и сказал: «Если бы ты поддержал своего брата, его не связали бы и не унизили таким образом». Вторым ударом секиры Хлодвиг убил брата. Когда оба правителя умерли, их придворные, которые предали их, обнаружили, что золото, которое они получили от Хлодвига, поддельное. Когда они пожаловались Хлодвигу, тот ответил: «Такое золото получает тот, кто предает своего господина. Будьте довольны, что я сохранил вам жизнь вместо того, чтобы вы заплатили своей смертью за предательство своих господ, подвергшись пыткам». Услышав это, те предпочли попросить прощения, заявляя, что удовлетворятся тем, что им сохранят жизнь.

⁴⁷ Леуды относились к знати, которая давала особую клятву верности королю, из нее составляли его личных телохранителей.

Оба короля, о которых я вам рассказал, были родственниками Хлодвига. По его приказу в Ле-Мане убили их брата Ригномера. Как только убили всех троих, Хлодвиг завладел их царством и всеми сокровищами. Уничтожив многих других королей и даже своих кровных родственников, которых Хлодвиг заподозрил в организации заговора с целью захвата его королевства, он постепенно расширил свои владения и стал править всей Галлией.

Однажды, созвав великое собрание своих подданных, как рассказывают, он сделал следующее заявление по поводу уничтоженных им родственников: «Как жаль, что я живу среди чужестранцев, как какой-то одинокий странник, и у меня не осталось родственников, которые бы помогли, когда мне станет угрожать беда». Все это он произнес не потому, что печалился об их смерти, но потому, что хитроумно надеялся отыскать кого-либо из родни, которых он смог бы убить.

43. Наконец Хлодвиг умер в Париже. Его похоронили в церкви Святых Апостолов, которую он построил вместе с королевой Хродехильдой (Клотильдой). Он скончался через пять лет после битвы при Вуйе, а всего правил тридцать лет, и ему было сорок пять лет, когда он умер. От кончины святого Мартина до смерти короля Хлодвига, которая произошла на одиннадцатый год епископства Лициния в Туре, прошло сто двенадцать лет.

После смерти своего мужа королева Клотильда вернулась жить в Тур. Она служила в церкви Святого Мартина. Королева прожила оставшуюся часть своей жизни в этом месте, только иногда совершала поездки в Париж. Воздадим ей должное за ее необычайную скромность и добродетельность.

Книга III

1. О сыновьях Хлодвига
2. О епископстве Динифия, Аполлинария и Квинциана
3. О вторжении данов в Галлию
4. О королях Тюрингии
5. О том, как Сигимунд убил своего сына
6. О смерти Хлодомера
7. О войне с тюрингами
8. О смерти Герменефреда
9. О том, как Хильдеберт отправился в Клермон
10. О гибели Амалариха
11. Как Хильдеберт и Хлотарь (Лотарь) отправились в Бургундию, а Теодорих – в Клермон
12. О разрушениях, произведенных в Клермоне
13. О крепостях Воллор и Марлак
14. О смерти Мундериха
15. О пленении Аттала
16. О Сигивальде
17. О епископах Турских
18. О гибели сыновей Хлодомера
19. О святом Григории и о крепости Дижон
20. Как Теодеберт был помолвлен с Визигардой
21. Как Теодеберт отправился в Прованс
22. О том, как он позже женился на Деотерии
23. О гибели Сигивальда и бегстве его сына
24. О том, как Хильдеберт вознаградил Теодеберта
25. О добротe Теодеберта
26. О том, как Деотерия убила собственную дочь
27. О том, как Теодеберт женился на Визигарде
28. О том, как Хильдеберт и Теодеберт объединились и выступили против Хлотаря
29. О том, как Хильдеберт и Хлотарь отправились в Испанию
30. Об испанских королях
31. О дочери Теодориха, короля Италии
32. О том, как Теодеберт отправился в Италию
33. Об Астериоле и Секундине
34. О щедрости Теодеберта и о жителях Вердена
35. Об убийстве Сиривульда
36. О смерти Теодеберта и Парфения
37. О суровой зиме

Известно, что христианам, исповедующим Святую Троицу, всегда сопутствует удача, тогда как тех, кто ее отвергает, преследуют несчастья. Оставляю в стороне историю о том, как Авраам поклонялся Троице у дубравы Мамре (Быт., 18: 1), как Иаков возвестил о ней в благословении, а Моисей увидел в неопалимой купине и как народ Израиля следовал за ней, бывшей в облаке, и трепетал перед ней, бывшей на горе.

Не стану описывать и как Аарон носил Троицу на груди, а Давид пророчествовал в псалмах, молясь, чтобы Святой Дух не оставил и напитал его и он сам укрепился духом вла-

дычественным (Пс., 50: 12—14). Кстати, для меня является великой тайной, почему еретики считают Дух, который Давид именует владычественным (*spiritus principalis*), ниже Отца. Ведь у Ария, родоначальника этого лжеучения, вывалились внутренности в отхожем месте, а сам он оказался в адском огне, тогда как святой Иларий, защищавший неделимость Троицы и за это сосланный, не только возвратился на родину, но и попал в рай.⁴⁸

Веривший в Троицу король Хлодвиг разгромил еретиков с Божьей помощью и расширил свои владения, включив в них всю Галлию, а Аларих II, отвергавший единосущность Троицы, соответственно лишился своего царства, подданных и, что более существенно, вечной жизни. Господь всегда воздаёт истинно верующим, тогда как дьявол искушает. Еретики ничего не приобретают, теряя и то небольшое, чем обладают.

Доказательством этому служит смерть Годегизила, Гундобада и Годомара, потерявших и свою страну, и свои души.⁴⁹

Мы же исповедуем Господа единого, нераздельного и необъятного, непостижимого, славного, бесконечного и вечного, исповедуем единого в Троице, то есть Отца и Сына и Святого Духа: признаем и троичность в единстве, при тождестве сущности, божественности, всемогущества и силы; Он есть единый великий и всемогущий Бог, и царствует Он во веки веков.

1. После смерти Хлодвига его четыре сына, Теодорих, Хлодомер, Хильдеберт и Хлотарь, унаследовали его королевство, разделив его между собой на равные части. У Теодориха уже был сын по имени Теодеберт, красивый и способный молодой человек. Все четверо братьев были известны своей храбростью, а сильная армия поддерживала их власть. Амаларих, сын Алариха II и король Испании, попросил руки их сестры, они милостиво согласились и отправили ее в Испанию с огромным приданым, состоявшим из множества драгоценностей.

2. Когда умер Лициний, епископ Тура, на епископский трон взошел Динифий. А после смерти блаженного Апрункула двенадцатым епископом Клермона стал святой Евфразий. Он на четыре года пережил Хлодвига и умер на двадцать пятый год своего епископства.

Когда народ выбрал на его место святого Квинциана, изгнанного из Родеза, Алкима и Плацидина, жена и сестра Аполлинария отправились к Квинциану и заявили: «Разве недостаточно тебе, в столь преклонном возрасте, что тебя уже назначили в одно епископство? Не мог бы ты, отличающийся такой набожностью, позволить своему слуге Аполлинарию быть епископом здесь? Если он удостоится столь высокой чести, то подчинится твоим приказам во всех делах. Ты будешь отдавать ему приказы, и он станет выполнять все твои пожелания. Отнесись, пожалуйста, благожелательно к нашей смиренной просьбе».

«Что же могу сделать я, – спросил Квинциан, – у которого нет власти. Я никак не могу повлиять на его избрание».

Естественно, что сам я не прошу ни о чем, кроме того, чтобы церковь давала мне достаточно пищи каждый день, с тем чтобы я мог посвящать себя молитве».

Услышав его ответ, женщины направили Аполлинария к королю Теодориху, находившемуся тогда в Клермоне. Аполлинарий преподнес ему множество подарков, и его назначили епископом. Однако, пробыв епископом всего четыре месяца, он умер. Узнав об этом, Теодорих велел передать епархию со всем имуществом святому Квинциану. «Именно из-за любви ко мне его изгнали из родного города», – сказал Теодорих.

⁴⁸ Илария, епископа Пуатье, отправили в ссылку в Фригию в 356 г. Он вернулся в Пуатье в 360 г. и умер в 368 г.

⁴⁹ Годегизил, Гундобад и Годомар были арианскими королями Бургундии. Григорий опускает Сигимунда, правившего между Гундобадам и Годомаром, который был ортодоксальным христианином, потерпел поражение в битве и был убит Хлодомером в 523 г.

В Клермон сразу же направили послов, собрали местных епископов и городских жителей и избрали епископом Квинциана, ставшего четырнадцатым главой епархии. Все его деяния и чудеса описаны в книге, которую я написал о его жизни.⁵⁰

3. Между тем даны под командованием короля Хлохила иха вторглись в Галлию с моря. Они высадились на берег, разорили одну из областей Теодориха, захватив пленных. Загрузив свои корабли награбленным добром и пленными, они решили плыть домой. Но их король оставался на берегу, решив взойти на борт, когда все его корабли выйдут в открытое море. Узнав, что в его земли вторглись чужеземцы, Теодорих отправил туда своего сына Теодоберта вместе с сильной армией и всем необходимым вооружением. Они убили датского короля, разбили его флот в морском сражении, а всю захваченную добычу снова перенесли на берег, вернув домой.

4. В те времена Тюрингией правили три брата по имени Бадерих, Герменефред и Бертахар. Герменефред победил своего брата Бертахара в битве и убил его. У Бертахара осталась сирота дочь по имени Радегунда⁵¹, а также несколько сыновей, о которых мне еще доведется рассказать. Эту междоусобную войну между братьями разожгла злобная и коварная Амалаберга, жена Герменефреда.

Однажды, когда ее муж пришел, чтобы поесть, он обнаружил, что накрыто только полстола. Когда он спросил у Амалаберги, что та имеет в виду, та ответила: «Король, лишенный половины своего царства, видит и свой стол наполовину накрытым». После этого случая и ряда других, также подстроенных Амалабергой, Герменефред вышел из себя. Он решил напасть на своего брата и отправил тайных посланников к королю Теодориху, чтобы пригласить его развязать войну с братом.

«Если мы сможем убить его, – заявил Герменефред, – то поделим его королевство поровну между нами». Воодушевленный этой идеей, Теодорих сразу же направился к нему вместе со своей армией. Они заключили договор, связали себя обещанием и вышли в поход. Сойдясь в битве с Бадерихом, они уничтожили его армию и отрубили ему голову. Затем они завоевали его территорию, после чего Теодорих вернулся домой. Однако Герменефред тут же забыл о своей клятве и не собирался выполнять данное обещание. В результате между двумя королями возникла сильная вражда.

5. После смерти Гундобада его царство унаследовал его сын Сигимунд. С большим усердием он возвел монастырь в Акавне с множеством зданий и храмов. Потеряв свою первую жену, дочь Теодориха, короля Италии, он женился во второй раз, хотя от первой у него остался сын по имени Сигирих. Новая жена, как и всякая мачеха, начала оскорблять своего пасынка и дурно обращаться с ним.

Случилось так, что, когда в некий праздник мальчик заметил, что она носит одежды, принадлежавшие его матери, он с горечью заметил ей: «Тебе должно быть стыдно, что ты оделась в платье, которое, как все знают, принадлежало твоей госпоже, моей собственной матери!» Услышав это, королева разъярилась. Она тотчас отправилась к своему мужу и взбаламутила его своим язвительным языком: «Твой безнравственный сын замышляет захватить

⁵⁰ Liber vitae Patruum.

⁵¹ Тюрингская принцесса Радегунда впоследствии стала первой женой короля Хлотаря I, но она предпочла вести религиозный образ жизни и основала знаменитую обитель Святого Креста в Пуатье. Она умерла в 587 г., и Григорий отправился на ее похороны, о чем рассказал в книге IX. Упомянем также о восстании в обители Клотильды и Базины во времена правления Левбоверы, второй аббатисы. Иезуитский колледж, Кембридж, построил на месте, предназначенном для монастыря, около 1157—1164 гг., посвятив его святой Радегунде, король Шотландии и граф Хантингтон Малькольм IV. Малькольм сражался вместе с Генрихом II против французов в районе Пуатье. Йезус-Лейн в Кембридже раньше называлась Радегунда-Лейн.

твой трон, – заявила она. – Однажды он убьет тебя, ибо намеревается распространить свою власть до самой Италии, чтобы потом завладеть и тем царством, которым управлял его дед Теодорих. Он знает, что, пока ты жив, не сможет осуществить свои планы и возвысится, когда тебя не станет».

Сигимунд постепенно поверил наговорам своей коварной жены и стал подлым убийцей своего собственного сына. Однажды, когда мальчик выпил вина за обедом и прилег поспать, ему на шею набросили платок. Два слуги потянули за концы, и мальчик задохнулся.

Его отец был убит горем, осознав, что он наделал, но было уже слишком поздно. Сигимунд бросился на мертвое тело и горестно зарыдал. Присутствовавший при этом старец заметил: «Оплакивай себя, поскольку по злему наущению твоей жены ты злодейски убил своего собственного сына. Нет смысла оплакивать своего мальчика, убитого безвинно».

Тем не менее Сигимунд отправился в монастырь в Акавн, где провел долгое время оплакивая сына и моля о прощении. Затем он отправился в Лион, но вездесудное Господа преследовало его по пятам. А на его дочери женился король Теодорих.

6. Узнав о том, что произошло, королева Хродехильда (Клотильда) обратилась к своему сыну Хлодомеру и другим сыновьям. «Мои дорогие дети, – заявила она, – не заставляйте меня жалеть о том, что я растила вас с такой заботой. Вы должны обязательно отомстить за то зло, что причинили мне. Используйте всю свою силу, чтобы отомстить за смерть моих матери и отца».

Выслушав ее обращение, сыновья отправились в Бургундию, бросив свои войска против Сигимунда и его брата Годомара. Армия бургундов потерпела поражение, и Годомар бежал, а Сигимунд попытался бежать в Акавнский монастырь. Однако Хлодомер захватил его вместе с женой и сыновьями и содержал в заключении где-то в окрестностях Орлеана.

Когда франкские короли ушли оттуда, Годомар снова собрал войско, мобилизовав бургундов, и вернул себе в битве свое королевство. Решив напасть на него во второй раз, Хлодомер решил сначала убить Сигимунда. Однако святой Авит, аббат и влиятельный церковник того периода, сказал ему: «Если ты изменишь свои планы и, боясь Бога, сохранишь этим людям жизнь, то Господь будет с тобой, и ты победишь. Напротив, если ты убьешь их, то попадешь в руки врагов и тебя постигнет та же участь. Что бы ты ни сделал с Сигимундом, его женой и детьми, то же самое постигнет и тебя, и твоих детей, и твою жену».

Хлодомер отказался прислушаться к совету аббата. «Глупо предлагать мне, – заявил он, – чтобы я выступил, оставив врагов у себя за спиной, чтобы встретиться с другими. Одни нападут на меня с тыла, другие встретятся со мной лицом к лицу, и я буду раздавлен между двумя армиями. Я одержу более легкую победу, если стану уничтожать всех по отдельности. Если я сейчас убью одного, то мне легче будет избавиться от остальных».

Сигимунд, его жена и дети тотчас были убиты: Хлодомер велел их бросить в колодец близ Коломны (Коломб), небольшого городка близ Орлеана. Он призвал к себе на помощь короля Теодориха и выступил в Бургундию. А тот, не выказав никакого желания отомстить за зло, причиненное его тестю, пообещал выступить в поддержку Хлодомера.

Обе армии встретились в Везеронсе близ Вьена и сошлись в битве с Годомаром. Когда Годомар обратился в бегство, Хлодомер начал преследовать его и вскоре опередил свои войска. Бургундцы же сымитировали призывный клич Хлодомера и стали кричать ему: «Сюда! Сюда! Мы – ваши войска!» Тот поверил им, помчался в том направлении и оказался прямо в гуще своих врагов. Они отрубили ему голову, посадили ее на кол и подняли в воздух.

Увидев, что произошло, и поняв, что Хлодомер мертв, франки собрались с силами и заставили Годомара бежать. Они покорили Бургундию и завладели всей страной. Позже Хлотарь женился на Гунтевке, жене своего брата. Когда закончился период траура, королева Хродехильда взяла сыновей Хлодомера в свой собственный дом и воспитала их. Старшего

звали Теодовальдом, младшего Гунтаром и третьего Хлодовальдом. Годомар же отвоевал свое царство в третий раз.

7. Теодорих так и не смог забыть вероломство короля тюрингов Герменефреда. Он призвал на помощь своего брата Хлотаря, пообещав ему часть добычи, если они победят, и готовился выступить против Герменефреда. Собрав франков, Теодорих сказал им:

«Конечно, вы разгневаны тем, что меня оскорбили и убили ваших родственников. Вспомните, как эти тюринги напали на франков и нанесли им много вреда.

Произошел обмен заложниками, и франки были готовы заключить с ними мир. Но тюринги умерщвляли заложников самыми разными способами. Они нападали на наших соотечественников и захватывали их собственность. Они подвешивали наших мальчиков на деревьях, оставляя умирать.

Они умертвили более двух сотен наших молодых женщин, привязывая их за руки к шеям лошадей, чтобы те бежали во все стороны и разрывали девушек на куски. Или же вытягивали девушек на колеях дорог, прикрепляя руки и ноги к земле кольями, затем проводили по ним тяжело нагруженные телеги, пока не переламывали все их кости. Тела бросали собакам и птицам на растерзание.

Более того, и теперь Герменефред нарушил свое обещание, данное мне, отказавшись делать то, что был должен. Нет никакого сомнения в том, что правда на нашей стороне. С Божьей помощью мы должны пойти на них!»

Выслушав то, что он сказал, и разъярившись от перечисления преступлений, совершенных их врагами, франки вторглись в Тюрингию. Призвав на подмогу своего брата Хлотаря и его сына Теодеберта, Теодорих выступил во главе армии. Тюринги же приготовили франкам засады и ловушки.

Они вырыли несколько рвов в поле, где должна была состояться битва. Затем прикрыли сверху эти рвы дерном и выровняли поверхность, сровняв ее с остальным травяным покровом. Когда битва началась, большая часть франкской кавалерии, вырвавшаяся вперед, попала в эти рвы, послужившие большой помехой для наступления.

Разгадав уловку, франки стали продвигаться с большей предусмотрительностью. Увидев, что король Герменефред отступил с поля битвы, и поняв, что их изрубят на куски, понесшие большие потери тюринги побежали к реке Унструт. Там погибло столько тюрингов, что франки перебирались по трупам на другую сторону, как по мосту. Одержав победу в битве, франки завоевали страну и подчинили ее своей власти.

Когда пришло время вернуться домой, Хлотарь забрал в качестве своей доли добычи Радегунду, дочь короля Бертахара, и позже женился на ней. Однако это впоследствии не помешало ему организовать убийство ее брата с помощью наемных убийц. Радегунда же обратилась к Богу, вела религиозный образ жизни и выстроила для себя обитель в Пуатье, став известной своими молитвами, соблюдением всех постов и благотворительностью. Поэтому позже стало известно, что местные жители почитали ее святой.

Пока франкские короли находились в Тюрингии, Теодорих замыслил убить своего брата Хлотаря. Подготовив засаду из вооруженных наемников, он призвал Хлотаря к себе якобы для тайных переговоров. На внутреннем дворе своего дома он растянул кусок полотна от одной стены до другой и велел встать за ним вооруженным воинам.

Полотно не было достаточно длинным, оно не доходило до земли, и из-под него явственно торчали ноги мужчин. Хлотарь заметил это и прошел в дом в сопровождении своей собственной охраны. В свою очередь, Теодорих понял, что Хлотарь догадался о его замысле, и, болтая то об одном, то о другом, он придумал подходящий предлог. Не зная, как ему скрыть попытку предательства, он наконец протянул Хлотарю в качестве подарка огромный серебряный поднос.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.